

Аннотация

В истории цивилизации огромную роль сыграло покорение человеком водных просторов – сначала рек, а потом морей и океанов. След за кормой... Когда впервые появился он на воде? Когда поплыла по речной глади лодка, направляемая рукой человека? Кто изобрёл мачту и парус и, подчинив мощь ветра, понёсся на лёгком судёнышке? Остросуژهтные повести, составляющие книгу, рассказывают об этапах в истории мореплавания, начиная с появления первой долблёной лодки, постройки палубного корабля и кончая парусными судами, которые могли лавировать против ветра и на которых норманны сумели совершить плавание через Атлантический океан.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПЯТНАДЦАТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ НАЗАД

Пленник духов Воды

У-Нак вышел на рыбную ловлю рано утром.

У каждого из Людей Воды было излюбленное для охоты место.

Рыболовных участков хватало близ самого жилья: племя Людей Воды было немногочисленно, а река, широкая и глубокая, изобиловала рыбой. Её называли О-Тал, а это означало: Большая река. И, если бы на берегах О-Тала поселилось ещё десять, сто или тысяча таких племён, река прокормила бы всех. Но ни один Человек Воды не представлял себе, если бы на свете могло существовать такое множество людей.

Ближайшими соседями Людей Воды были Люди Гор, немногочисленное племя которых обитало в скалистых пещерах. До их поселения хороший ходок, выйдя на рассвете, мог дойти к вечеру следующего дня.

Старик Ба-Гу, проживший дольше всех Людей Воды, утверждал, что древние времена, когда ещё мать его матери была маленькой, Люди Гор и Люди Воды составляли одно племя. Но пищи не стало хватать, орехов и ягод не доставало на всех едоков, охотники со своими копьями и луками всё реже убивали кабанов, лосей и оленей, напуганные птицы покидали леса... И тогда, после долгих раздумий, половина племени оставила родной край и ушла на север, к О-Талу. Там, в глинистых откосах берега переселенцы вырыли несколько пещер. Племя росло, и пещеры год от году расширялись.

Река вначале пугала людей своей необозримой ширью, грохотом волн, разбивавшихся во время бурь о берега, рёвом неведомых чудищ, высывавших из воды чёрные усатые морды.

Взрослые переселенцы до самой смерти не освободились от страха перед рекой. Но их дети и дети их детей привыкли к виду речных просторов, и хотя прятались по своим норам от осенних и зимних ураганов, но знали, что ураганы уйдут, не причинив вреда, если оставить им на берегу приношения: полусгнивших рыб или испорченные рыболовные принадлежности.

В ту отдалённую пору, о которой здесь идёт рассказ, женщины в племени были главнее мужчин. Такой порядок назывался матриархатом. При матриархате мужчины племени бродили по горам и лесам, занимаясь охотой, а женщины вели всё домашнее хозяйство, растили детей.

Когда Люди Воды поселились на берегу О-Тала, главным занятием мужчин по-прежнему была охота на крупную лесную дичь. Но большим подспорьем стала рыбная ловля. Рыболовством занимались и мужчины, и женщины, и подростки.

Лучше всего Людям Воды жилось летом, когда вокруг было много дичи и рыбы. Дичь подстерегали на водопоях, рыбу прокалывали копьями в прозрачной воде у берега. Для сна времени оставалось мало, зато напряжённый труд вознаграждался богатой добычей.

У каждой пещеры валялись бы груды костей, кишок, полусгнивших звериных и рыбьих голов, если бы всё не подчищали добровольные санитары – уже почти одомашненные собаки.

Дети в летнюю пору собирали в лесах грибы и ягоды, заготавливали дрова.

Приближалась зима. Кончался сбор грибов и ягод. Только горькая калина украшала красными гроздьями лишённые листья прозрачные перелески. Рыба уходила в глубокие ямы.

Когда река застывала, рыболовы пробивали каменными топорами лунки во льду и с надеждой вглядывались в тёмную воду. Но добыча попадалась очень редко.

Суровая жизнь приучила Людей Воды к выносливости: они могли обходиться без пищи по нескольку суток кряду. Зато, если охотникам удавалось загнать и убить оленя, быка или лося, каждый член племени поедал невероятное количество мяса, как говорится, про запас.

В голодное зимнее время плохо пришлось бы собакам, если бы они продолжали держаться близ жилья. Но, наученные инстинктом, они скрывались на зиму в лесах и появлялись, когда им уже не грозила опасность быть съеденными.

Весной, когда стаивал снег, люди выкапывали съедобные корни, ели улиток, бродили по болотам в поисках утиных и гусиных яиц и с тоской смотрели на бешено ревуший, жёлтый О-Тал, дожидаясь, когда вода войдёт в берега и очистится от песка и ила.

Не надо, впрочем, представлять себе жизнь Людей Воды беспросветно мрачной. Их потребности были гораздо меньше, чем наши, и малейшая удача, малейший успех делали человека счастливым.

Люди Воды быстро забывали печаль, легко переходили от горя к радости.

Люди Воды любили украшения. Они радовались, как дети, находя красивые раковины. Они втыкали в волосы разноцветные птичьи перья и отполированные рыбы кости... И эти невинные забавы приносили им много счастья. В тяжёлой борьбе за существование изощрялся ум древних людей, развивались способности, становились более совершенными приёмы труда.

Но пора вернуться к У-Наку, который давно всматривался в воду, поджидая добычу. Рыболовы тех отдалённых времён уже знали удочку; но при охоте на крупную рыбу главным орудием служило им копьё с заострённым кремневым наконечником.

Для рыбалки У-Нак выбрал хорошее местечко. Весенние воды приносили с верховьев реки неисчислимое количество древесных стволов; большинство их проплывало мимо, но некоторые задерживались у берегов.

Водоворот повернул громадное дерево так, что корнями оно оказалось в заливчике, берега которого густо обросли кустарником. Корни плавучего ствола прочно переплелись и сцепились с береговыми кустами, и течение уже не могло унести дерево; оно лежало на воде подобь лодочному причалу.

Из всех рыболовов селения У-Нак первым обратил внимание на выдававшийся в реку ствол. Ведь крупная рыба держится не у берега, подальше от него.

С некоторым страхом У-Нак ступил на мокрый шероховатый ствол хватаясь рукой за ветки. В другой его руке было копьё.

Когда У-Нак взглянул на воду, несущуюся под ним, когда почувствовал, как вздрагивает и зыблется на воде дерево, страх его намного возрос. Голова юноши закружилась, ему почудилось, что река тянет его к себе, и он с криком ужаса закрыл глаза.

Но время шло, а он, У-Нак, ещё был жив! О-Тал не схватил его... Да полно, может ли он, в самом деле, стащить его, У-Нака, одного из первых удалцов селения?

У-Нак приоткрыл один глаз, потом другой: всё по-прежнему! Так же струится под ногами река и дрожит дерево, а он, У-Нак, смельчак молодец, не боящийся реки, стоит, сжимая толстую ветвь сильной рукой.

Нам, отдалённым потомкам первобытных людей, У-Нак, быть может показался бы не очень красивым: невысокий лоб; спутанная шапка грубых тёмно-рыжих волос, больше похожая на звериную гриву; курчавая рыжеватая шерсть, сплошь покрывающая руки и ноги; подвижные волосатые уши; чересчур длинные на наш взгляд руки и короткие мускулистые ноги с сильными, цепкими пальцами.

Но, хотя У-Нак был невысок и сутуловат, голова его смело откидывалась назад, живые зоркие глаза под густыми бровями горели умом и жадной познания. Нет, конечно, для своего времени У-Нак был очень красив, и немало девушек заглядывались на него.

Пытливый ум человека заставил У-Нака сделать ещё шаг по стволу, потом другой...

Ничего страшного не произошло: О-Тал, по-видимому, благосклонно относился к смелому предприятию У-Нака. И тогда взор юноши привлекла смутная тень, мелькнувшая в глубине реки. Меткий удар – и на конце копья забился большой осётр.

У-Нак пришёл в восторг: такую крупную добычу не часто достанешь с берега.

У-Нак вернулся в свою пещеру с хорошим уловом. Сколько рыб он принёс, не мог сосчитать ни один мудрец селения: там была кучка в две рыбы, и ещё кучка в две рыбы, и ещё, и ещё... Люди Воды, как и Люди Гор, умели считать только до двух.

Улов У-Нака очень пригодился, потому что остальным рыболовам в этот день не повезло.

Однако в последующие дни никто не решался рыбачить с найденного У-Наком местечка, даже если оно и оставалось свободным, когда юноша уходил на охоту. Только мальчишки, холодея от ужаса, осмеливались становиться на ствол и делать по нему два-три шага...

У-Нак же совсем освободился от суеверного страха перед рекой. В поисках более крупной добычи он пробрался в самую крону дерева, где расчистил среди ветвей удобное для ловли рыбы место.

Выше ствола образовался островок из наносов. Далеко выдававшийся в воду ствол задерживал плывущие по реке ветки, куски коры, плети водорослей. А под такими наносными островками, как известно, любит держаться рыба. Скоро узнал об этом и У-Нак.

В погоне за упавшим с дерева жуком или гусеницей крупные рыбы выскакивали из-под укрытия и становились добычей меткого копья человека.

В день, когда начинается наш рассказ, У-Наку особенно повезло: он перебросал на берег много

больших рыбин. Их подхватывал и складывал в кучу его младший братишка У-Фах.

У-Нак в безудержном восхищении так быстро бегал взад и вперёд по стволу, кидая на берег добычу и возвращаясь к излюбленному месту, что незаметно раскачал дерево, и оно освободилось из продолжительного плена.

Ещё несколько скачков по стволу – и вдруг с берега донёсся дикий вопль: У-Фах заметил, что между корнями плавучего дерева и сушей образовался просвет, в котором блестела вода. У-Нак не сразу понял, что случилось: он долго боролся с огромным лососём, которого подцепил на копьё. А когда, наконец, справился с сильной рыбиной и побежал к У-Фаху, то увидел между стволом и берегом такое пространство чистой воды, через которое не перескочить было даже ему – У-Наку, искусному прыгуну.

У-Нака охватил ужас: О-Тал, наконец, поймал его!

За сотню лет, в продолжение которых жили у реки Люди Воды, они ещё не научились плавать. Они видели, как переплывают реку лось или бык, преследуемые медведем, но им не приходило в голову, что может держаться на воде и даже плыть человек. Случаи, когда дети или взрослые падали в реку, всегда кончались трагически: страх мгновенно отнимал у тонущего силы, и он камнем шёл ко дну.

У-Фах кричал всё пронзительнее. Из пещер выскочили люди. То, что они увидели, заставило их оцепенеть от ужаса. Огромный ствол, удаляясь от берега, быстро плыл мимо селения. На стволе стоял У-Нак с копьём в руке, а на копьё ещё трепыхалась его последняя добыча.

У-Нак не кричал и не плакал: мужчине подобало встречать гибель в гордом молчании. Но с берега доносились плач и вой женщин, и юноша особенно хорошо различал среди всех голосов голос матери.

Не отрывая покрасневших глаз от родных и друзей, У-Нак скрылся за поворотом реки. Течение было таким стремительным, что быстроногие подростки (первым среди них мчался У-Фах) скоро потеряли из виду дерево и маленькую фигурку державшегося на нём У-Нака.

Долго не расходились в тот день Люди Воды, точно ожидая, что совершится чудо и О-Тал вернёт отважного рыболова... Две женщины, держась за руки – статная, высокая Фу-А, мать У-Нака, и юная сестра его Нга, – оставались на берегу до поздней ночи. И, лишь когда уже ничего нельзя было разглядеть на тёмной поверхности реки, они разжали руки и медленно побрели к своей пещере.

Обратный путь

Чудо не совершилось. Река не принесла У-Нака, и всё же он вернулся. Он пришёл по берегу, усталый и измученный, с ногами избитыми и кровоточащими от долгих переходов, но дух его не был сломлен необычайным приключением. И голова юноши по-прежнему гордо откидывалась назад: ведь он не поддался коварной реке, сумел победить её и вырвался из водяного плена.

Долго было бы рассказывать подробно обо всём, что случилось с У-Наком за время путешествия.

У-Нака спасло мужество. Когда юноша понял, что О-Тал перехитрил его, он решил бороться до конца. Ужас не ослабил его мускулов, он цепко держался на плывущем дереве, и, когда течение вращало ствол, У-Нак всегда успевал очутиться на верхней, надводной части. Лосося с копия У-Нак снял и насадил на острый сухой сук. Правда, он в то время не думал о будущем: просто освободил оружие для последней битвы с О-Талом.

Но солнце близилось к закату, а хитрый враг всё ещё не пытался напасть. «Бой будет ночью», – решил У-Нак и почувствовал острый приступ голода: он ничего не ел с утра. Как пришлась кстати его добыча!

Люди Воды уже отвыкли питаться сырой рыбой, но выбирать не приходилось, и У-Нак, съев добрую половину рыбины, почувствовал, что силы его восстановились...

Ночь прошла, как долгий кошмар. В плеске волн, рассекаемых плывущим стволом, в шуме прибрежных лесов, в заунывных криках ночных птиц юноше чудились враждебные голоса, предвестники близкой опасности. По временам У-Нака клонило ко сну, но он сознавал, что спать нельзя, что при первом повороте дерева он очутится в воде, и тогда О-Тал убьёт его.

Рассвет ободрил юношу: река ещё не овладела им, У-Наком! Он доел остатки лосося и приготовился к новым испытаниям.

За второй день плавания У-Нак миновал два людских поселения: должно быть, по суше путь к ним был слишком долог, так как Люди Воды, странствуя по берегу, никогда не доходили даже до ближайшего поселения. Люди, стоявшие по берегам с копьями, должно быть тоже рыболовы, встречали У-Нака изумлёнными возгласами.

Очевидно, эти племена шли от общего с Людьюми Воды корня, но разделились очень давно. У-Нак понимал их речь, однако были в ней и незнакомые ему слова.

Предания говорили о том, что горное племя разделялось уже не раз. Выгоняемые голодом и теснотой, наиболее сильные и смелые мужчины и женщины уходили в дальние края на поиски лучшей доли: они-то и спустились вниз по О-Талу.

Подходил второй вечер плавания. У-Нак со страхом думал, как он перенесёт ещё одну ночь без сна. Но река, которая всё время текла прямо, вдруг круто повернула налево. Течение било в правый берег, и У-Нак обезумел от радости: перед ним выросла лесистая береговая круча. А тут кстати в спину У-Наку подул ветер и ещё сильнее погнал дерево.

Но какое разочарование! Когда до земли было уже недалеко и У-Нак приготовился к прыжку, ствол остановился и течение начало заворачивать его обратно. Рассвирепевший У-Нак яростно ударил копьём в широкую спину О-Тала, который, очевидно, пытался задержать ствол древко коснулось дна. Толчок немного приблизил дерево к суше. У-Нак снова и снова изо всех сил упирался копьём, как шестом, в дно реки и с восторгом видел, как послушный ствол подплывает к берегу. Когда до берега оставалось три-четыре шага, У-Нак прыгнул и очутился на суше.

Освобождённое дерево, покругившись в водовороте, словно приглашая У-Нака продолжить путешествие, медленно отплыло и исчезло, в вечернем сумраке. Юноша забился в чащу береговых кустарников истомленный, крепко проспал до позднего утра.

На завтрак он добыл крупного окуня и, не мешкая, пустился обратный путь.

Нелегко было пробираться по лесной чащобе, по высоким травам, где никогда не ступала нога человека. Часто попадались звериные тропы, но они уводили от реки, а У-Нак боялся заблудиться. И он упорно шёл и шёл вперёд, поднимаясь на холмы, спускаясь в долины, продираясь сквозь заросли и заботясь только о том, чтобы с правой сторон до него доносился неумолчный речной шум.

Хуже всего приходилось путнику, когда встречались притоки О-Тала. Небольшие речки У-Нак переходил, опираясь на древко копья. Если же они оказывались глубоки, У-Нак возвращался и искал брод поменьше.

Но встретился ему приток, перебраться через который оказалось не возможно. И тогда на помощь У-Наку пришёл опыт, а опыту помогло то, что у берега плавало дерево, хотя и не такое большое, как то, которое унесло юношу, но способное выдержать его вес.

У-Нак перебрался на ствол и долго думал: ум первобытного человека не был таким гибким, как наш. И всё же юноша нашёл правильное решение: он упёрся древком копья в дно реки, и ствол медленно тронулся в путь по воле человека. Это было первое управляемое судно!

Плыло оно, на наш взгляд, возмутительно медленно, путь его бы; чрезвычайно извилистым, часто У-Нак ударял копьём по дну реки не так как следовало, и всё же противоположный берег приближался.

На середине русла У-Нак попал в ловушку: шест не достал дна. Не юноша не растерялся: он стал гневно бить копьём коварную реку; и получилось нечто вроде гребли. Ствол продолжал потихоньку плыть к другому берегу.

Многому научила смышлёного У-Нака первая переправа.

На пути домой У-Нак останавливался в селениях, мимо которых проплывал вниз. Их жители были добродушны и гостеприимны. Они кормили У-Нака, уговаривали остаться у них на житьё, но не сердились за отказ: они понимали, что путника ждёт родное племя. Быт людей нижних поселений оказался почти таким же, как у родичей У-Нака: те же каменные топоры и ножи, те же луки и копья, только наконечники копий люди нижних селений делали не из кремня, а из острых костей больших рыб. У-Нак убедился, что такие наконечники лучше поражают добычу, и сам научился их делать.

И вот настал счастливый день, когда У-Нак предстал перед изумлёнными и восхищёнными соплеменниками.

Постройка плота

Прошло немало лет после путешествия У-Нака. Его волосы уже начали серебриться на висках, когда, наконец, созрели мысли, которые долго в тайне от всех вынашивал У-Нак.

Летним утром У-Нак в сопровождении нескольких подростков появился на берегу речного залива. Заработали каменные топоры, и на воду были спущены стволы поваленных бурей деревьев, очищенные от ветвей.

У-Нак начал первый урок плавания на деревьях. Стоя на стволе и держась за кору цепкими пальцами ног, он плыл вдоль берега, упираясь шестом в тинистое дно. Неожиданно ствол покачнулся, и У-Нак рухнул в воду, подняв сноп брызг.

Мальчишки, наблюдавшие за действиями наставника с почтительным и суеверным любопытством, заорали от страха: им показалось, что О-Тал наказал гибелью нарушителя его покоя. Но вскоре вынырнула облепленная тиной голова У-Нака, он стоял на дне залива смеялся.

Ещё несколько забавных падений У-Нака в воду, и ребят стала манить весёлая игра с рекой, которая уже казалась не такой страшной.

– Теперь я, – сказал смелый У-Гок, сын сестры У-Нака, и взобрался на ствол.

Всё же его сердце замирало от страха, и когда после первого толчка шестом он свалился с дерева,

то неистово завопил. Но там, где он упал, было мелко. У-Гок даже не скрылся под водой и поднялся весь измазанный грязью.

После первой неудачи У-Гок догадался сесть на дерево верхом. Оказалось, что в таком положении пловец держится на стволе устойчивее.

В первые дни У-Нак не позволял мальчишкам уплывать далеко. Но когда они приучились крепко держаться на стволах, а упав, бесстрашно вскарабкивались обратно, запрет был снят.

Поведение мальчишек на воде всегда одинаково, живут ли они в наше время или жили пятнадцать тысяч лет назад. В заливе начались весёлые битвы. Каждый старался угодить концом своего бревна в бревно товарища, чтобы сбить пловца в воду. Сколько было крика, шума смеха! Отважным бойцам много раз в день приходилось испытывать радость победы и горечь поражения.

Но вот однажды У-Гоку и его товарищу Гу-Фа пришла в голову мысль сражаться, против «неприятелей» вместе. Поставив бревна ряда и сцепившись свободными от шестов руками, они направляли на противников свой «корабль». Никому не удавалось сбить У-Гока и Гу-Фа, и никто не мог выдержать натиска двух соединённых брёвен. Они устойчиво держались на воде.

Новая затея ребят не ускользнула от наблюдательного У-Нака. По обыкновению, он долго думал, а потом связал два бревна полосами гибкой коры. Теперь обе руки пловца были свободны.

* * *

Шли годы. Люди Воды совершенствовались в постройке плотов. Они уже скрепляли по несколько брёвен, привязывая их концы к толстым поперечинам. Такие плоты были очень устойчивы и поднимали по десять человек сразу.

В глубоких местах заливов, где шесты не доставали дна, пловцы научились грести. Люди заметили, что толстые шесты лучше загребают воду, но их тяжело держать, и стали обтесывать их нижние концы. Так появились вёсла.

Не думайте, что умение строить плоты и управлять ими развивалось быстро. Для этого потребовались многие годы и даже десятилетия.

Вначале плаванием на плотках по заливам и озёрам забавлялись в знойные летние дни мальчишки. Потом плотами стали пользоваться рыболовы. На глубине они поражали копьями огромных рыб, каких никогда не удавалось добывать на мелководье. С плотов они стали закидывать сети. Плавая на плотках, легче было тянуть большие невода.

Противоположный, северный берег О-Тала манил людей из разросшегося поселения Людей Воды: там было нетронутое изобилие плодов, грибов и ягод, рыболовные и охотничьи угодья. Правда, по зимам люди ходили туда по льду, охотились, рвали калину, собирали сушняк. Но зимой пещеры не выкопашешь, а прожить до весны на открытом воздухе невозможно. Так и оставался тот берег незаселённым.

И только лет через сто после смерти У-Нака отважный На-О переплыл на плоту ширь О-Тала. А ещё через поколение на другом берегу появились пещеры семей, покинувших поселение из-за тесноты. Лёгкие плотки, управляемые женщинами и подростками, постоянно шныряли по реке: оба берега поддерживали тесную дружбу.

Первая лодка

Прошло ещё несколько десятилетий. Рассказ о необычайном путешествии У-Нака, первого человека, научившегося плавать на деревьях, передавался Людьми Воды из поколения в поколение. Они помнили, что, когда их предок, унесённый коварным О-Талом, спускался по реке, он видел поселения дружелюбно встречавших его людей, речь которых была ему понятна.

Через три поколения после На-О, когда Люди Воды вполне овладели искусством водить плоты, пятеро смелых юношей во главе с У-Багом захотели повторить путешествие своего предка. Они снарядили надёжный плот из сухих брёвен, запаслись вёслами и шестами, погрузили оружие и продовольствие и ранним весенним утром тронулись в путь.

Уже в полдень они увидели первое поселение на берегу О-Тала. По рассказу о путешествии У-Нака, это должно было случиться гораздо позже, но раздумывать не приходилось.

Юноши дружно взмахнули вёслами и прибились к берегу возле чужого посёлка.

Толпа жителей сбежалась навстречу. Люди не удивились при виде плота, зато прибывшие были поражены, заметив в береговых заливчиках плотки, подобные тем, какие строились и у них в селении. «Значит, племя людей с Костяными Наконечниками Копий тоже умеет плавать на плотках?» – изумлённо думали У-Баг и его товарищи.

Люди Воды узнали, что поселение это возникло две и ещё две человеческих жизни назад. Его ещё не было, когда тут проплывал У-Нак.

– Как вы научились плавать на плотках? – спросил У-Баг.

Люди с Костяными Наконечниками Копий не помнили, когда и как это случилось. Кто-то из их предков ещё в старом поселении – на два пешеходных дня пути вниз по реке – построил первый плот и научил этому искусству других.

Быть может, строителя надоумило построить плот появление У-Нака на плывущем дереве, быть может, он додумался до всего самостоятельно, – кто знает! Одни и те же изобретения повторяются в разных местах: везде одинаково работает пытливая человеческая мысль, ведя людей вперёд.

Люди с Костяными Наконечниками Копий подарили пришельцам хорошо выделанные тюленьи шкуры; Люди Воды боялись тюленей и не охотились за ними.

Через шесть дней У-Баг и его товарищи пешком вернулись в родное селение, обогащённые опытом своих соседей.

Хорошо плыть на плоту вниз по реке, но невозможно подниматься на нём против течения. Даже в наше время, когда существуют мощные буксиры, плоты сплавляются только вниз.

Реки стали хорошими, удобными водяными дорогами, когда человек изобрёл лодку. Как же появилась первая лодка?

У разных народов это было по-разному, а у людей, живших на берегу О-Тала, это случилось так.

Около двух тысячелетий миновало со времени постройки первого плота. Люди Воды уже не жили в пещерах: они рыли землянки и покрывали их хворостом и травой. И землянки эти были гораздо удобнее пещер. Всё новые и новые поселения возникали на берегах О-Тала.

Люди научились заготавливать пищу на зиму. Собачье мясо уже не ели. Наоборот, собакам стали перепадать отбросы, не годившиеся в пищу людям. Собаки привыкли проводить зиму близ жилья и окончательно одомашнились. Они хорошо сторожили поселок от хищных зверей, а вскоре начали ходить с людьми на охоту.

О путешествии У-Нака люди давным-давно забыли и думали даже, что не было такого времени, когда они боялись воды и не умели плавать на плотках.

В селении Красный Берег хромой Ра-Ту слыл неуживчивым, угрюмым человеком. В молодости ему пришлось схватиться с рысью, и она жестоко изуродовала правую ногу Ра-Ту. С тех пор он не мог принимать участия в охотах, так как передвигался с большим трудом. Зато он сделался одним из лучших рыболовов Красного Берега: руки его были сильны и глаз зорок.

Однажды жителей села постигло несчастье: их большой плот оторвало от берега и разметало бурей, брёвна унесла река. Пришлось приняться за постройку нового плота.

Срубить толстое дерево каменными топорами было трудной задачей. Хромой Ра-Ту поступил иначе.

У самого села рос огромный дуплистый тополь. Он никому не был нужен, людям казалось, что такое испорченное дерево не годится для плота. А Ра-Ту решил всё-таки использовать и этот тополь, тем более что буря выворотила его из земли и бросила у самой реки.

Много недель провёл Ра-Ту около тополя, обрубая его с двух сторон – ниже и выше дупла.

Односельчане смеялись над хромым и старались доказать, что его труд пропадёт напрасно. Упрямый Ра-Ту ничего не желал слушать.

И вот ствол был обрублен. «Что получится из этой затеи?» – гадали любопытные односельчане. Они помогли Ра-Ту спустить тополь на воду. Это оказалось легче, чем предполагали, так как сердцевина дерева выгнила, а верхний слой был лёгким и сухим.

Тополь свободно колыхался на воде, погрузившись в неё лишь самой нижней частью. Сидеть в дупле было удобно, и Ра-Ту не удержался от соблазна испытать дерево на глубине. Сев в один из концов дупла с веслом в руке, Ра-Ту оттолкнулся от берега, и первая лодка с неожиданной быстротой поплыла по реке.

Судьба Ра-Ту круто изменилась. Мудрейший человек селения стал пользоваться всеобщим почётом.

А по всему О-Талу началась охота за дуплистыми деревьями. Их находили в самых глухих местах, срубали и приволакивали к реке. Если дупло было невелико, его расширяли при помощи горящих углей. Потом стали выжигать лодки из цельных стволов.

Сообщение между соседними деревнями в весеннее и летнее время стало лёгким и удобным.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПЕРВЫЙ КОРАБЛЬ

Тон-кролы

Прошёл никем не считанный, никуда не записанный ряд веков.

Перенесёмся мысленно за три с половиной тысячи лет до нашего времени и посмотрим, как жили тогда люди на берегах Большой реки.

Большая река, как и во времена У-Нака и хромого Ра-Ту, величаво несла полные воды меж берегов – высокого правого и низкого левого. Сама река почти не изменилась, но за прошедшие тысячелетия большие перемены произошли на её берегах, теперь густо заселённых людьми. Тёмные, непроходимые леса отступили. Их место заняли поля, засеянные злаками. На прибрежных лугах паслись низкорослые коровы, бродил; лохматые козы. Охотник и рыболов становился земледельцем и скотоводом, но с трудом ещё привыкал он к этим новым занятиям.

Правда, те времена, когда земледелец ковырял плотную, травянистую почву заострённым колом, чтобы подготовить её к засеву, уже прошли.

Теперь землю пахали деревянной сохой, в которую впрягался бык. Но, как и раньше, нелегко было целое лето оберегать поле от птиц и грызунов, а осенью обрывать вручную колосок за колоском и размалывать зерна между двумя камнями, чтобы потом испечь грубые лепёшки.

И всё же существование людей стало более обеспеченным, чем в те отдалённые времена, когда пищей прибрежных жителей служили только плоды охоты и рыбной ловли, грибы, ягоды да вырытые из земли коренья. Люди не отказались от прежних промыслов, но неудачи в рыбной ловле и охоте уже не грозили человеку гибелью.

Другие заботы и тревоги омрачали жизнь человека.

Отошли в прошлое те времена, когда на берегах могучей реки царило равенство между Людьми Воды, когда орудия труда, шкуры и мясо добытых зверей, пойманная в реке рыба и собранные в лесу грибы и ягоды – всё было общим, когда человек ещё не знал слово «моё» и обо всём говорил «наше».

Людское общество уже разделилось на богатых и бедных. Богатые имели прочные и тёплые дома, много домашнего скота. А бедняки жили в лачугах (зима, к счастью, не была в тех краях долгой и суровой). Хлеба бедняки сеяли мало, а стадо их в лучшем случае состояло из пары лохматых коз. За тысячи лет изменился не только образ жизни людей, населявших долину Большой реки, – изменился их облик и язык.

Скудный запас слов, при помощи которых когда-то объяснялись Люди Воды и Люди Гор, увеличился во много раз. Да это и неудивительно. Вместе охотясь, вместе строя дома, люди должны сообщать друг другу свои мысли, должны называть орудия труда, которыми пользуются.

Труд человека создавал его язык.

* * *

За прошедшие тысячи лет в благодатную долину Оруста (так теперь стали называть Большую реку) много раз приходили с севера, с востока и запада чужие племена.

Одни пришельцы, поселившись бок о бок с прежними хозяевами страны, постепенно сливались, роднились с ними, у них появлялся общий язык, возникали общие обычаи и верования.

Другие племена являлись как завоеватели. Тогда тем, кому удавалось уцелеть в беспощадных битвах, убегали из родного края куда глаза глядят. Иные укрывались в горах, где вели жалкую жизнь троглодитов,¹ пока не вымирали от голода или не сдавались на милость победителей и становились их рабами.

Раб был вещью, принадлежавшей господину, а с вещью можно делать всё, что угодно: продать, купить, уничтожить.

У раба не было своего имущества. Топор, которым он рубил дерево, сеть, которой он ловил рыбу, кнут, которым гнал коров на пастбище, – всё было собственностью хозяина, как и одежда раба, как и его пища. Всё, что создавал раб, поступало в полное владение его господина, и тот выделял рабу лишь самое необходимое для его существования.

Во времена У-Нака и Ра-Ту у Людей Воды рабства не было. Какой смысл захватывать пленника, который едва мог прокормить самого себя и ничем не был полезен хозяину?

Но, когда человек начал производить больше, чем потреблял сам, возникла частная собственность, и общество разделилось на богатых и бедных. Самые сильные и ловкие, самые удачливые члены общины, сумевшие накопить больше имущества, теперь господствовали над бедняками.

И тогда-то появилось рабство. Держать рабов стало выгодно: их работа давала больше, чем стоило их содержание. Победённых в битве уже не истребляли, их забирали в рабство.

Захваченные рабы доставались старейшинам, военачальникам, жрецам. У некоторых народов бедняки попадали в рабство к богатым соплеменникам, если им не удавалось расплатиться за взятое в долг зерно или другие продукты питания.

Рабовладельцы перестали работать: всё необходимое для жизни им доставляли рабы.

Так росло неравенство среди людей. Богачи всё больше и больше угнетали бедняков.

¹ Троглод́иты – название, данное древними греками диким племенам, жившим в пещерах.

Ко времени, о котором идёт рассказ, из смешения многих племён возникло племя тон-кролов, что означало: главные люди. Тон-кролы именовали себя так гордо потому, что на среднем течении Ориста они были самым многочисленным и сильным племенем.

Тон-кролы уже вступили в бронзовый век: наряду с ещё многочисленными каменными орудиями у них появились орудия и оружие из бронзы.

Бронза сплавляется из меди и олова и выгодно отличается от металлов, входящих в её состав. Бронза значительно прочнее меди, но много крепче мягкого олова. Бронзовые топоры были крепки и остры, их употребляли как боевое оружие, ими срубали большие деревья, вытесывали брусья и доски. Делать это каменными топорами было невозможно.

Далеко не везде встречаются рядом медные и оловянные руды. Но тон-кролам повезло. Медные руды они добывали в горах близ Ориста, а оловянная руда доставлялась из рудников, расположенных в горной стране утранов, приблизительно за шестьдесят дней пешеходного пути² от страны тон-кролов. Почти весь путь проходил по Ористу, и это значительно облегчало перевозку руды.

Здесь мы должны вернуться к истории лодки.

Нечаянное изобретение хромого Ра-Ту положило начало постройке дуплянок. Но первые дуплянки и пришедшие им на смену челноки – их получали, выжигая сердцевину дерева, – едва ли можно было называть лодками: ни носа, ни кормы у них не было.

Челноки постепенно совершенствовались: стенки их становились тоньше, передняя и задняя части – острее. Появились нос и корма; лодки лучше дуплянок рассекали воду, ими стало легче управлять.

Вместительность челнока легко увеличить, если прибить к его бортам доски. Но где взять их? Доски ведь не растут в лесу!

Мастера привлекли на помощь огонь. Они обжигали бока толстого ствола, и сожженная древесина легко соскребалась каменными ножами. Слой за слоем снимался со ствола. Люди получали необходимую им доску лишь после многих недель упорной и искусной работы.

Две доски прибавались к бортам челна гвоздями из твёрдого дерева, щели замазывались смолой, и получалась глубокая, объёмистая, устойчивая лодка. И как же гордилось такой лодкой сделавшее её племя, как берегло её!

Большую лодку один человек двигать не мог: число гребцов увеличивалось, доходило до десяти и более. Они попарно сидели на скамейках, и каждый управлялся с одним длинным, тяжёлым веслом, вставленным в уключину.

У скамеек было и другое назначение: они скрепляли борта лодки, делали её очень прочной.

Когда в руках человека оказалось такое сравнительно совершенное орудие, как бронзовый топор, изготовление досок стало более лёгким делом, и люди перешли к постройке дощатых лодок; щели между лодками законопачивали и заливали смолой, чтобы не просачивалась вода. Размеры лодок постепенно увеличивались.

На таких лодках сплавлялась вниз по Ористу на расстояние в рок – сорок пять дней пешеходного пути оловянная руда, которую тон-кролы выменивали в стране утранов.

Долог и опасен был путь. В верхнем течении Ориста встречалось много мелей и перекатов, а за каких-нибудь два-три дня пути до страны тон-кролов Орист прорывался через ущелье, пробитое им в горах. Это было страшное место, и называлось оно Ворота́ми Смерти. Обычно тон-кролы разгружали лодки, не доплывая до ущелья, и мешки с рудой перекладывали на спины вьючных животных. И только самые отчаянные владельцы лодок решались доверить свою жизнь и имущество коварным духам ущелья.

Река неслась меж высоких чёрных утесов, грохоча и пенясь, разбиваясь об острые скалы, загромождившие узкое русло. Огромную выдержку и зоркость надо было иметь рулевому, чтобы невредимо провести лодку мимо всех опасных мест.

Малейший промах – и лодка налетала на влажный, изрытый водой край утеса, а через несколько часов на широкую гладь Ориста ниже ущелья выплывали обломки судна и изувеченные трупы людей.

Великой славой и почётом окружал народ кормчих, которым хоть однажды удавалось спуститься со своей лодкой через Ворота Смерти.

Ворота Смерти разделяли Орист на два огромных плёса – верхний и нижний. Лодкам, построенным на верхнем плёсе, удавалось иногда прорваться на нижний; но ни одно судно с нижнего плёса никогда не попадало на верхний. Пройти на лодке через Ворота Смерти против течения не могли бы и сами боги – так говорили обитатели берегов Ориста.

Детство Бирка

² День пешеходного пути у многих древних народов служил мерой дальних расстояний. По теперешнему исчислению он составлял около 20 километров

На высоком мысе, клином вдававшемся в Орист, стояла больша деревня, насчитывавшая до двух сотен отдельных жилищ. Тон-кролы называли её Бас-Тург, что на их языке и означало: Высокий Мыс.

В Бас-Турге, как и в других селениях тон-кродов, жители разделились на богатых и бедных. Богатые имели обширные поля, где рабы сеяли и убирали хлеб, поступавший в амбары хозяина. У богатых было много скота: коров, коз, овец. Рабы пасли скот, из шерсти и шкур забитого скота выделявали одежду для хозяев, строили им дома, лодки для рыбной ловли...

Самым богатым человеком в Бас-Турге был владеец литейной мастерской Гурм. Дед и отец Гурма скопили немало богатств, а он их ещё увеличил. Он уже несколько раз ездил к утронам за оловянной рудой и привозил её сразу на трёх лодках.

Гребли на лодках рабы Гурма. Чтобы по дороге они не убегали, их приковывали к сиденьям бронзовыми цепями. Рабы могли восстать и разбить цепи. Боясь этого, владельцы лодок брали в путешествие двух-трёх мужчин из своей родни, вооружённых бронзовыми топорами и кинжалами.

К той поре, о которой идёт рассказ, человеческое общество уже перешло от матриархата к патриархату. Главой семьи был теперь старший из мужчин – дед или прадед. Дети, внуки и правнуки беспрекословно подчинялись его распоряжениям. Вот почему богач, отправлявшийся за оловянной рудой, без труда набирал охрану лодки из членов своей семьи.

Бедняков в селениях тон-кродов кормило рыболовство, так как Орист всё ещё был очень богат рыбой.

Каждая семья бедняка строила себе большую лодку, заводила сети и невода и добывала пропитание тяжёлым рыбацким трудом.

Из рыболовов Бас-Турга самым искусным строителем лодок был Урт.

Урт умел так хорошо конопатить и смолить пазы между досками, что сквозь них совсем не пробиралась течь. За свою жизнь Урт сделал немало лодок богатым жителям села: на его лодках плавали и главный жрец Влок, и старейшина Ульм, и литейщик Гурм...

В строительстве лодок Урту помогали его младшие братья, племянники и сын Бирк. Отец старался приучать Бирка к работе с малолетства. Бирку было всего четыре года, когда Урт повёл его в первый раз на берег и велел присматриваться, как строятся лодки. Семи лет Бирк уже обтесывал доски бронзовым топориком или вырезывал деревянные изображения богов, которые ставились на носу лодки, чтобы охранять её в плавании.

Но уже с десятилетнего возраста Бирк стал замечать, что деревянные божки плохо оберегают лодки, вверенные их попечению. В первый раз Бирк задумался над этим, когда отцовская лодка опрокинулась во время бури, и сам он чуть не утонул. Случилось это так.

Бирк с компанией мальчишек-сверстников отправился удить рыбу в большом заливе Ориста, расположенном выше села. Клев был прекрасный. Огромные медно-красные рыбы, которых теперь называют сазанами, жадно хватали червей, насаженных на большие бронзовые крючки. Лески, связанные из оленьих сухожилий, вытягивались, но не рвались, и мальчишки с радостными криками перебрасывали добычу в лодку.

Ребята так увлеклись рыбалкой, что не заметили, как небо заволочло тучами, как ветер начал волновать воду.

Над самыми головами рыболовов блеснула молния, и оглушительно грянул гром. Налетел вихрь, лодка опрокинулась, рыболовы и сазаны очутились в воде.

В ту пору у людей уже не было такого страха перед водой, как во времена, когда У-Нак впервые поплыл на древесном стволе. Люди умели хорошо плавать. Этому искусству дети обучались с четырёх-пятнадцатилетнего возраста, и наши рыболовы могли переплыть Орист в самом широком месте.

Однако рыболовы побоялись оставить опрокинутую лодку: ведь они стащили её без спроса. Было страшно подумать, что с ними сделает Урт, если они явятся без лодки.

Кое-как уцепившись за лодку, мальчишки старались направить её к берегу, ударяя ногами по воде. Воды они наглотались вдоволь. Налетевший вал ударил Бирка головой о борт. Если бы не верные друзья, Бирк бы утонул.

Страх перед сердитым Уртом оказался сильнее страха перед бурей, и лодку спасли. Урт ничего не узнал.

В другой раз, когда Бирку было уже лет тринадцать, он с отцом и дядей поехал осматривать сети. Буря, как всегда на южных реках, налетела внезапно. Лодка наклонилась, зачерпнула бортом и выпрямилась. Люди спасли суденышко только потому, что успели быстро отчерпать воду.

– Если бы лодка была нагружена рудой, ей пришёл бы конец, – задумчиво сказал Урт, когда опасность миновала. – Тогда ведь воду не вычерпаешь...

Урт знал много случаев, когда лодки с рудой гибли на верхнем плёсе Ориста, и теперь рассказал о них сыну.

Мальчик спросил:

– А разве нельзя, отец, как-нибудь защитить лодку от волны?

– Как ты её защитишь? Это уж воля богов. Тут ничего не поделаешь...

Но такое объяснение не успокоило Бирка.

«Не боги строят лодки, а мы, люди, – думал Бирк. – Значит, нам и нужно придумать такие лодки, чтобы они не тонули». Но придумать было не так-то просто.

Годы исканий

Шли годы. Бирк рос и мужал, и его всегда преследовала мысль: как усовершенствовать лодку, чтобы волны не заливали её во время бури. Помогли Бирку ореховые скорлупки.

Половина скорлупки грецкого ореха – это ведь маленькая лодочка. Если её осторожно спустить на воду, она поплывёт, слегка покачиваясь. Но стоит набежать волне, заплеснуть в скорлупку воду, и лодочка идёт ко дну или опрокидывается.

Однажды Бирк сидел на берегу, раскалывая орехи, выковыривая вкусную мякоть и небрежно бросая скорлупу в воду. Дул ветер, и крошечные лодочки, когда вода переливалась через край и наполняла скорлупку, быстро шли ко дну.

«Что, если закрыть половинку ореха так, чтобы вода в неё не попадала?»

Эта мысль пришла неожиданно, и Бирк страшно взволновался. Он помчался домой и вернулся с запасом орехов и черепушкой, в которую набрал смолы.

Расщепляя орех, Бирк уже не думал о мякоти и небрежно бросал её в сторону. Сорвав с дерева лист, юноша намазал его смолой, заклеил им половинку скорлупки и спустил её в реку. И что же? Скорлупка легко заколыхалась на воде. Скоро она попала на большие волны, но и там с ней ничего не случилось. Она гордо поднималась на пенистый гребень, скатывалась в ложбину между волнами и как ни в чём не бывало появлялась на следующем гребне. Одну за другой швырял Бирк заклеенные скорлупки в реку. Флотилия неуязвимых маленьких суденышек заколыхалась на волнах...

Решение мучительной загадки было найдено: лодку надо закрыть сверху.

Быть может, кое-кому из моих юных читателей покажется, что Бирк потратил слишком много времени, раздумывая над таким простым делом. Чего легче: сделал у лодки палубу, и всё тут! Но не будем забывать, что Бирк жил более трёх тысяч лет назад и что мозг древних людей соображал не так быстро, как наш. Люди старались во всём подражать своим отцам и дедам. Всё новое казалось им ненужным, лишним или даже пугало.

Великой заслугой Бирка было уже одно то, что он понял, как защитить лодку, чтобы её не заливало водой. Но не считайте, что после опыта с орехами у Бирка всё пошло гладко и легко и что он вскоре же построил первую палубную лодку.

Нет, далеко не так. Когда Бирк радостно рассказал отцу о своём открытии и предложил построить лодку по его замыслу, Урт глубоко вздохнул.

Как посмотрят на это богачи? Одобрят ли строительство новых лодок жрецы?

В ту эпоху жрецы уже, по существу, являлись повелителями племён и власть их была гораздо больше власти старейшин. Ни одно дело в семье не начиналось без совета с жрецами. Они сумели убедить простых и доверчивых людей, что находясь в постоянном общении с богами, что боги благоволят к ним, жрецам, открывают им будущее и исполняют их просьбы.

Урт размышлял несколько дней, а потом сказал Бирку:

– Вот что, сынок! Ты хорошо придумал, но не надо, чтобы об этом проведали богатые. Учись строить закрытые лодочки, но втайне от всех.

Бирк решил сделать модель лодки с палубой из тонких дощечек. Он спрятал свои инструменты в укромном месте, в лесу, и там строгал дощечки, выгибал их, скреплял...

Прошло несколько месяцев. Не раз модели Бирка опрокидывались, потому что молодой строитель утяжелял палубу, и лодочке не хватало устойчивости. Наконец, после многих неудач, Бирку удалось построить модель маленького кораблика с палубой, прочно прикрывающей его внутренность, и с мачтой.

«С мачтой?» – спросит читатель.

Да, с мачтой, потому что ещё за много-много столетий до того времени, когда жили Урт и Бирк, люди научились водить лодки под парусом.

Двигать большую лодку на вёслах трудно, особенно против быстрого течения, и люди стали пользоваться силой ветра.

Вы помните, как радовался.

У-Нак, когда ветер, ударяя ему в спину, подгонял его дерево к берегу широкого О-Тала. Ещё сильнее гонит ветер лёгкую лодку, если человек стоит в ней и, особенно, если распахнет полы одежды.

Вероятно, первыми парусами были грубые рогожи, сплетённые из растительных волокон и

прикреплённые к рее – поперечине, подвешенной к верхнему концу мачты. Быть может, парусами служили и звериные шкуры.

Увеличивался размер судна, увеличивались и мачта и площадь паруса, улучшался его материал. Но очень долгое время, много тысячелетий, с парусом можно было плавать только при попутном ветре. Люди в те времена ещё не умели маневрировать парусами так, чтобы использовать боковой и даже встречный ветер. Лишь попутный ветер был полезен, и о нём молили богов усталые, истомленные гребцы.

Палубная лодка

Когда модель первого корабля, спущенная в небольшой пруд на лесной полянке, легко поплыла по воде, Бирк обезумел от восторга. Схватив в руки изящный кораблик, длина которого не превышала полутора локтей,³ он вихрем помчался домой. Было раннее утро.

Когда Бирк ворвался в дом со своим изобретением, вся семья была в сборе: мужчины ещё не уехали на рыбную ловлю, женщины не начали заниматься по хозяйству.

– Вот... отец... сделал... вот!.. – бессвязно выкрикивал Бирк, размахивая моделью. – Она будет плыть при любой буре... И в неё не зальётся вода!

Старик бережно взял в руки кораблик, осмотрел со всех сторон, погладил, как живое существо:

– Хорошая вещь!

Модель пошла по рукам. Последним ею завладел тринадцатилетний Стур, младший сын Урта, и уже не выпустил из своих рук. Урт объяснил, почему он приказал Бирку работать тайком.

– Я думаю, – сказал старик, – что и теперь ещё нужно молчать. Давайте сделаем такую лодку, чтоб на ней можно было плавать человеку, и испробуем на реке...

– Но ведь тогда её все увидят, отец! – перебил Бирк.

– Да, увидят, – согласился Урт. – Этого не избежать. Но, если она выдержит бурю, жрецы, быть может, не так враждебно встретят выдумку Бирка.

Посоветовавшись, решили строить новую лодку тоже в лесу, подальше от нескромных глаз. Лодка будет невелика, и рыбаки, сделав её, легко перенесут к реке на плечах. Женщинам строго-настрого приказали молчать.

Семья Урта давно уже готовила доски для новой лодки, так как старая начала ветшать. Руководил постройкой Бирк. Закончили строить лодку через три месяца.

Изящная лодочка была перенесена на Орист поздней ночью и спущена близ дома Урта. Она держалась на воде прекрасно. Но судить о её достоинствах было ещё рано: стояла хорошая погода, и плавать по Ористу в беспалубных лодках было ничуть не опаснее.

Лодочку унесли к дому Урта и спрятали под грудой хвороста. Урт и его семейные нетерпеливо ждали бури. Бурю редко кто приветствует, но Бирк молил богов, чтобы они послали ураган, и чем он будет свирепее, тем лучше!

И вот налетел желанный ураган! Деревья в лесу стонали и падали. Слетали крыши с домов. По Ористу шли огромные валы, с рёвом набегаая на берег.

Время для испытания палубной лодки было самое подходящее. Урт и его домашние вынули лодку из-под хвороста и понесли к реке. Плыть собирался Бирк, но Стур с мольбой бросился к отцу.

– Я! Отец, разреши... я поплыву!

Урт поглядел на мальчика. Стройный и ловкий, с копной курчавых волос на голове, он с надеждой смотрел на отца блестящими глазами. Руки Стура были сильны, ноги цепки.

– Не боишься? – спросил Урт, указывая на бушующую реку. Лицо Стура вспыхнуло самолюбивым румянцем.

– Тогда плыви, и пусть защитят тебя боги...

Весть о том, что будет испытываться новая, невиданная прежде лодка Бирка, разнеслась по селу мгновенно. Все бедняки Бас-Турга, несмотря на ураган, собрались на берегу. Из богатых соизволил прийти сюда только владелец литейной мастерской Гурм.

Ветер трепал волосы мужчин, и женщин, развеивал одежды. Стур лихо оттолкнул лодочку, вскочил на палубу.

Волны подхватили лёгкое суденышко и повлекли его на простор. Люди следили за движением лодки с жадным вниманием, а Бирк стиснул руки так, что суставы пальцев побелели. Матушка Кубу забрела на отмель, волны обдавали её с головы до ног, но она не чувствовала ни холода, ни сырости и не отрывала глаз от своего ненаглядного сына.

А Стур лихо пританцовывал на палубе и махал зрителям то одной, то другой рукой. И вдруг... крик ужаса пронёсся по берегу: огромный вал налетел на лодку, закружил её и опрокинул.

³ Локоть – общепринятая мера длины в древнем мире, на наши меры около 40–50 сантиметров.

Затаив дыхание люди стремились взглядом пронизать волны.

Но вот лодка показалась на гребне волны. Возле неё темнело пятно: это Стур крепко держался за мачту. Кубу взволнованно благодарила богов, Урт кричал сыну слова ободрения, но они тонули в рёве урагана.

Стур ловко повернулся – и лодка вдруг выпрямилась и понеслась по реке. Зрители на берегу взвыли от восторга. Только высокий чернобородый Гурм угрюмо молчал...

Лодочка поступила в полное распоряжение Стура и его товарищей. Но через несколько дней она исчезла бесследно.

Напрасно огорчённые мальчишки обыскивали берега Ориста, его проток и ближайших озёр: следов лодки так и не нашлось.

– Напрасно стараешься, сынок! – сказал огорчённому Стуру отец. – Наша лодочка лежит с прорубленным дном где-нибудь на дне Ориста... Но всё равно мы, рыбаки, знаем теперь, насколько хороша выдумка Бирка!

Постройка корабля

Прошёл год с того времени, когда испытывали палубную лодку Бирка.

Семья Урта почти забросила рыбную ловлю. Питались старыми запасами солёной рыбы да тем, что добывали женщины и мальчишка Мужчины всё время работали в лесу, они готовили крепкие доски для бортов и палубы будущего судна и изогнутые смолистые корневища для рёбер.⁴

Литейщик Гурм первым из богачей Бас-Турга понял преимущество палубной лодки: недаром он присутствовал при её испытании. Во время своих путешествий по верхнему плёсу Ориста он лишился уже двух лодок с грузом руды, и ему хотелось избежать новых потерь. Гурм предложил Бирку следующее: он, Гурм, отправит за Ворота смерти два десятка своих рабов под надёжной охраной.

Рабы заготовят материал для корабля и построят его под руководством Бирка.

Работу Бирка богач обещал щедро оплатить: дать много зерна, бронзовые изделия, коровьи шкуры...

Бирк отказался: он будет строить корабль для своей семьи. Гурм затаил злобу и молча расстался с юношей.

Бирк не стал держать предложение Гурма в секрете, он рассказал о нём рыбакам, и рыбаки стали почти ежедневно приходить на лесную вырубку и помогали семье Урта готовить материал для судна.

Не дремал и Гурм.

Однажды с вырубки исчезли две хорошие доски. После этого случая срубленные и слегка обтесанные деревья Урт и его друзья перетаскивали в село, а готовые доски уносили в дома.

Работа по постройке судна началась осенью, но при тех простых, неусовершенствованных орудиях, которыми располагали тогда люди, должна была затянуться на всю зиму.

* * *

С каждой неделей судно приобретало всё более законченные очертания. Сначала в длинный и толстый, слегка выпуклый киль были привязаны шпангоуты, и судно стало походить на позвоночник огромного животного с отходящими от него рёбрами. Потом шпангоуты стали снизу обшиваться досками, причём каждая верхняя доска пальца на два заходила на нижнюю. Скелет корабля вместо кожи обрастал прочной деревянной оболочкой.

На носу была вырезана голова бога ветров Лона. Бирк хотел обойтись без неё, потому что с детства не очень верил, что боги могли защитить судно от беды, но он понимал, что тогда ещё более вооружит против себя жрецов. Скоро Бирк убедился, что и Лои не спас его корабль от врагов.

В одну из тёмных ветреных ночей Бирк тревожно открыл глаз сквозь бычий пузырь, затягивавший крошечное окошко, пробивался свет. Бирк одним рывком оказался за дверью. У берега Ориста малость багровое пламя: корабль горел!

Неистовый крик Бирка поднял на ноги всех домашних. Схватив посуду, какая оказалась под рукой, люди понеслись к реке. Пока взрослые боролись с огнём, Стур бешено колотил палкой в бронзовую доску, висевшую на столбе в центре села: ею пользовались, чтобы сзывать народ на собрания. Частый тревожный звон разносился по селу. Собаки заливались отчаянным лаем. Разбуженные люди выскакивали из домов и землянок и бежали к месту пожара. Слышались возгласы:

– Что случилось? Враги напали?

– Нет, горит корабль Бирка!

– Боги сказали своё слово!

– Боги!.. Это кто-нибудь поближе...

⁴ Теперь рёбра судна, к которым прибивается наружная обшивка, называются шпангоутами.

С каждой минутой число борющихся с огнём возрастало. Бирк с опаленными волосами кидался в самые опасные места. Урт, вывихнувший себе ногу, со стоном отполз в сторону от пожарища.

Пожар потушили. При свете факелов Бирк осмотрел повреждения. К счастью, они оказались не очень велики: по-видимому, строитель проснулся в самом начале пожара. Доски обшивки сверху обуглились, но их можно было обстрогать и снова пустить в дело. Шпангоуты и киль не пострадали, а это было главное. Цела была и голова Лона, насмешливо поглядывавшая на людей своими высверленными в дереве глазами. Главный жрец Влок, явившийся, когда пожар уже был потушен, авторитетно заявил:

– Это бог спас корабль! Видите, пламя не осмелилось его коснуться! И, конечно, это Лон разбудил тебя, Бирк! Надо принести ему за это благодарственную жертву.

Пришлось подчиниться. В жертву Лону закололи трёх жирных баранов. Мясо съели жрецы, а шкуры пошли на новую шубу Влоку.

С этих пор, не полагаясь на бдительность бога, Урт и Бирк стали выставять около корабля надёжную охрану.

Вскоре оказалось, что следовало охранять не только корабль, но и его строителя.

Как-то под вечер Бирк шёл берегом Ориста, направляясь к смолокуру, с которым строитель хотел сговориться о доставке смолы. Думая о своём, Бирк не замечал ничего вокруг. Вдруг он споткнулся о выдавшийся из земли корень и упал на тропинку. В тот же миг над самой его головой пропела стрела.

Бирк понял опасность своего положения мгновенно. Оружия при нём не было. Оставалось одно: притвориться мёртвым. И, прежде чем птица успела бы один раз махнуть крылом, Бирк испустил протяжный стон и вытянулся во весь рост. Сердце билось так сильно, что юноша боялся: оно выдаст его хитрость.

Послышались осторожные шаги: кто-то крался из леса. Ближе, ближе... Бирк точно окостенел. Враг стоял долго, присматриваясь к лежавшему Бирку, но не догадался об обмане. Он ушёл, однако Бирк до самой темноты лежал неподвижно, боясь, что за ним наблюдают издали.

Только ночью уполз он с тропинки и окольными путями пробрался домой.

С тех пор юноша проводил время только дома или на стройке корабля.

Чтобы исправить повреждения, причинённые пожаром, понадобилось две недели. Потом работа двинулась дальше.

Шпангоуты были скреплены не скамейками, как у простых лодок, а прочными поперечными брусками (теперь их называют бимсами); позднее на них настлали палубу. В палубе были проделаны люки, чтобы можно было спускаться во внутренность судна, в трюм. Люки закрывались плотно пригнанными крышками.

К бортам судна, поднимавшимся над палубой примерно на локоть, плотники прикрепили четыре пары уключин. Если не будет попутного ветра, корабль станут двигать гребцы. Если же Лон окажет милость, на мачте поднимут парус, и судно резво побежит, рассекая волны.

Знамение богов

Постройка корабля подходила к концу. На наш взгляд, судно Бирка показалось бы совсем маленьким, но для той отдалённой эпохи оно имело достаточно внушительный вид.

Длина первого корабля была около двадцати локтей, ширина примерно семь локтей. Он мог свободно поднять на наши меры около десяти тонн груза, и много крупной рыбы вместились бы в его трюме.

Гурм смотрел на корабль Бирка завистливым взором: вот (пустить такие суда за оловянной рудой в страну утранов! Но кто их построит? Его рабы умели делать простые беспалубные лодки, и у них конечно, не хватило бы умения соорудить такой корабль. До Гурма дошла молва о том, с каким трудом сам Бирк, изобретатель, добился правильного соотношения между частями корабля.

Гурму страстно захотелось присвоить себе работу Бирка. Поразмыслив он отправился к главному жрецу Влоку и долго толковал с ним...

* * *

На высоком берегу Ориста близ Бас-Турга собралась огромная толпа из многих окрестных селений: жрецы должны были вопрошать богов, угодна ли им новая выдумка рыбака Бирка.

По-разному узнавали жрецы воли богов: гадали по движению облаков и мерцанию звёзд, по сочетанию узоров на листьях деревьев и по внутренностям убитых животных, по расположению брошенной горсти камешков и по крику новорождённого ребёнка... Как? Это было великой тайной жрецов, недоступной простым смертным.

Вот и теперь: двенадцать жрецов давно уже совещались в большом шатре из звериных шкур, воздвигнутом на «священном холме», а толпа почтительно переминалась с ноги на ногу, осмеливаясь

лишь шепотом высказывать свои мысли.

Из шатра величавой поступью вышел Влок, верховный жрец Бас-Турга и всех окрестных сёл. За ним следовали остальные.

Влок зорко осмотрел благоговейно замершую толпу. Лёгкий ветерок играл белой пушистой бородой жреца, и солнце ярко выделяло морщины на его точно вырезанном из тёмного дуба лице. Вокруг шеи Влока обвивалась прирученная им ядовитая змея – ужас всех обитателей села. Они свято верили, что жрец может натравить её на любого неугодного ему человека, и, конечно, не знали, что Влок предусмотрительно вырвал у змеи ядовитые зубы. Одежда жреца была увешана амулетами.⁵

Там были фигурки животных, бронзовые колокольчики, звеневшие при каждом движении Влока, нож для заклания жертвенных коз и многое другое, что перечислять было бы слишком долго...

Среди толпы любопытных своим важным видом и богатой одеждой из бобровых шкур выделялся старейшина селения Ульф. Старейшина выбирался знатными. Власть его была пожизненной, но не очень большой. Он разрешал споры между жителями селения и главенствовал над ними в мирное время. Во время войны не старейшины начальствовали над воинами, а особо избираемые вожди, прославленные силой и отвагой.

И вот Влок заговорил:

– По просьбе тон-кролов мы спросили богов, угодно ли им, чтобы рыбаки строили лодки, какие выдумал наш односельчанин Бирк. «Ловить рыбу с таких кораблей нельзя!» – сказали нам милостивые боги.

В толпе пронёсся громкий гул разочарования. Влок услышал его и продолжал:

– Да, нельзя! Это противно воле богов, и если Урт не отступится от своих намерений, то боги нашьют мор на рыбу, и воды великого Ориста опустеют!

Лица Урта и Бирка выражали сомнение, и казалось, рыбаки тоже не очень верят, что их непослушание приведёт к таким ужасным последствиям. Тогда Влок торжественно протянул иссохшую, морщинистую руку к заливу, на берегу которого стояла толпа. Залив издавна славился обилием крупной рыбы.

– Я вижу, люди, вы сомневаетесь, что нам открыта воля богов. Смотрите же!

Взоры всех мгновенно обратились к заливу. Поражённые тон-кролы увидели, как из речной глубины медленно поднимаются вверх брюхом огромные медно-красные сазаны, длинные щуки с разинутой зубастой пастью, большие круглые лещи... Еле шевеля плавниками, умиравшие рыбы кружились в водовороте.

– Вот знамение богов! – сурово провозгласил Влок. – Хотите, чтобы так стало по всему великому Ористу?

– Нет, нет! – раздался рёв обезумевшей толпы.

Громче всех кричали Урт и Бирк. Бирк мгновенно забыл о всех своих честолюбивых планах. Дрожащий, потрясённый, вновь обрешавший незыблемую веру в богов, он робко смотрел в грозные глаза Влока.

– Отец, прости, – глухо говорил он. – Я покоряюсь воле богов. Я разберу палубу, и пусть мой корабль станет обыкновенной рыбацкой лодкой...

Суровое лицо жреца смягчилось.

– В этом нет надобности, сын мой! Боги сказали, что твой корабль предназначен совсем для другого. Спасая твоё судно от гибели во время пожара, бог Лон имел особую цель, о которой мне дозволено сказать только теперь, хотя я давно знал о ней. Всем здесь находящимся известно, в чём сила нашего племени. За наши бронзовые изделия мы вымениваем у других народов оловянную руду, шкуры зверей и многое другое. Бронзовое оружие помогает нам держать в страхе соседние племена и делать на них успешные набеги. Но все вы знаете, что оловянную руду из страны утранов приходится привозить на лодках, а они часто гибнут от бурь, унося руду на дно Ориста. И это сами боги навели Бирка на мысль построить судно, в котором можно безопасно перевозить руду. Вы поняли меня, дети мои? – ласково обратился Влок к Урту и Бирку.

– Да, отец, – покорно ответил Урт. – Я уступлю корабль, кому ты прикажешь... Но только как же... Ведь мы затратили так много труда...

– Не горюй об этом, сын мой. Почтенный Гурм, которому боги присудили новый корабль, даст тебе доски и всё необходимое для лодки. Он даже прокормит вас, пока вы будете её строить...

Так богатый владелец литейной мастерской Гурм стал владельцем нового корабля.

Если бы тон-кролы знали, как было подготовлено «чудо», свидетелями которого они стали, оно, конечно, не поразило бы умы людей. Но вся подготовка была совершена в великой тайне руками младших жрецов и их помощников. В течение нескольких дней они незаметно уходили на дальние

⁵ Амулёт – предмет, который считался священным и был обязательной принадлежностью языческих обрядов.

лесные поляны и там рвали ядовитые травы: цикуту, аконит, дурман, белену, болиголов... Тёмной ночью, накануне народного схода, жрецы опустили на дно залива огромные связки ядовитых трав, привязав к ним тяжёлые камни. А чтобы рыба не ушла в главное русло реки, когда вода начнёт портиться, жрецы огородили залив сетями, скрыв поплавки под поверхностью воды.

Жрецы хорошо знали свойства ядовитых трав, и Влок рассчитал их действие наверняка. Но, чтобы «чудо» оказало наибольшее действие на зрителей, в прибрежной чаще были спрятаны наблюдатели. Трёхкратным криком кукушки они дали знать о моменте, когда отравленная рыба начала всплывать из речной глубины, и вот тогда-то Влок с другими жрецами вышел из шатра. Понятно, в следующую же ночь сети, окружавшие залив, были сняты. Всё сошло настолько удачно, что корабль, перешедший в собственность Гурма, отныне мог стоять на берегу без всякой охраны: боясь разгневать богов, никто из бедноты не осмелился бы причинить судну бы малейший вред.

Приготовления

Заполучив в свои руки прекрасный корабль Бирка, Гурм решился осуществить смелый замысел, который давно уже бродил в его голове.

Предания тон-кролов сохранили рассказ о том, что их предки пришли из далёкого края, где восходит солнце, и во время своего странствия долго продвигались по берегу огромного водоёма, у которого невидно было другого берега. Предания сохранили память и о том, что вода эта не годилась для питья, так как была горько-солёной.

Тон-кролы знали, что Орист течёт на восток к Большой Солёной Воде, но на берегах этой воды ни один тон-крол не бывал уже в течение многих поколений.

Гурму давно хотелось пробраться в эти неведомые края – разузнать нельзя ли и там вести выгодный обмен. Но плыть туда на простой открытой лодке было страшно. Теперь же, когда Гурм располагал надёжным судном, было бы просто глупо упускать возможность первым побывать у Большой Солёной Воды.

На корабле Бирка хорошо было возить руду из страны утранов, но ведь судно не переправить в верхний плёс через Ворота смерти, и поэтому Гурм решил испытать его на просторах нижнего плёса. Если оно окажется прочным, то можно будет и в верхнем плёсе построить корабли по такому образцу.

Итак, Гурм начал готовиться к далёкому путешествию. Отплыть он рассчитывал в конце месяца большой воды,⁶ чтобы успеть вернуться до наступления зимних холодов.

Гурм приказал своим рабам построить на палубе две каютки. В передней могла поочерёдно есть и спать стража корабля. В кормовой каюте будут помещаться Гурм и рулевой Кнот, от которого во многом зависела удача плавания. Своим острым, наметанным глазом кормщик Кнот будет издали замечать мели и подводные камни и невредимо проводить мимо них корабль.

* * *

Пока заканчивались последние приготовления на корабле, литейщики Гурма выплавляли бронзовые изделия, которые хозяин повезёт для обменной торговли с другими племенами. Это были различные орудия и украшения.

Охотнее всего тон-кролы торговали украшениями: бронзовыми браслетами, запястьями, ожерельями. С меньшей охотой променивали они орудия – бронзовые ножи и топоры: такие вещи легко превращаются в оружие, а тон-кролы не хотели снабжать оружием окрестные народы. И приказ жрецов (владельцы литейных вполне сознавали его мудрость) строго запрещал продавать чужестранцам кинжалы и прочные бронзовые щиты. Эти драгоценные изделия разрешалось только дарить старейшинам и главным жрецам других племён, чтобы завязать с ними дружбу. Опасности в этом не было: известно, что старейшины и жрецы не идут на битву в первых рядах, и поднесённое им оружие не подрывало военного могущества тон-кролов.

Со времени У-Нака и Ра-Ту человек значительно усовершенствовал оружие и добился того, что мог поражать дичь и врага на далёком расстоянии.

В племени тон-кролов мальчиков начинали учить стрельбе из лука с пяти-шести лет. Постоянные упражнения под руководством строгих наставников вырабатывали из юношей замечательных стрелков. В искусстве стрельбы не могло сравниться с тон-кролами ни одно из соседних племён.

Собираясь в неведомый путь, Гурм решил взять на корабль не менее восьми стражей.

В древние времена торговля была опасным занятием, потому что повсюду находились любители захватить чужое добро силой. С ними приходилось сражаться, защищая имущество. Купец был одновременно и воином, начальником вооружённого отряда.

⁶ Начало июня по нашему счёту.

Вот почему Гурм позаботился о хорошем вооружении для охраны корабля. Кроме боевых топоров и трёхгранных кинжалов, мастера-литейщики наготовили тысячи острых бронзовых наконечников для стрел, а рабы выстрогали сами стрелы, оперили их и прочно прикрепили к ним наконечники.

Младшему брату Гурма – Лоргу – было только четырнадцать лет, но он был высок и силен не по годам. Он прекрасно владел луком: без промаха всаживал стрелу в летящую утку на расстоянии ста локтей. А в рукопашной борьбе против него мог выстоять не всякий взрослый. И вот этот-то юный богатырь настойчиво заявил о своём желании защищать корабль наравне с другими участниками экспедиции.

Матушка Сону не хотела отпускать младшего сына в опасное плавание, но мальчик сумел уговорить старшего брата. Он поплывёт вниз по широкому Ористу, он увидит Большую Солёную Воду, о которой только понаслышке знали даже старики племени. И ему, Лоргу, придётся сразиться с ужасными чудовищами, без сомнения населяющими Большую Солёную Воду. Уж если в Ористе встречаются рыбы, борьба с которыми опасна для человека, то какие же страшилища живут там!

И Лорг упражнялся по целым дням: стрелял из лука, рубил мечом кустарники и молодые деревца, вонзал кинжал в соломенное чучело... Мальчишки восторженной гурьбой бродили за Лоргом, восхищаясь его будущими великими подвигами. Да что говорить о мальчишках, когда все свободные юноши селения завидовали Лоргу и многое отдали бы, чтобы оказаться на его месте.

Заговор

У богача Гурма было около пятидесяти рабов; многие мужчины попали в плен с женами и детьми, других Гурм заставил соединиться браком со своими рабынями.

На обширных дворах Гурма и других богачей, обнесённых высокими заборами, руками пленников были выкопаны большие землянки. Там и ютились рабы – по несколько семей в каждой.

Убежать из Бас-Турга было почти невозможно. Ночью рабов караулили свирепые сторожевые собаки, а если раб убегал днём с поля или из лесу, где надзора не было, то за ним посылалась погоня с собаками. Пойманного беспощадно избивали. Если же побег повторялся, раба ждала смерть.

Легче было бы вырваться на свободу во время дальних плаваний за оловянной рудой, когда рабы становились гребцами на баржах, но рабовладельцы и тут нашли средство сохранить свою власть: они приковывали гребцов к скамьям бронзовыми цепями. Охранники верой и правдой служили своим богатым родственникам и зорко стерегли рабов.

Старшиной рабов Гурма был Фаттар, черноволосый человек высокого роста и могучего сложения. Во время последнего набега тон-кролов на страну круминов соплеменники избрали Фаттара своим военным вождём, так как он выделялся среди всех исключительной силой и отвагой.

Превосходство оружия принесло тон-кролам победу. Фаттар, получивший несколько ран, был подобран на поле боя и вместе со многими другими круминами увезён к тон-кролам за тридцать дней пешеходного пути от своей страны. Он стал невольником Гурма.

Гордой душе Фаттара ненавистно было рабство, и он попытался убежать вскоре после того, как попал в плен. Его поймали и для примера другим наказали так жестоко, что только необыкновенная выносливость помогла Фаттару поправиться. С тех пор он глубоко затаил мечту о свободе, но не расстался с ней.

Рабы уважали Фаттара и беспрекословно слушались его, и потому Гурм, хоть и неохотно, поставил гордого крумина во главе рабов.

Когда Гурм стал набирать гребцов для плавания вниз по Ористу, его выбор пал прежде всего на Фаттара: Гурм боялся оставить бывшего вождя без своего надзора и предпочитал держать его у себя на глазах.

Когда Фаттар узнал, что он поплывёт на корабле к Большой Солёной Воде, глаза его на миг блеснули радостным огнём и тотчас опустились к земле: река Лагат, вдоль которой раскинулась страна круминов, впадала в Орист между владениями тон-кролов и морем. Путешествуя по Большой реке, Фаттар будет приближаться к родине...

– Воля твоя, хозяин, – сказал он равнодушно Гурму. – Но я бы лучше остался в Бас-Турге, здесь от меня больше пользы.

Слова Фаттара окончательно убедили Гурма, что раб затевает что-то недоброе и что оставить его в посёлке нельзя.

– Ты поедешь со мной, – твёрдо сказал Гурм.

Он назвал Фаттару имена других рабов, которых намеревался взять с собой в плавание. Это были робкие, покорные люди, и на их повиновение Гурм вполне мог рассчитывать.

Но тут начали твориться странные дела. То один, то другой раб из числа назначенных в гребцы внезапно заболел. Одного мучили страшные колики, у другого шла горлом кровь, третий с трудом

передвигался по земле ползком...

Напрасно призванный во двор Гурма жрец Влок произносил заклинания, звонил священными колокольчиками и даже совершал колдовской танец – больным это ничуть не помогало. Пришлось заменить намеченных людей другими, далеко не столь надёжными. Все вновь набранные гребцы оказались круминами, соплеменниками Фаттара.

Гурм утешал себя только тем, что, увозя с собой опасных людей, он обеспечит спокойствие в своём дворе. А уж с Фаттаром и его товарищами он справится.

«Покрепче цепи, два-три лишних стража – и Фаттар во время плавания прিসмирится...» – думал Гурм.

Но он не был бы так спокоен, если бы знал, что в это время делают его рабы. Будущие гребцы тайно собирались в лесу по два-три человека, взволнованно о чём-то шептались и расходились, стараясь, чтобы никто их не заметил.

Ещё больше встревожился бы Гурм, если бы ему стало известно, что Фаттар, работая на постройке каюток, незаметно сумел сделать в одной из них тайник и спрятал там полученные от рабов-литейщиков инструменты и оружие: три острых долота, молоток, несколько кинжалов...

Но всё это оставалось секретом для Гурма. Даже те рабы, которых он считал самыми смирными и которые действительно не решились бы открыто выступить против хозяина, участвовали в заговоре и свято хранили его тайну. Более того: те, кто первоначально должны были отправиться в путешествие, но чувствовали себя неспособными помочь Фаттару в борьбе с угнетателями, добровольно принимали снадобья, вызывавшие болезни, и втихомолку смеялись над безуспешными попытками Влока вылечить их.

А день отъезда приближался. Принесёт ли путешествие свободу смелому Фаттару и его товарищам?..

Отплытие

Настал торжественный день отплытия. Увешанный звенящими амулетами Влок громко прочитал молитвы, Гурм, широко размахнувшись, швырнул в волны прекрасный бронзовый топор – жертву богу Лону.

Немало бедняков завистливым взором проследили за полётом топора и невольно запомнили место, где он погрузился в воду. Жители берегов Ориста были прекрасными пловцами и ныряльщиками, и не так уж хитро казалось им достать со дна утопленную драгоценность. Но недавнее «чудо» до такой степени напугало тон-кролов, что теперь ни один из них не решился бы даже пальцем дотронуться до вещи, посвящённой богу.

Гурм подал знак, один из стражей отвязал канат от вбитого в берег бревна и ловко вскочил на нос отплывавшего судна.

Кнот стоял у руля. Рулём служило очень длинное весло, вытесанного из бревна.

Примерно посредине весла, чуть ближе к его верхнему концу, было просверлено отверстие, а на корме судна прочно укреплён вертикальный бронзовый штырь. Руль, надетый на штырь, свободно вращался вокруг него. Отводя верхний конец весла влево или вправо и двигая его лопастью в воде, рулевой поворачивал нос судна в желательном направлении.

Такое устройство руля не было изобретением Бирка: оно уже в течение многих столетий применялось на многовесельных лодках. Разница была лишь в том, что для управления рулём на корабле Бирка требовалась гораздо большая сила, чем на лодке.

Кноту в плавании нужен был помощник, но Гурм решил не брать лишнего человека: вместе с кормчим у руля будет стоять по очереди кто-нибудь из стражей.

Течение подхватило судно. Кнот направил его куда следует, гребцы взмахнули вёслами...

У Лорга, смотревшего на мать и сестёр, выступили на глазах слёзы. Он поторопился вытереть их и боязливо осмотрелся: не заметил ли кто его слабости. Но каждый был занят своими чувствами.

И вот корабль, гонимый сильными ударами вёсел, скрылся за изгибом берега.

Нижний плёс

Страна тон-кролов простиралась вниз по Ористу на пять-шесть дней пешеходного пути.⁷ В этих краях можно было не беспокоиться о безопасности судна, и Гурм останавливал его на ночевки около селений, где жили его родственники и знакомые. Кноту приходилось здесь плавать не раз, и он уверенно вёл корабль.

⁷ Около 100–120 километров.

Фаттар и его товарищи держали себя очень смирно, и Гурм хвалил себя за то, что увёз опасных смутьянов из посёлка. Но, если бы Гурму пришлось подслушать хоть одно тайное совещание крумина с его соплеменниками, он знал бы, что скромное поведение невольника – это лишь часть тонко продуманного плана.

Фаттар прекрасно понимал, что положение прикованных к скамейкам рабов не даёт им возможности вступить в открытый бой с людьми Гурма, охранявшими судно. Даже если рабам удастся вооружиться спрятанными в тайнике кинжалами, топоры, копья и стрелы противников быстро покончат с мятежными гребцами. Битва стала бы более равной, если бы удалось незаметно освободиться от цепей, но об этом нечего было и думать. Предположим, что охрана и хозяева крепко уснут, – всё равно шум и звон разрушаемых бронзовых цепей подымут даже мёртвого...

Существовал единственный способ захватить судно, и его-то и выбрал Фаттар. Надо было улучшить момент, когда охрана хотя бы ненадолго покинет корабль. Тогда достаточно будет выиграть расстояние в двадцать – тридцать локтей, и рабам не страшны будут мечи их стражей. Если бы стражам даже и удалось вплавь догнать судно, то положение гребцов у борта корабля будет неизмеримо выгоднее для битвы.

И Фаттар внушал своим пылким товарищам – Круммоку, Ковину и другим, что они должны вооружиться терпением.

– Путь далёкий и трудный, – говорил мудрый крумин, – не может быть, чтобы нам не представилось благоприятного случая...

Но вот окончились владения тон-кродов, другие племена населяли здесь берега Ориста, и хотя они не проявляли к тон-кролам открытой вражды, но всё же особо доверяться им не приходилось.

На ночь корабль причаливал к острову где-нибудь посреди широкого Ориста или к безлюдному болотистому берегу вдали от селений. Костра корабельщики не разводили, довольствуясь холодной пищей, и устанавливали сторожевые вахты. Одной вахтой командовал сам Гурм, другую он доверил Кноту. Напрасно Лорг добивался чести стать старшим одной из вахт, Гурм неизменно отказывал ему:

– Слишком крепко спишь, малыш.

– Ты даже не услышишь, если нас всех унесут враги, – угрюмо улыбаясь, добавлял Фаттар. – Не доверяй Лоргу вахты, хозяин!

Крумин втайне рассчитывал, что Гурм поступит наперекор ему и оставит брата вахтенным начальником: может быть, этим как-нибудь сумеют воспользоваться рабы. Но, к сожалению, Гурм соглашался с Фаттаром.

Лорг сердился:

– Это я-то малыш? Я крепко сплю?! Ну, так я вам докажу!

Но Лорг ничего не мог доказать, потому что, сколько раз ни становился на дежурство с первой вахтой, сон неизменно сваливал мальчика.

Гурм всё ещё не открывал торговли. У приречных племён не было товаров, которые были нужны тон-кролам, и Гурм рассчитывал, что чем дальше он завезёт свои товары, тем выгоднее их променяет.

С каждым днём пути Орист становился всё шире и величавее. Здесь он разливался по широкой равнине, и гор уже не было видно ни на севере, ни на юге. Иногда Орист разбивался на два рукава, и Кнот направлял корабль в тот или другой рукав только после долгого раздумья.

Однажды Кнот ошибся. Протока, вначале широкая и глубокая, стала суживаться; вода в ней неслась очень быстро, и Кнот с тревогой оглядывал на убегавшие назад лесистые берега. И вдруг выбранный рукав снова разбился на две широкие, но мелкие протоки, где течение шумело по дну, усеянному галькой.

Что делать? Возвращаться назад против сильного течения было невозможно. В сопровождении двух стражей Кнот вылез из баржи и побрёл по мелководью на разведку. Он вернулся только часа через три расстроенный и мрачный: в иных местах воды было едва по колено. Посоветовавшись, хозяин и кормщик решили всё же пробиваться вперёд.

На беду, протока оказалась очень длинной, и вода в ней то собиралась в узком и глубоком русле, то снова растекалась по широкому мелкому перекату.

На перекатах корабль тащили все, начиная от Гурма и Кнота и кончая гребцами. Длинные цепи позволяли им спускаться с судна идти рядом с ним. Круммок и Ковин многозначительно переглядывались с Фаттаром: не здесь ли притаилась желанная свобода? Фаттар с трудом сдерживал сообщников, когда за краем переката показывалась глубокая тёмная вода. Оттолкнуть бы внезапно стражей, благо они не в полном вооружении, а только с кинжалами у пояса, и, воспользовавшись суматохой, вскочить на корабль, приналечь на вёсла... Опасно, но разве такое дело возможно без риска?

Сам Фаттар чуть не поддался искушению, когда усталые стражи, закончив переволакивать судно через очередной перекал и поставив его у спуска в глубоководье, сели на дно реки, чтобы освежить разгоряченные тела.

Они весело болтали, наслаждаясь прохладой, а Фаттара мучила всё одна и та же мысль: «Теперь или никогда!»

Выпрямившись во весь свой могучий рост, вождь круминов пытливо глядел вперёд, стараясь разгадать, далеко ли тянется плёс свободной воды. Он уже открыл было рот, чтобы подать условленный сигнал, как вдруг за поворотом берега, покрытого мелколесьем, блеснули солнечные зайчики – один, другой... И Фаттар понял, что это играет солнце на мелкой волне следующего переката. Готовый вырваться крик замер на его устах, и Фаттар тяжело опустился в воду.

– Что, приятель, и тебя, видно, разморило? – рассмеялся старик Ирт.

Фаттар не отвечал.

Он думал: «Слава богам, спасшим нас от гибели! Если бы мы успели столкнуть корабль в воду, нас всё равно захватили бы на следующей отмели. И тогда...»

Но что было бы тогда, Фаттар старался не думать. Нет, нельзя доверяться этой коварной протоке, надо ждать более удобного случая...

Ошибка Кнота стоила корабельщикам трёх дней тяжёлой работы, и после этого кормщик выбирал путь с великой осторожностью.

Прошло две недели плавания, а Фаттар и рабы всё ещё не смогли завладеть судном. Иногда, где-нибудь на сухом берегу, Гурм с братом, Кнот и стражи выходили поразмяться и приготовить себе горячую пищу, но они не забывали основательно привязывать судно цепью к стволу дерева или к толстому пню.

«Видно, его боги внушают ему такие предосторожности...» – зло думал Фаттар.

А Орист здесь разлился ещё шире и круто повернул на север. Болотистые берега его стали совершенно непригодны для жилья, и часто на расстоянии целого дня пешеходного пути не встречалось ни одного селения, только редкие лачужки рыбаков.

Гурм хмурил свои лохматые чёрные брови. Врагов здесь остерегаться не приходилось, однако, если так пойдёт и дальше, с кем он будет торговать?

В этих местах не селились люди, зато здесь было великое множество водяной дичи и рыбы. Неисчислимые стаи уток, гусей, лебедей, журавлей покрывали тихие протоки и заводи; задумчивые цапли, стоя одной ногой на мелководье, косились на проплывавшее вдали невиданное сооружение; чёрные бакланы неожиданно выныривали из воды у самого носа корабля и с резким криком испуга взмывали вверх. По ночам берега реки оглашались громким рёвом запрятавшихся в камышах выпей.

Здесь было на чём показать своё искусство Лоргу. Его стрелы без промаха поражали дичь, а за день он набивал столько гусей и уток, что их вполне хватало на жаркое всему экипажу. В этих пустынных местах корабельщики разводили большие костры без всякого опасения.

Когда дичь надоедала, люди закидывали в Орист невод и вытаскивали огромных осетров, севрюг, лососей, судаков...

Очень мучили путешественников маленькие кровопийцы комары. По вечерам комары поднимались из камышей неисчислимыми миллионами, и весь воздух, застланный движущейся сероватой дымкой, звенел непрестанным ровным высоким гулом.

Провести ночь на открытом воздухе без надёжного укрытия значило оказаться с распухшим лицом, с раздутыми, сочащимися кровью руками. Вовсе невозможно было спастись от комаров невольникам, закованным в цепи. После двух-трёх бессонных ночей рабы обессилели и не могли даже грести.

К счастью, от комаров нашлось избавление. Оказалось, что если отплыть от берега на полёт стрелы, то здесь уже редко-редко прожужжит какой-нибудь заблудившийся комар. На ночлег стали останавливаться в главном русле вдали от берега, спуская с кормы и носа по тяжёлому камню.

Неожиданная находка

После отплытия Гурма Урт, Бирк и другие рыбаки работали над постройкой лодки неохотно, вяло. С постройкой корабля были связаны многие мечты и надежды. И все они рухнули, когда безжалостные боги заставили отдать чудесное создание их рук богачу.

Противиться воле богов рыбаки не могли, показанное им знамение было слишком грозным: гибель рыбы в Ористе означала и их собственную гибель. Но всё равно, как-то помимо их воли, руки с топорами двигались медленно, молотки ударяли слабо.

В один из дней, когда нежелание работать дошло до крайности Бирк и Стур отпросились у отца на рыбалку. Урт отпустил их без возражений, тем более что дома нечего было есть: семья Гурма не очень выполняла его обещание кормить рыбаков.

Бирк и Стур взяли лодку у соседа и поехали удить сазанов в тот самый залив, где недели три назад произошло «чудо».

Если бы орланы,⁸ чайки и бакланы умели говорить, они, вероятно, принесли бы большую благодарность жрецу Влоку за то обильное угощение, которое он им приготовил. Ведь люди, поражённые суеверным ужасом, не осмелились и пальцем притронуться к рыбам, убитым богами, и эти рыбы стали добычей птиц.

Теперь залив выглядел по-прежнему, и можно было думать, что его прозрачную глубину населили новые стаи рыб. Действительно, клев начался сразу. Бирк и Стур, азартно соревнуясь, то и дело вытаскивали крупных сазанов. Вдруг крючок Бирка за что-то зацепился.

Юноша потянул просмоленную пеньковую лесу, но она не поддавалась. Бронзовые крючки для тон-кролов представляли немалую ценность, и Бирк призадумался: что делать? А тем временем Стур, поддразнивая старшего брата, успел поймать двух хороших сазанов. Бирк поднял удилище, постучал по нему, ещё раз подёргал за леску...

– Придётся нырнуть! – сказал он.

– Всю рыбу распугаешь! – огорчился Стур. – Посиди так. – Я буду глядеть, а ты ловить?!

В этот момент конец удилища Стура резко дернулся вниз и ушёл в воду. Поклевка, да ещё какая! Мальчик потянул... Увы, его крючок тоже за что-то зацепился.

Спор сразу прекратился, и теперь уже Стур начал уговаривать брата нырять.

– Не понимаю, – говорил Бирк, раздеваясь, – откуда взялись зацепы. Дно здесь всегда было чистое.

И он прыгнул в воду. Глубина была не очень большая, всего локтей семь. Искусный ныряльщик, Бирк быстро спустился на самое дно и обнаружил большую бурую охапку травы, в которой прочно засел крючок его лески. Чтобы крючок не зацепился вторично, Бирк решил поднять охапку в лодку. Ему удалось сделать это с трудом, так как оказалось, что к охапке привязан камень.

Когда Бирк поднялся на поверхность, младший брат подхватил его ношу и перевалил её через борт лодки. Освобождая крючок, Бирк узнал в прочно увязанном снопе яйцевидные с крупными вырезами листья дурмана, пушистые листья белены, мелкие листочки и разветвлённые корневища цикуты с мощным стержневым утолщением... Теперь они были безвредны, потому что за три недели вода вымыла из них весь яд.

Обитатели Бас-Турга были знакомы с ядовитыми растениями. Скот, который пасся на лугах и лесных полянах, по инстинкту избегал их. Случалось, что маленькие дети наедались плодов белены или дурмана и тяжело заболели.

Странная догадка блеснула в уме Бирка. Чтобы окончательно утвердиться в её правоте, он нырнул за крючком брата и достал из воды вторую вязанку ядовитых трав.

– Вот как получилось чудо Влока! – задыхаясь, проговорил юноша. – Вот почему подошли рыбы!

Бирком овладела такая ярость, точно он сам наелся белены. Он безумствовал, колотил руками и ногами по лодке, выкрикивал проклятия. Ошеломлённый и испуганный Стур напрасно старался успокоить бушевавшего брата, гладил его по голове и плечам, нежно прижимался к нему.

Наконец Бирк начал успокаиваться, на лице его появилась злоеющая усмешка.

– Погодите же, Влок и Гурм! Мы вам покажем чудеса! – бормотал он.

Много ли ядовитых трав спустили жрецы на дно залива? Он заставил Стура грести, а сам плыл возле лодки и время от времени погружался в воду. Он видел: десятки огромных пучков ядовитой травы лежат на дне залива.

Через час на берегу залива собрались Урт и его друзья. Бирк раскрыл им проделку жрецов.

– Нужно немедленно идти к Влоку и бросить ему в лицо вязанки ядовитых трав, – требовал Бирк.

Мужчины были более благоразумны. С общего согласия решили ждать возвращения Гурма. Но, когда он вернётся, обманщиков призовут к ответу и потребуют отдать украденный корабль.

В душе Бирка всё сильнее разгоралась злоба, и он с великим нетерпением ожидал, когда вернётся с моря его корабль.

Буря на Ористе

Не подозревая, какая встреча ждёт его в родном селе, Гурм спокойно плыл к Большой Солёной Воде. Пройдя к северу расстояние, равное шести дням пешеходного пути,⁹ Орист вновь повернул на восток. С левого берега вливалась в Орист быстрая прозрачная река, воды которой долго ещё не смешивались с желтоватыми водами главной реки.

«Наш Лагат!..» – думали крумины, махая тяжёлыми вёслами.

Они узнали это место: если повернуть налево, то через несколько дней покажется родная страна.

После впадения Лагата Орист стал так широк, что от одного его берега иногда не виден был

⁸ Орланы – крупные хищные птицы из семейства ястребов. Живут на берегах рек и озёр, гнезда выют на деревьях, питаются главным образом рыбой.

⁹ Около 120 километров.

другой. Целая цепь озёр тянулась вдоль берегов, соединённая с рекой протоками. Озёра изобиловали дичью, но заплывать туда корабельщики не решались. В низовьях Ориста Гурму и его спутникам представился случай испытать судоходные качества построенного Бирком корабля.

С утра небо было безоблачно, но невыносимо парило. Кнот тревожно посматривал на горизонт: он ждал грозы.

К полудню небо стало заволакиваться дымкой, прибрежные камыши зашелестели от лёгкого ветерка. Птицы, видно, чуяли бурю: они неслись беспорядочными стаями, держа путь от глазного русла в непроходимую путаницу стариц и озёр. Кнот становился всё мрачнее. Его беспокойство передалось экипажу судна.

Туманная дымка поднялась кверху и превратилась сначала в облака, а потом в густые тучи. Птицы исчезли. Налетел, пригибая камыши самой воде, резкий ветер. Ветру на этом речном просторе, среди низки берегов, было приволье. По жёлтой воде Ориста пошли волны. Они увеличивались с каждой минутой...

Кнот отдал рабам приказ грести изо всей мочи. С двумя помощниками он еле управлялся у рулевого весла, направляя судно к видневшейся вдали бухте, сулившей некоторую защиту от бури.

Ураган достиг огромной силы. Мутная вода Ориста кипела, как в котле. Волны налетали со всех сторон, ударяя судно с бортов, с кормы, с носа. Оно, как живое существо, стонало под их натиском и раскачивалось так, что мачта своей верхушкой чуть не касалась воды. Иногда людям казалось, что, провалившись в бездну между валами и лёжа на боку, корабль больше не встанет, но в следующую минуту он взлетал на гребень волны.

Вот когда проверялась прочность работы Бирка, крепость деревянных и бронзовых гвоздей, прикреплявших обшивку к шпангоутам, добросовестность конопатки швов, надёжность щитов, закрывавших люки. Если бы строитель был здесь, он бы по праву гордился своим детищем, мужественно боровшимся с бурей.

По приказу Кнота Гурм и Лорг укрылись в каюте, а стражи привязались верёвками к мачте. Двоих гребцов волны снесли за борт, но рабские цепи спасли их: полузахлебнувшихся круминов втащили на судно.

Было темно как ночью. Мрак освещали только частые молнии. Судно, не поддаваясь ярости урагана, упорно пробивалось к намеченной цели. Оно ещё не достигло её, когда ветер начал стихать и небо очищаться: летние грозы коротки.

К вечеру Гурм принёс жертву богу Лону: ведь это его благодетельная помощь спасла корабль. Растянувшись на обсохшей палубе, люди делились воспоминаниями об урагане. Все думали о том, что в такую бурю беспалубная лодка погибла бы обязательно.

– Великое дело сделал Бирк, – задумчиво сказал кормчий, и все признали правоту его слов.

Первая торговая сделка

На следующий день корабельщики приплыли к месту, где Орист разбивался на три огромных рукава. Какой из них выбрать? Северный казался более широким и глубоким, и кормчий Киот после долгого совещания с хозяином решил плыть по северному рукаву.

Местность по-прежнему оставалась пустынной. Мало кто решался поселиться среди бесконечных озёр и болот, в огромной низине, которая во время весеннего разлива, вероятно, вся скрывалась под водой. Редкие избушки рыбаков стояли на высоких сваях, и их обитатели с тревогой и недоверием смотрели на громадную лодку, какую они никогда не видывали.

Из любопытства Гурм приказал подплыть к одной из рыбацких хижин: интересно, какие могут быть товары у жителей этих необозримых водных просторов.

Семья рыбака пустилась было наутёк, но Гурм, стоявший на носу корабля, поднял руки вверх ладонями, показывая, что в них нет оружия, – общепринятый жест дружелюбия.

Мужчины, женщины и дети, стоя на узкой сухой площадке берега, с удивлением и недоверием рассматривали нежданных чужеземцев. Загорелые руки и ноги рыбаков были обнажены, а туловища прикрывали одежды из тюленьих шкур.

В эту эпоху тюлени уже не встречались в среднем течении Большой реки, и невиданные ранее красивые шкурки с редкими блестящими волосами понравились тон-кролам. Гурм решил выменять несколько таких шкур. Он показал рыбакам красивые бронзовые браслеты. При виде украшений глаза мужчин и женщин заблестели восторгом.

Обмен затруднялся тем, что стороны не понимали друг друга. Гурм, ткнув пальцем в одежду одного из рыбаков, дал понять, что он желает приобрести такие шкуры и за это даст браслеты. Рыбаки, наконец, догадались. Глава семьи, худощавый, но крепкий старик, и его сын поднялись по лестнице в хижину, высоко поднятую на сваях над рекой, и вернулись со связкой хорошо выделанных тюленьих

шкуру.

Гурм положил на камень браслет, старый рыбак бросил рядом шкуру. Тон-крол спрятал браслет за спину, показывая таким образом, что эта цена ему не подходит. Рыбак бросил вторую шкуру – браслет оставался за спиной Гурма. Старик наклонился, чтобы убрать шкуры, но тут заголосили женщины, которым, как видно, очень хотелось приобрести украшение. Поговорив с сыном, старик со вздохом прибавил к двум шкурам третью. Но браслет всё ещё оставался за спиной Гурма. Тогда рыбак решительно собрал все шкуры и, не обращая внимания на визг и плач женщин, приказал сыну отнести их в хижину.

Тогда Гурм, задержав руку молодого рыбака, положил на камень браслет. Сделка состоялась: Гурм взял три шкуры, а браслетом тут же завладели женщины. С радостным смехом они начали примерять его на руку.

Торговля продолжалась таким же манером. За несколько браслетов и запястий вся связка тюленьих шкур стала собственностью Гурма, и стороны расстались с изъявлениями взаимного дружелюбия. Старик даже подарил чужестранцам огромного осетра, а Гурм, не желая быть побеждённым в великодушии, отдал рыбаку бронзовый нож – величайшую драгоценность для бедняков, затерянных в этой речной глуши. Рыбачья семья долго смотрела вслед кораблю, пока он не скрылся за поворотом берега, а потом с великим восхищением начала вновь и вновь рассматривать покупки.

После такой удачной для Гурма сделки он уже не проплывал мимо рыбацких хижин. Он с удивлением убедился, что слух о нём и его чудесных товарах опередил его, и рыбаки уже не пытались прятаться при приближении его корабля. Видно, жители низовья по известным только им внутренним протокам могли быстро сообщаться друг с другом на легких лодочках, плетённых из тальника и обтянутых тюленьими шкурами. Торговля шла очень успешно.

И вот в один из ясных летних дней перед глазами изумлённых корабельщиков открылась необозримая зеленовато-синяя гладь, поднимавшаяся вверх до самого горизонта.

Большая Солёная Вода!

На море

Гребцы опустили вёсла. Гурм, Лорг, кормщик Кнот, стражи, гребцы – все, как зачарованные, смотрели на необозримое пространство моря, и их охватывал невольный страх.

Так вот она, эта Большая Солёная Вода! Она была спокойна и ласкова, но что здесь творится во время бури? Люди недавно узнали, какие волны гонит ветер по нижнему Ористу, и догадывались, что здесь он поднимает целые водяные горы...

По знаку Кнота гребцы налегли на вёсла, и корабль тронулся. Когда – берег стал лишь узкой синей полоской, кормщик остановил корабль. Торжественная тишина стояла вокруг, и корабельщики не решались нарушить её громким словом.

Кнот опустил за борт кувшин на верёвке и, вытащив его, поднёс к губам. На его лице отразилось удивление, и он передал кувшин Гурму.

От Гурма сосуд перешёл к Лоргу, потом к стражам и, наконец, к рабам. Все убедились, что вода пресная.

– Значит, наши предки говорили неправду, что у Большой Воды горько-солёный, неприятный вкус! – воскликнул Лорг.

Гурм оборвал брата:

– Молчи, мальчишка! Я понял, почему здесь сладкая вода: это всё ещё вода нашего Ориста!

Тем временем день стал клониться к вечеру, на небо набежали облачка, подул лёгкий ветерок и корабль стало покачивать. Кнот сказал:

– Клянусь богами, погода меняется! Скорее к берегу!

Дул попутный ветер, на мачте подняли парус, и судно быстро понеслось на юго-запад, к полоске берега, видневшейся вдали.

Лорг, смотревший назад, вскрикнул от испуга и схватился за лук.

– За нами гонятся морские чудовища! – воскликнул он.

Все поглядели туда, куда указывал мальчик. Действительно, стая больших чёрных существ – не то рыб, не то зверей – мчалась за кораблем, то высывая из воды длинные острые морды, то снова скрываясь. Спинные плавники их резали волны.

Это были дельфины. Крумины и тон-кролы видели их впервые. Стая догнала корабль, обошла его и повернула назад. Дельфины затеяли игру, знакомую мореплавателям наших дней, но изумившую Гурма и его людей. Дельфины кувыркались в волнах, то и дело показывая блестящее белое брюхо, они носились вокруг судна, ныряли под ним с такой быстротой и лёгкостью, будто корабль стоял на месте.

Лорг натянул было лук, но Кнот задержал его руку:

– Не стреляй! Может быть, этим зверям покровительствуют духи Большой Солёной Воды?

– А вдруг они сами и есть эти духи? – предположил один из стражей, и Лорг испуганно опустил лук.

У берега, на мелководье, дельфины отстали от корабля. Заметив небольшую бухточку, корабельщики пристали на ночлег. Места были незнакомые и, может быть, опасные, поэтому костер разводить не стали. На первую вахту стал Гурм с половиной стражей. Он зорко вглядывался в темноту берега, поднимавшегося плоскими уступами.

Ночью разбушевалась буря. Волны с яростью били в берег, корабль скрипел и стонал, но проснувшиеся гребцы теперь уже не боялись, что он развалится под ударами. Только качка не дала никому покоя до самого рассвета.

День занялся хмурый и бурный. Лохматые серые тучи низко неслись над землей. Пенистые волны набегали на низкий берег и с шипением откатывались назад.

Продолжать путешествие было невозможно. Стражи сбились на берегу тесной кучкой, а гребцы, насквозь промокшие под брызгами волн, корчились на жестких скамейках, проклиная дурную погоду и жестокого хозяина.

Штормовой ветер дул два дня. Он утих лишь на третью ночь.

Корабль двинулся вдоль морского берега к югу. Море здесь было мелкое, покрытое небольшими низкими островками и отмелями. Часто путь преграждали длинные песчаные косы, отходившие от берега. Их приходилось огигать.

Ни одного селения, даже ни одной рыбацкой избышки не виднелось на этом плоском, низком берегу, открытом ярости зимних бурь, налетавших с востока. Зато море было населено густо. Часто встречались стаи дельфинов, веселивших экипаж корабля своей игрой. Завидев корабль, с низменных островков и песчаных кос спасались в воду тюлени. Этот страх перед людьми доказывал, что на тюленей здесь охотятся. Впрочем, об этом ясно свидетельствовала и груда тюленьих шкур в каюте Гурма.

Мелководье, у побережья кишело рыбой. Насадив на крючки кусочки ракушечьего или крабьего мяса, Лорг и молодой воин Фран вытаскивали больших стерлядей, упористых медно-красных сазанов, странных плоских камбал, головастых бычков... У бортов судна по поверхности воды плавали, колыхаясь, полупрозрачные изящные колокола медуз, но, пойманные в сосуд, они мгновенно обращались в грязноватую слизь. У береговой линии можно было собрать сколько угодно ракушек и наловить юрких крабов.

Не менее, чем вода, был заселен и воздух. Широко раскинув могучие крылья, парили в небе альбатросы, над водой носились буревики, крикливые чайки ныряли в море за добычей, колонии длинноногих фламинго ещё издали поражали глаз необычной на море красной и розовой окраской. По вечерам на островах тесно становилось от великого множества собиравшихся на ночевку птиц.

Разноперое население долго галдело и ссорилось из-за мест. Потом у побережья наступала чуткая тишина.

На этом пустынном море особенно ярко проявлялась необычайная сила жизни, ещё не тронутой человеком.

Корабль Гурма уже целую неделю плыл к югу, следуя вдоль изгибов берега и не удаляясь от него, чтобы быстро найти убежище во время бури. Часто судно натекало на мель, и требовалась усиленная работа всех людей, чтобы его стащить.

И вот тут-то Фаттар, наконец, поймал так долго ускользавший от него случай.

Корабль захвачен

Идя под парусом при довольно сильном ветре, корабль с размаху врезался в илистую отмель. Лорг и Фран, раздевшись, прыгнули за борт и побрели на разведку. Они узнали, что отмель узкой полосой вдаётся далеко в море, и обходить её было бы слишком долго. Решили перетащить судно через мель, как не раз уже делали раньше.

Люди густо облепили судно с бортов и кормы, тащили и толкали его. Суматохи и тесноты было много, а толку мало: руки срывались со скользких бортов, и корабельщики шлепались в воду. Особенно путались под ногами рабы со своими длинными, мешавшими всем цепями. В недобрый для Гурма час ему пришла мысль ускорить дело, и он распорядился, чтобы рабы влезли на судно. Стоя возле мачты, купец приказал:

– Гребцы, влезьте на палубу и упирайтесь вёслами в дно, а вы, стражи, подталкивайте судно сзади.

При таком порядке корабль пошёл гораздо быстрее, а сердце Фаттара заколотилось так, что, казалось, пробьёт грудную клетку. Выгоду своего положения сразу поняли и Круммок, и Ковин, и остальные крумины. Они так усердно налегали на вёсла, что тон-кролы едва поспевали за кораблем. Некоторые из них отрывались от судна и с хохотом падали в воду.

– Вы, там, на корабле, – весело кричали стражи, – не очень старайтесь, работнички!

– Ничего, ничего, – отзывался хозяин, – быстрее перейдём эту проклятую отмель.

Отмель кончилась внезапно, и судно сразу оказалось на глубине. Несколько тон-кролов исчезли под водой, выплыли и, гогоча, начали с помощью товарищей выбираться на отмель.

– Подойдите обратно, – сурово приказал Гурм, которому не понравился возбуждённый вид рабов.

– Сейчас, хозяин! – со странной улыбкой ответил Фаттар. – Вот только вложим в уключины вёсла, а то, видишь, они не достают дна.

Гребцы начали быстро вставлять вёсла в гнёзда, и тут Гурм вдруг ясно представил себе всю глубину опасности. Его с Кнотом окружало восемь сильных рабов. Не пускаясь больше в разговоры, он размахнулся боевым топором, но могучая рука Фаттара вырвала топор из его руки. Гурм был схвачен поперёк туловища и полетел в море вниз головой. Двое задних гребцов обезоружили и сбросили с кормы Кнота.

Ещё не осознав всего происшедшего, Гурм поплыл к отмели, поддерживая ушибленного при падении Кнота. Навстречу им спешили Лорг и Фран.

– Туда, туда! – хрипло кричал Гурм, пропуская мимо себя Франа и Лорга и показывая им на корабль.

Лорг и Фран, голые, безоружные, безрассудно устремились к противнику. На палубе корабля раздался презрительный смех, и несколько стрел засвистели в воздухе. Одна из них вонзилась в плечо Франу, другая оцарапала щеку Гурма.

С беспощадной ясностью Гурм понял, что все выгоды положения на стороне восставших невольников и им, тон-кролам, грозит смерть.

– Назад, назад! – отчаянно кричал он Лоргу и Франу.

Те повернули. У Франа еле хватило силы доплыть до отмели, и тут его подхватили товарищи. Стрелы продолжали лететь. И, хотя мятежные гребцы оказались не очень искусными стрелками, тон-кролы в страхе побежали. Скользя, спотыкаясь и падая, они прыгали по илистому дну, стремясь уйти подальше от корабля, который вдруг стал для них смертоносным. Вслед беглецам неслись насмешливые крики освобождённых рабов.

Когда тон-кролы оказались в безопасности от стрел, они остановились. Гурм угрюмо слушал громкий и ясный звон, доносившийся с корабля: бывшие невольники разрубали свои цепи.

Один из круминов, стройный, золотоволосый Ковин, широко размахнувшись, хотел зашвырнуть в море ненавистную цепь, но Фаттар успел схватить его за руку.

– Глупец! – с укором воскликнул он. – Бронза нам пригодится, ведь она так дорого стоит.

– Ты прав, мудрый Фаттар! – молодой Ковин низко склонился перед вождём.

Фаттар стал за руль, и три пары гребцов дружно ударили вёслами.

Лагерь среди холмов

Кнот долго махал кулаком вслед уходившему кораблю и изрыгал бессильные проклятия. Наконец Гурм остановил его.

– Довольно, – мрачно сказал он. – Боги в этот несчастный день отвернулись от нас. Хотя правильнее винить не богов, а мою собственную глупость... Остаться на судне одному с рабами!.. Я заслужил свою беду, и хватит об этом. Подумаем о том, как вернуться на родину...

Гурм был человек с негибимой волей и железным упорством. Он не хотел тратить время на бесполезные жалобы и сетования.

Чтобы добраться до берега, предстояло пройти около трёх тысяч шагов по неровному морскому дну, где илистые и песчаные отмели перемежались с глубокими ямами. Стрелу из плеча Франа выдернули и рану кое-как перевязали обрывком материи, но юноша потерял много крови и лишился сознания. Его приходилось нести на руках.

Уныло брели тон-кролы по воде; Франа несли двое, часто сменяя друг друга. Ушибленного Кнота поддерживал Гурм. Ямы старались обходить. Если это не удавалось, один из лучших пловцов брал раненого на спину, а другой поддерживал голову Франа над водой. Лишь к вечеру измученные, мокрые тон-кролы выбрались наконец на берег.

Здесь они могли отдохнуть и не спеша обсудить своё положение.

На одиннадцать человек осталось девять трёхгранных кинжалов. Фран и Лорг спустились с корабля разведывать отмель без всякого оружия, а у Гурма и Кнота восставшие отняли топоры, но забыли отобрать кинжалы, скрытые под одеждой. Но у тон-кролов не было ни одного лука, и, значит, они не могли охотиться. Лорг, впрочем, сказал, что лук и стрелы он сделает сам.

Нужно было ещё как-то одеть дрожавших от холода Франа и Лорга, и остальные поделились с

ними одеждой.

К счастью потерпевших крушение (а их вполне можно так назвать, хотя корабль и не погиб), у Кнота на поясе оказался непромокаемый мешочек с кремнями и трупом. Удалось развести большой костер, и тон-кролы высушили одежды. Но дичь добывать было уже поздно, голод с грехом пополам утолили собранными у берега ракушками и крабами. Ночью караульные посменно поддерживали огонь и присматривали за раненым. Рана юноши воспалилась, Фран метался в жару, бредил, просил пить.

Настало утро, а Фран по-прежнему был в бреду. Суровый Гурм без всякой жалости оставил бы раненого родственника на произвол судьбы, лишь бы побыстрее совершить обратный путь. Но он понимал, что, поступив так с Франом, пролившим за него кровь, он оттолкнёт от себя и стражей и Лорга, и ему придётся скитаться в чужих краях одному. И Гурм решил остаться на берегу до выздоровления Франа.

Лорг, услышав об этом, запрыгал от радости, а простодушные тон-кролы начали превозносить доброту Гурма.

Старший из стражей, бывалый Ирт, нашёл для лагеря хорошее место.

В долине, меж невысоких холмов, протекала речка. Берега её окаймлялись широкими полосами разноцветной гальки, перемешанной с песком. Там, где полоса галечника расплеснулась во всю ширь, Ирт и выбрал место для стоянки – посредине между ручьем и лугом.

– Комар держится в траве. Здесь не так будет надоедать, – коротко объяснил охотник.

За галькой начинался благоуханный луг, густую высокую траву которого никогда не топтала нога человека. Из травы поднимались головки тысяч и тысяч разнообразных цветов. Прежде всего бросались в глаза венчики розовых пионов и пурпурных, испещрённых тёмными пятнами царских кудрей; источали нежный аромат тёмно-розовые гвоздики, алые маки и длинные белые кисти медовой каши; чуть качались по ветру красные колокольчики тюльпанов; высокие стебли трав густо оплетала присосавшаяся к ним повилика с белыми душистыми цветочками.

Кое-где среди луга поднимались рощи стройных гладкоствольных красных дубов, клёнов с вырезными лапчатыми листьями, развесистых мелколистных грабов. По берегам речушки росли тополи и ивы, склонявшие над водой свои серебристые листья.

Чтобы иметь защиту от солнца, дождя и насекомых, Ирт предложил построить шалаш. Все, кроме раненого Франа и высокомерного Гурма, дружно принялись за дело, быстро нарубили несколько десятков тополевых жердей для скатов, положили длинную толстую перекладину в развилки двух основных столбов. Вооружившись кинжалами, строители отправились к лугу. Люди чуть не с головой утопали в высоком разнотравье. Вместо кос засверкали клинки кинжалов, и от века не кошенная трава стала падать зелёными рядами. Из-под ног выскакивали юркие рыженькие перепелки, пёстрые стрепеты, серые куропатки. За матками, как пушистые желтые шарики, катились птенчики, бойко шныряя среди высоких стеблей.

Тон-кролы носили скошенную траву к шалашу и по указаниям Ирта укладывали на длинные низкие скаты. Большую копну навалили у входа, чтобы заложить его на ночь от насекомых. Внутри шалаш был устлан толстым слоем мягкой травы, и в одном из углов бережно уложили раненого Франа.

Кнот набрал листьев подорожника, нажевал их и мягкую кашицу приложил к ране, чтобы она «вытягивала жар», как выразился кормчий. Он решил дать больному отвар корней лекарственной травы – валерьяны. Корешки валерьяны Кнот нашёл довольно быстро, но не было посуды вскипятить воду.

Лорг, рыская по окрестностям, нашёл на холмах несколько прошлогодних плодов дикой тыквы, уже засохших. Разрубив их пополам и очистив от семян, тон-кролы получили миски. Конечно, их нельзя было ставить на огонь, но обошлись и без этого. Набрав в миску воды, Ирт опустил туда раскалённую в костре крупную гальку, обтёртую пучком травы, и корешки валерьяны. Приготовленным отваром напоили раненого, и тот впервые за сутки спокойно уснул.

Немало нужно пищи для десятка здоровых желудков, но в этом благодатном краю только слепой или безрукий мог умереть с голоду. Главную заботу о пропитании взял на себя бывалый охотник и рыболов Ирт.

В прозрачной воде речки, то разливавшейся по широким мелким перекатам, то собиравшейся в глубокие омуты под обрывами, переплетёнными корнями ив и тополей, Ирт заметил стайки форелей, уносившихся против течения, когда к ним приближался человек. Покончив с приготовлением лекарств для Франа, Ирт нарезал у речки несколько охапок гибких таловых прутьев и с помощью товарищей принялся плести два щита длиной в пять-шесть локтей каждый и высотой по два.

Со щитами отправились на рыбную ловлю. Одним щитом перегородили речку в подходящем мелком месте, а с другим щитом ушли за несколько сот шагов вниз по реке. Потом направились против течения и держали щит так, чтобы нижний край его касался дна. Старались как можно больше шуметь: плескались, колотили по воде палками. Испуганные форели бросались вверх, но там их задерживал прочно укреплённый в дне щит.

Пространство между двумя щитами, длиной в пять-шесть локтей и такой же ширины, превратилось в садок, сплошь заполненный рыбой: там бились тысячи форелей. Даже сам Ирт поразился успеху своей затеи: в стране тон-кролов не было такого изобилия рыбы.

Рыболовы развеселились. С громкими криками, схватившись за руки, они заплясали по хрустящей гальке, принялись бороться, а потом, расшалившись, начали наскакивать на Ирта, стараясь ударить его плечом так, чтобы сбить с ног. Низенький плечистый Ирт, не шелохнувшись, выдерживал удары и вдруг, когда на него налетел нескладный долговязый Отс, мгновенно отскочил в сторону. Отс упал в воду, в кипящую массу форелей. Он вынырнул с большой форелью в зубах, вызвав сумасшедший хохот товарищей.

Обрадованные удачей, рыболовы решили наготовить рыбы впрок – на дорогу. Можно было закоптить её или завялить.

Ирт вспомнил, что видел около моря углубление – нечто вроде высушенного солнцем пруда, на дне которого остались кристаллы соли. Она оказалась слегка горьковатой, но вполне пригодной для употребления.

Соль в стране тон-кролов ценилась дорого, так как её привозили издалека. Деловитый Гурм тотчас сообразил, что неплохо было бы ездить на море за даровым товаром. Его воображению представился новый корабль... нет, два, три корабля, принадлежащие ему, Гурму, и до бортов наполненные драгоценным грузом, добытым рабами. В другой раз он уже не будет таким дураком и не позволит невольникам обмануть себя.

Гурм вспомнил о происшедшем с великой злобой. Хорошо ещё, что Фаттар оказался не таким уж злопамятным. Ведь что мешало вождю круминов и его людям, сбив цепи, пуститься в погоню за тон-кролами и перестрелять их всех из луков? Зато если бы ему, Гурму, удалось захватить в свои руки Фаттара, он казнил бы его страшной казнью...

Через несколько часов близ лагеря протянулись от дерева к дереву верёвки из гибкой и прочной коры мелколистственного кустарника, который тон-кролы называли кожевненным. На верёвках развешаны были вычищенные и посоленные форели. Из расставленных на земле тыквенных мисок доносился вкусный запах ухи, сваренной с диким луком и чесноком. Уху, правда, приходилось хлебать через край, а рыбу доставать пальцами, но это никого не смущало.

На ложе из душистых трав, в безопасности от комаров, ночь провели прекрасно. Даже Фран, вторично выпивший вечером отвар валерианы, спал спокойно.

Лорг с утра принялся мастерить лук. Долгая практика показала тон-кролам, что лучшие породы дерева для луков – это вяз, яблоня, орешник. Вязов и яблонь поблизости не было, но Лорг, когда искал тыквы, видел на холмах кудрявые орешники. Он срезал несколько длинных ровных палок. Дома, делая лук, употребляли выдержанное дерево, которое сохло на воздухе, в укрытии от солнца, по крайней мере два-три года. Теперь, по совету Ирта, мальчик решил подсушить палку на огне. Вбив два высоких кола с развилками, он положил на них прямую, очищенную от коры орешину, которую выбрал для лука, и развёл под ней небольшой костер. Несколько часов Лорг терпеливо поддерживал огонь и поворачивал палку. Наконец она стала значительно легче и твёрже.

И тогда Лорг начал обстругивать заготовку. К концам палка утончалась, но не настолько, чтобы утратить прочность. Строгая, мальчик время от времени пробовал упругость лука и думал, из чего бы сделать тетиву. Из той коры, на которой вялились форели? Она хоть и крепка, но порвётся при первом же выстреле. Можно было бы сплести хорошую бечевку из конопли, как это делалось в Бас-Турге, но здесь конопля не росла. Выход из затруднения нашёл Ирт. Тон-кролы носили высокие мягкие сапоги из коровьей кожи, а чтобы голенища не сваливались, подвязывали их под коленом прочными сыromятными ремешками. Из этих ремешков Ирт и свил отличную тетиву.

Лорг с силой натянул лук, спустил тетиву, и она зажужжала почти так же громко, как у его старого лука, оставшегося на корабле. Мальчик захохотал от удовольствия. Теперь оставалось наготовить стрел. Хорошую прямую стрелу сделать трудно, и одному Лоргу пришлось бы заниматься этим слишком долго. Ему помогли молодые воины: общие интересы требовали, чтобы в их маленьком отряде, затерянном в неведомой глуши, оказался хотя бы один лук.

В дело опять пошли ореховые палки. Обрезав их до нужной длины, каждую осторожно раскололи на четыре части, подсушили над костром, стараясь, чтоб заготовки не корбились, а потом обстрогали кинжалами.

Пока одни строгали стрелы, другие отправились на морской берег и принесли оттуда множество птичьих перьев. Ирт выбрал лучшие из них и оснастил стрелы, привязав перья тонкими полосками крепкой коры. Стрелы, конечно, были недостаточно гладки и прямые, а главное, у них не было бронзовых наконечников. Но этому горю помочь не смогли: наконечники пришлось сделать из острых камешков, набранных на морском берегу.

Лорг имел теперь лук и дюжину стрел. Ему не терпелось попробовать новое оружие, но было уже

совсем темно, когда работа закончилась, и пробу пришлось отложить до следующего дня.

Лорг просыпался ночью раз десять. То ему чудилось, что у него украли лук, и он в испуге шарил возле себя рукой, то казалось ему, что давно уже рассвело и пора вставать.

Наконец ночные тревоги кончились, и мальчик первым выскочил из шалаша, разметав закрывавшее вход сено.

На широком пляже был вбит кол, обмотанный травой, и Лорг начал стрелять в цель. Поначалу дело не клеилось: мальчик ещё не привык к новому луку, да и к стрелам тоже надо было приспособиться. У каждой стрелы была своя особенность, в зависимости от того, насколько точно она была выстрогана и какими перьями оснащена. Одна стрела при полёте всегда забирала вправо, другая влево, третья описывала волнообразную линию, а четвёртая легонько подвывала...

До самого полудня упражнялся Лорг, и его с трудом уговорили поесть.

Но вот стрелы стали попадать в цель почти без промаха. С тремя товарищами Лорг отправился на охоту, и через несколько часов они принесли связку гусей, уток и чёрноголового лебедя. Правда, три стрелы пропали и притом из числа лучших, но Ирт утешил мальчика:

– Стрел тебе будет сколько угодно. А вот сделать ещё три-четыре лука необходимо.

Само собой получилось так, что на суше главой отряда стал Ирт, и даже сам суровый Гурм ничего не решался предпринимать без его согласия. Низенький, сухощавый, но крепкий и жилистый, Ирт знал множество ремесел, был умелым охотником и рыболовом; он мог сделать силки для кролика и капкан на медведя, мог приманить голосом любую птицу, сплести сети и верши...

Совет, или, вернее, приказ, Ирты был выполнен беспрекословно. Через несколько дней у тон-кролов появилось ещё четыре хороших лука, и они наготовили сотни две стрел. Правда, запаса кожаных шнурков хватило только на две тетивы.

На лугу, в высоких травах, водилось много кроликов, и на них была устроена облава. Восемь человек образовали на лугу цепь; гикая, свистя и колотя палками по траве, они гнали кроликов на песчаный берег. Здесь испуганные зверьки становились добычей Лорга и ещё двух стрелков.

Из кроличьих жил были сплетены недостающие тетивы, а шкурки Ирт обработал и, когда они были готовы, сшил из них тёплые, мягкие куртки Франу и Лоргу. Шил он костяными иголками; нитками служили кроличьи сухожилия. Однажды охотникам посчастливилось застрелить оленя. Из его шкуры Ирт сделал Лоргу и Франу сапоги, и теперь они были одеты её хуже других.

Так проходила жизнь тон-кролов в лагере близ морского берега. Фран быстро поправлялся. Покой и хорошее питание восстанавливали его силы с каждым днём, и через две недели «лекарь» Кнот решил, что юноша совершенно здоров и может выносить тяготы дальнего пути.

Вверх по Ористу

Небольшая цепочка людей потянулась на запад. Все тон-кролы, кроме Гурма, несли на плечах корзины из тальника с вяленой рыбой и копчёными кроличьими тушками – запас продовольствия на случай нехватки в дороге.

Лорг и Фран, замыкавшие шествие, с грустью оглядывались на покинутый лагерь: им жаль было расставаться с этим чудесным местом.

И ещё спустя много дней, бредя по пояс в воде и грязи или продираясь сквозь глухие, тёмные леса, вспоминали тон-кролы о солнечных полянах, о благоухающих луговых цветах и весёлых дубовых и кленовых рощах, о прохладной речке, куда так приятно было броситься с крутого берега, пугая проворных форелей.

После пяти дней трудного пути тон-кролы вышли на берег Ориста около того места, где река начинала течь на север.

Отсюда путникам достаточно было идти всё время против течения по правому берегу реки, чтобы через двадцать – двадцать пять дней добраться до родного селения.

Гурму пришло в голову, что не худо было бы отобрать у рыбаков лодки: лодки значительно облегчили бы их путешествие. А рыбаки, конечно, не смогут сопротивляться отряду, вооружённому луками и кинжалами.

Ирт с трудом отговорил Гурма от такого жестокого и безрассудного поступка. Когда Ирт говорил, что рыбаки умрут с голоду, лишившись единственного средства добывать пропитание, Гурм только пожимал плечами и презрительно смеялся. И, лишь когда Ирт стал доказывать, что, захватив лодки, Гурм навсегда отрежет себе и тон-кролам возможность торговать на нижнем плёсе Ориста, богатый литейщик отказался от своих воинственных замыслов.

Вскоре тон-кролы вступили во владения соседних, не очень дружелюбно расположенных к ним племён. Отряду грозила опасность попасть в рабство.

Вот почему тон-кролы спустились к югу от реки на день пешеходного пути и пробирались домой

по лесам и горам, минуя деревни. Но, чтобы и здесь не встретить лесорубов или охотников, они шли по ночам, а на день прятались где-нибудь в пещере или лесной чащобе. Им очень пригодилась захваченная с морского берега провизия, потому что здесь охотиться и ловить рыбу уже не приходилось.

Добравшись до страны тон-кролов, Гурм в первом же селении рассказал старейшине о своём несчастье и получил большую лодку. И вот, наконец, после трёхмесячного отсутствия Гурм снова оказался в Бас-Турге.

Чудеса случаются только раз

Самолюбивый Гурм открыл подробности своего неудачного путешествия жрецу Влоку и старейшине Ульму. Но его спутники не молчали, и в тот же день весь Бас-Тург узнал о смелом поступке Фаттара и его соплеменников. Рабы радовались удаче своих товарищей, но с грустью думали о том, что в другой раз им уже не придётся пережить Гурма.

Трудно описать чувства горячего Бирка, когда ему стало известно о беде Гурма. Бирк был отомщен: жадный богач потерял немалое имущество и лишился лучших рабов. Но сердце щемила обида при мысли о том, что нельзя осуществить задуманное – отобрать свой корабль, о котором он неотступно мечтал целое лето.

После нескольких тайных совещаний Урт и его друзья выработали план действий. А тем временем пострадавший, но не павший духом Гурм готовил своё.

Спустя несколько дней после возвращения, поздним вечером, когда село уже спало, Гурм пришёл в дом Влока. Жрец сидел возле углей, тлевших в бронзовой жаровне и слабо освещавших его жилище. Гурм осторожно приблизился. Долгий разговор вёлся шепотом. Он закончился так:

– И ты думаешь, отец, что новое чудо не понадобится?

– Будь спокоен, сын мой! Теперь рыбаки настолько покорны моей воле, что достаточно будет пригрозить им, и они согласятся исполнить любой приказ. Да, по правде говоря, – жрец скупно улыбнулся уголками губ, – сейчас чудо сотворить было бы невозможно: травы засохли, и в них не хватит сока одурманить рыбу.

– Я надеюсь на тебя, отец! Ты получишь такие подарки, каких тебе ещё никто не подносил!

– Корабли у тебя будут, почтенный Гурм!

И заговорщики расстались.

* * *

Младшие жрецы разнесли по Бас-Тургу и всем окрестным селам весть, что в полдень следующего дня жрец Влок снова будет говорить с богами.

И в назначенный срок вокруг священного холма опять кишела огромная толпа народа. В первых рядах виднелись хмурые, решительные лица рыбаков Бас-Турга.

Продержав толпу часа два в мучительном ожидании, торжественная процессия вышла из шатра. Обведя толпу строгим взглядом, Влок заговорил:

– Боги отвратили от тон-кролов лицо своё и отдали построенный ими корабль чужеземцам круминам за то, что тон-кролы не были достаточно почтительны к богам. Но боги станут вновь милостивы, если тон-кролы за предстоящую зиму построят два корабля. Эти корабли нужны для того, чтобы совершить новое путешествие на Большую Солёную Воду и там принести обильные жертвы разгневанным богам.

В толпе наступило мёртвое молчание. Его прервал Урт:

– Да позволено мне будет спросить, отец: кто должен строить новые корабли?

– Кто? – удивился жрец. – Понятно, вы, рыбаки: ведь вы достаточно опытны в этом искусстве!

– Так... – многозначительно протянул Урт. – А кто поплывёт на Большую Солёную Воду?

Влок поёжился и ответил неуверенным голосом:

– Поплывёт почтенный Гурм, так как он приобрёл большой опыт плаваниях...

– Опыт?! Он вернулся без корабля, – заметил Урт при смехе толпы. – Не лучше ли будет, если поплывём мы, рыбаки?

Гнетущая тишина нависла над собранием. Влок почувствовал, что власть над толпой от него ускользает. Надо было во что бы то ни стало восстановить её.

– Вы что же, хотите, чтобы боги снова показали знамение? – грозно спросил он, обращая взор к заливу.

Влок был уверен, что его угроза приведёт народ в ужас. Но ужас охватил его самого, когда послышался смелый голос Урта:

– Да, отец, мы хотели бы ещё раз увидеть знамение!

Урт бил наверняка. Он знал, что «чудо» не подготовлено, так как рыбаки всю ночь сторожили залив, скрываясь в чаще.

Первый раз в жизни Влок растерялся. Он знал, что позорно провалится, если потребует от богов дать знамение. Но огромная толпа выжидала, спокойная, как небо перед грозой, и так же готовая в один миг разразиться молниями гнева. И жрец пробормотал срывающимся голосом:

– Чудеса совершаются только раз...

– И только тогда, когда они как следует подготовлены! – пронёсся яростный крик Бирка, который не мог сдержаться.

Бирк поднял руку, и из чащи выбежали два десятка мальчишек во главе со Стуром. Они тащили над головами огромные вязанки ядовитых трав, почерневшие от долгого лежания в ямах, вырытых на берегу.

Влок не знал, что в то время, когда его помощники ходили по стране тон-кролов, объявляя о предстоящем собрании, рыбаки Бас-Турга тоже не теряли времени. Их посланцы тоже побывали повсюду и везде раскрывали подлую проделку жрецов.

Толпа расступилась перед мальчишками. Они взбежали на холм и высоко подняли свою ношу.

– Смотрите, люди, смотрите! – громко кричал разъярённый Бирк. – Вот она, воля богов, отнявшая у нас корабль, на который мы потратили столько трудов!

Посрамлённые жрецы укрылись в шатре, и народ не решился их тронуть: слишком сильно было уважение к ним, укоренившееся веками.

Но Гурма, попытавшегося улизнуть в суматохе, схватили. Десятки сильных рук вывели его на холм, и богач был отпущен не прежде, чем поклялся вознаградить Урта и Бирка строительными материалами вдвое против того, что они потратили на свой корабль. Гурм сдержал своё обещание: он понял, что с народом шутить нельзя.

Десятки рыбаков работали всю зиму, и к весне были готовы два прекрасных корабля.

С рыбаками Бас-Турга на стройке работали бедняки Карвека и других тон-крольских сёл.

Бирк не делал из своего изобретения секрета, он позволял перенимать его всем желающим, и даже рабы Гурма и других богачей могли учиться у него строительному искусству.

Прошло немного лет, и корабли стали строиться по всей стране тон-кролов, и пользовались ими и для рыбной ловли и для торговли.

Торговля с понизовьем стала год от года расширяться. Начало увеличиваться и население нижнего Ориста; появлялись целые рыбацьи посёлки, на морском берегу селились собиратели соли, менявшие свой ценный товар на другие. За соль, за пух морских птиц и тюленьи шкуры выменивались у тон-кролов зерно, доски, домашний скот...

О судьбе бывших невольников Гурма, захвативших первый корабль, тон-кролы узнали от проезжих торговцев только через много лет.

Судьба Фаттара

Вернёмся к Фаттару, оставленному нами в момент его великого торжества. Свободный, на корабле со свободными гребцами, он держал путь к северу. Ровно и мерно ударяли вёсла, и с каждым мгновением судно всё дальше и дальше уходило от мели, на краю которой стояли побеждённые, растерянные и униженные тон-кролы.

Первым делом освобождённых невольников было уничтожить изображение бога ветров Лона. Подозрительно поглядывая на голову идола, крумины рассуждали:

– Бог этот покровитель тон-кролов. А нам он как бы не навредил за проделку с хозяином. Вот, если благополучно вернёмся домой, поставим своего бога, Уркора. Он поможет нам в случае беды...

Голова Лона была сброшена в морские волны. Словно нарочно, почти тотчас подул попутный ветер, и крумины радостно решили, что это их бог Уркор, довольный расправой с его соперником, пришёл на помощь своим почитателям. Матросы быстро подняли парус, и корабль понёсся по морю, оставляя позади пенистый след.

Освободившимся рабам Гурма уже не приходилось опасаться нападения, по крайней мере до тех пор, пока они не столкнутся с сильным врагом. У них оказалось достаточно вооружения: боевые топоры, кинжалы, вынутые из тайника, оставленные воинами щиты, и копья, и луки с большим запасом стрел. Защищаясь, крумины могли отбиться от целой сотни нападающих. Но Фаттар не хотел битв: его целью было в сохранности доставить своему народу захваченную у тон-кролов добычу и в первую очередь прекрасный корабль.

После семидневного пути корабль снова пришёл к северному рукаву Ориста, туда, где он впадал в море. Крумины с сожалением вошли в реку: море, хотя и страшило их своей дикой, необузданной силой, но в то же время привлекало богатством: обилием рыбы, птицы, зверя, залежами соли на берегах.

Судно пошло вверх по Ористу то на вёслах, то под парусом, когда случался попутный ветер. Крумины плыли мимо рыбацких хижин, где вёл торговлю Гурм на пути к морю. Рыбаки, зоркие и

наблюдательные, с удивлением видели, что на корабле стало вдвое меньше экипажа и что люди, ранее прикованные к скамейкам цепями, теперь свободны. Они догадывались о том, что произошло, но таили свои догадки про себя. Они знали, что вмешательство в чужие дела не приносит ничего, кроме неприятностей. Но вот, наконец, достигли и устья Лагата – родной реки круминов, мимо которого они ещё так недавно проплыли.

Лагат катил свои воды с севера, с возвышенностей, и преодолевать его быстрину было труднее, чем тихое течение Ориста в нижнем плёсе.

Здесь начинались поселения соседнего с круминами племени балегов, и Фаттару важно было выяснить, в каких сейчас отношениях балеги и крумины. Он смело подплыл к первой же балегской деревне с изъявлениями дружбы и с удовольствием узнал, что можно подниматься по реке безопасно, так как между балегами и круминами был мир.

После десяти дней утомительного подъёма по быстрой реке бывшие невольники с чувством неизъяснимой радости увидели родную страну.

Фаттар принёс духу Лагата богатые жертвы и лишь после этого ступил на родной берег.

Возвращение Фаттара и его товарищей во многом изменило дальнейшую жизнь круминов. Ведь крумины плавали на долблёных лодках, к бортам которых прибивались доски. Начать строить корабли такие же, как тот, которым овладел Фаттар, означало для круминов быстро продвинуться в своём развитии.

Через несколько лет вниз по Лагату и дальше по Ористу до моря пошли торговые суда круминов, построенные Фаттаром и его товарищами по образцу захваченного корабля. А от круминов переняли искусство кораблестроения и балеги и жители понизовья.

Поначалу трудно было с плотничными орудиями. Фаттар выполнил своё намерение и перековал цепи на ножи и топоры, однако инструментов не хватало для всех, пожелавших стать строителями кораблей.

До того, как крумины начали производить бронзу, прошли многие годы. В их стране не было ни бронзовой, ни оловянной руды, и за ними приходилось совершать далёкие путешествия. Медную руду можно было покупать у тон-кролов и перевозить её водным путём по Лагату и Ористу. Но оловянная руда добывалась только в стране утранов, а до неё насчитывалось шестьдесят–семьдесят дней пешеходного пути.

К счастью, и тут нашлась удобная водная дорога. К западу от Лагата протекала большая река Истан, приток Ориста, как и Лагат. Верховья Лагата и Истана отстояли друг от друга всего на шесть–семь дней пешеходного пути. Крумины стали строить корабли в верховьях Истана, спускались в Орист выше Ворот смерти и оттуда, следуя вверх по Большой реке, добирались до страны утранов.

Фаттар дожил до того счастливого дня, когда на его глазах Круммок и Ковин, сделавшиеся искусными мастерами, выпустили первую плавку бронзы из построенной ими печи.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ НА КРЫЛЬЯХ ВЕТРА

От бронзы к железу

Шли века за веками. Забылись имена кораблестроителей Бирка и Урта и вождя круминов Фаттара. Забылось и то, что они сделали для развития своих племён. Человечество медленным и трудным, но верным путём продвигалось по пути к культуре.

Менялась историческая карта Юго-Восточной Европы. Пора открыть вам, юные читатели, что действие наших первых рассказов происходило именно там. У-Нак, хромой Ра-Ту, рыбак Бирк и другие герои жили на берегах Дуная, который сначала носил имена О-Тала и Ориста, а в ту эпоху, о которой пойдёт речь в новом рассказе, стал называться Истром. Лагат – это современный Прут, Истан – Тисса, а Большая Солёная Вода – конечно, Чёрное море, Понт Эвксинский древних греков.

Богатые области Северного и Западного Причерноморья привлекали к себе всё новые и новые народы, то выходившие из огромных равнин Азии, то спускавшиеся с неприветливого севера Европы, то являвшиеся с запада.

В первой половине первого тысячелетия до нашей эры, приблизительно через тысячу лет после событий, описанных в предыдущем рассказе, область Истра заселяли многочисленные племена, известные под общим названием фракийцев.

Много путешествовавший и много выдавший на своём веку древнегреческий историк Геродот сказал о них, что они были бы сильнее всех народов, если бы их отдельные племена не враждовали между собой. А племён этих насчитывалось до пятидесяти: одрисы, даки, геты, бастарны и многие другие.

К востоку соседями фракийцев были скифы, жители Северного Причерноморья. Скифы тоже разделялись на многие племена, не очень дружно жившие между собой. Часть скифов вела кочевой образ жизни, занимаясь скотоводством, другие возделывали землю.

К югу от фракийцев, в самой южной части полуострова, ныне называемого Балканским, жили многочисленные племена греков, именовавших себя эллинами. Эллины пришли на юг Балканского полуострова очень давно, и уже за две тысячи лет до нашей эры создали там высокую культуру. Из всех европейских народов у эллинов у первых возникли науки и искусства: геометрия, астрономия, литература, живопись, скульптура, музыка... Недаром учёные называют большой период в истории Европы эллинистическим.

К тому времени, о котором здесь пойдёт речь, скифы, фракийцы, эллины и другие народы Южной Европы давно уже вступили в железный век, сменивший бронзовый век в истории человечества. Это не нужно понимать так, что люди совершенно выкинули бронзу из своего обихода, забыли о ней. Бронзу стали употреблять преимущественно для украшений, из неё отливали красивые сосуды, воинские шлемы – все те вещи, которые тогда ещё не умели делать из железа.

А железо шло на оружие – мечи, кинжалы, наконечники копий и стрел, и для выделки орудий – топоров, пил, железных лемехов для сох, заступов...

Железо – прочный металл. Железную руду можно найти почти всюду в озёрах, болотах, на лугах. Руда эта плохого качества, и теперь её не добывают, но древние мастера умели выплавлять из неё железо.

Железными топорами люди вырубали значительную часть огромных лесов, покрывавших почти всю древнюю Европу. Сохами с железными лемехами земледельцы поднимали под пашни площади, освобождённые от лесов, разрабатывали луга с плотной травянистой почвой. В бронзовом веке невысказано было так широко заниматься земледелием.

С помощью железных орудий стало легче добывать пищу. Население увеличивалось, возникали новые деревни и многолюдные города.

Пользуясь стальными топорами и пилами, люди проще, чем раньше получали доски и брусья, а ведь доски и брусья были главным и почти единственным материалом для постройки кораблей.

Из предыдущего рассказа вы узнали, как люди впервые поплыли по морю, как они боялись удаляться от морского берега и уходить от устья реки, по которой вышли в море.

Но постепенно морские плаванья становились все более далекими, увеличивались размеры судов. Они могли поднимать больше груза. Одного ряда гребцов у каждого борта не хватало, они не могли двигать судно. Куда посадить второй ряд гребцов? Позади первого? Не хватит места для вёсел, люди будут мешать друг другу. Строители кораблей додумались: они поместили второй ряд гребцов над первым, а для этого воздвигли вторую палубу. Гребцы нижней палубы уже не видели над собой неба, над ними поднимался глухой потолок, а вёсла просовывались сквозь отверстия бортов, так называемые порты.

Потом появились трёхпалубные суда; по-гречески они назывались триерами. Двадцать пять – тридцать гребцов сидели на длинных скамьях каждого яруса у правого и левого бортов. Вёсла гребцов второй палубы были длиннее вёсел первой палубы. Особенно же длинны и тяжелы были вёсла у гребцов самой верхней палубы, ведь они опускались в воду с порядочной высоты.

Триеры были по преимуществу военными кораблями; в их экипаж, помимо гребцов и надсмотрщиков, входили и воины. На верхней палубе триеры помещались камнемётные орудия, а нос судна снабжался острым тараном, которым можно было пробить борт неприятельского корабля.

Особенно важны были морские сообщения для эллинов. И это не удивительно. Посмотри на карту южной части Балканского полуострова, западного берега Малой Азии и заключённого между ними Эгейского моря. Материковые берега необычайно изрезаны массой полуостровов, глубоких заливов, удобных гаваней. А море покрыто сотнями больших и малых островов, часто настолько близких один к другому, что переезд по морю лёгок и удобен, иногда его можно совершить на лодке. А по сухопутью эллины не любили ездить. У них было мало хороших сухопутных дорог.

Древние греки стали мореплавателями очень давно, с незапамятных времён, и даже самые старинные их предания и легенды рассказывают об отважных мореходах, о длинных морских плаваньях. В этих легендах много преувеличений и небылиц, но первые мореходы встречались с действительными опасностями.

В «Одиссее» повествуется о страшных чудовищах Сцилле и Харибде, которые будто бы поглощали моряков, появлявшихся поблизости от них. На самом же деле это были опасные водовороты между скалами. Другая легенда уверяла, что вход в Понт Эвксинский заграждали две скалы; они сталкивались одна с другой, лишь только между ними появлялся корабль, и разбивали его в щепки.

Страшные рассказы не пугали отважных мореплавателей; оставляя родные берега, они смело пускались в дальние путешествия.

Древние греки первыми доказали, что моря и океаны не разделяют страны, лежащие на их берегах, а, наоборот, соединяют.

Действие нашего третьего рассказа начинается в 512 году до нашей эры, около двух с половиной тысяч лет назад.

Любимец Эола

– И ты уверяешь, почтенный Хрисостом, что «Артемиды-охотницы» действительно побывала в Аттике?

– Да, уважаемый Антиох!

– Новое судно Демарата совершило путь туда и обратно за краткий срок в шестьдесят дней, тогда как на такое путешествие корабли обычно затрачивают пять-шесть месяцев?

– Это неоспоримо, уважаемый Антиох!

– Не могу согласиться с тобой, почтенный друг! Навклер¹⁰ Демарат обманывает всех. Сделав полдороги, он доплыл только до Сигея, распродал там свой груз и вернулся.

– Но он привёз товары, которые можно приобрести только в Афинах!»

– Перекупил в Сигее!

– А письмо? Запечатанное письмо от моего друга Феофраста, в котором говорится о делах, известных только ему и мне?..

– В таком случае остаётся лишь предположить, что Демарат – любимец богов и может совершать то, что недоступно другим.

– Или что он... Но неприлично уважаемым людям строить пустые предположения...

Этот разговор вели меж собой два пожилых купца в порту греческого города Ольвии.

Не только Антиох и Хрисостом, но и все другие ольвиополиты удивились неожиданному появлению «Артемиды-охотницы», которая всего лишь два месяца назад, ранней весной, отправилась в далёкий путь, в Аттику. Разговоры о необычайной скорости «Артемиды» шли среди купцов, землевладельцев, собственников кораблей, ремесленников и даже среди рабов, составлявших большинство городского населения.

На берегу толпилось множество любопытных, глазевших на судно навклера Демарата.

По внешнему виду «Артемиды-охотницы» мало отличалась от других кораблей, стоявших на рейде Ольвии. Правда, её корпус был длиннее и ширина его меньше, чем у других судов, и это придавало ему больше изящества. В соревновании с другими кораблями «Артемиды», лучше разрезавшая воду, должна была выигрывать в скорости, но не до такой же степени!

Нос «Артемиды-охотницы» был украшен искусно вырезанным из дуба изображением богини, которой посвящено было судно и которая считалась его покровительницей. На корме было рулевое устройство. При помощи его кормчий направлял бег судна по воде. Под палубой находился вместительный трюм для товаров, а в палубных надстройках помещались капитан и команда – три десятка матросов. Высокая мачта корабля могла нести парус больший, чем у других торговых судов. Но и это, по отзыву знающих моряков, не могло объяснить необычайную краткость рейса «Артемиды».

Чем же всё-таки объяснялась удивительная быстрота, с которой Демарат провёл своё судно в дальние Афины и обратно? Уж не волшебство ли тут замешалось?

Вероятно, такого мнения был и верховный жрец Ольвии Гелон, потому что от него на судно явился храмовый прислужник и передал навклеру приказ – немедленно явиться к Гелону.

Демарат, невысокий, худощавый, с курчавой бородкой и смеющимися чёрными глазами, не удивился приглашению. От своих матросов, побывавших на берегу, он уже знал, какие слухи ходят о нём по городу. Навклер собрался быстро. С ним отправились три тяжело нагруженных человека из экипажа судна. Выйдя на набережную, Демарат и его люди пошли к городским воротам.

Ольвия была расположена на правом берегу лимана, образованного рекой Гипанис¹¹ при её впадении в Понт Эвксинский. История Ольвии в те времена насчитывала менее сотни лет.

Южная часть Балканского полуострова была невелика. Многочисленные греческие племена жили в этой стране, население её постоянно возрастало, и многим эллинам приходилось покидать родину и искать пристанища на чужбине.

Мореппаватели-эллы основывали новые города исключительно на морских берегах. Города эти назывались колониями. Первые греческие колонии появились на западном берегу Малой Азии; одной из самых важных колоний был Милет.

Сделавшись большим цветущим городом, Милет сам стал отправлять колонистов на дальние берега Понта Эвксинского. Колонией Милета была и Ольвия, возникшая в начале VI века до нашей эры.

¹⁰ Навклерами назывались капитаны собственных кораблей.

¹¹ Гипанис – теперешний Буг.

К тому времени, когда начинается наш рассказ, Ольвия тоже сделалась богатым рабовладельческим городом-республикой.

Что такое город-республика?

На берегах Понта Эвксинского эллинские города далеко отстояли друг от друга, и их окружали области с чуждым, часто враждебным фракийским или скифским населением. Только постоянными междоусобиями фракийцев и скифов можно объяснить, что грекам удавалось захватывать кусочки берега и там основывать свои колонии, возводить укрепленные города.

Древнегреческий писатель Платон сравнивал эллинские колонии на Понте Эвксинском с лягушками, сидящими на берегу пруда. Он был совершенно прав. Лягушка занимает только тот клочок земли, на котором сидит. Так и греческие колонии владели лишь тем участком берега, который был заключён в городских стенах. И вот такая колония, состоявшая всего из одного города, была в то же время и государством. В городе-республике были свои законы, своё правительство и войско, чеканилась своя монета...

Конечно, самую тесную связь каждая колония держала со своей метрополией, то есть с тем городом, откуда когда-то приехали предки колонистов.

Для ольвиополитов метрополией был Милет; милетцы пользовались в Ольвии теми же правами, что и коренные граждане.

Не следует, однако, думать, что жители колоний вели торговлю только со своими метрополиями. Торговля была свободной со всеми государствами. Ольвиополит Демарат покупал и продавал свои товары и в Милете, и в Самосе, и в Коринфе, и во многих других портах. Последний его рейс, возбудивший так много толков, был совершён в столицу Аттики – Афины.

Вернёмся к Демарату, который уже миновал ворота в высокой каменной стене, окружавшей Ольвию. Пройдя по улицам мимо красивых купеческих домов, он подошёл к величественному храму, посвящённому отцу богов Зевсу.

Секретными ходами прислужник провёл Демарата и его матросов и небольшое, богато убранное помещение за святилищем, где ждал его жрец Гелон.

Прошли те времена, когда жрецы, подобно Влоку, обвивали вокруг шеи ядовитых змей и обвешивались амулетами. Теперь этого не требовалось. Религия прочно укоренилась в людском сознании, и в каждой стране жрецы были самыми почитаемыми людьми.

Гелон в длинной белой хламиде и золотом обруче, стягивавшем его седые волосы, держался очень важно, глядел сурово, как и подобало его высокому званию.

Демарат склонился перед жрецом в низком поклоне, матросы простёрлись на полу. Навклер сделал им знак; оставив свою ношу, матросы вышли.

– Высокочитимый Гелон, любимый служитель богов, – заговорил Демарат. – Тебе, конечно, известно, что моё новое судно плавает по морям лишь второй год. Построил его мой двоюродный брат Тиманф, лучший кораблестроитель в Пирее. В прошлом году, испытывая мореходные качества судна, я плавал в Эгейском море, лишь на зимнюю стоянку привёл «Артемиду» в Ольвию. Совершённый мною в этом году первый дальний рейс в Аттику и обратно показал мне и Тиманфу, сколь благосклонны боги к нашему общему детищу. Желая возблагодарить богов за их великие милости, я осмеливаюсь от лица моего и Тиманфа принести скромные дары к алтарю твоего храма, хотя мы с братом и сознаём всё наше ничтожество...

Суровое лицо Гелона смягчилось.

– Боги снисходительны к тем смертным, которые чтят их. Они принимают и скромные дары, если их подносят от чистого сердца.

– Ты, мудрый Гелон, которому открыты мысли людей, можешь не сомневаться в чистоте наших намерений. Вот что я привёз к алтарю Зевса из Аттики.

Демарат ловко развернул перед жрецом свёртки дорогих тканей; он высыпал из костяной шкатулки горсть жемчужин, глухо стукнувших о полированную крышку стола. Широким жестом навклер показал на две большие амфоры, принесённые его людьми.

– Вот это старое вино, лучшее из виноградников Аттики, мы просим принять для возлияний богам.

Лёгкая краска удовольствия покрыла худые, впалые щеки Гелона: давно уже не получал он таких щедрых подарков.

Голос жреца был очень мягким, когда он заговорил:

– Станные слухи ходят по городу, сын мой, о том, будто твой корабль совершил своё плавание в Афины слишком быстро, и это наводит людей на нехорошие мысли... Демарат смело возразил:

– Но тебе, отец, читающему в сердцах людей, известно, можно ли заподозрить в дурных поступках меня, столь чтящего богов и их служителей?

Жрец поспешно ответил:

– О нет, сын мой, против тебя нельзя выдвинуть никаких обвинений. Мне совершенно ясно, что бог Эол, умилованный твоими обильными жертвами, был к тебе благосклонен и наполнял твой парус попутным ветром...

Демарат подхватил, слегка улыбаясь:

– Всё так и было, как говорит твоя мудрость! Наш корабль от самой Ольвии и до Аттики мчался на крыльях ветра. Это было так необычайно, что мои матросы, бывалые люди, в страхе говорили: «Трудно нам придётся на обратном пути: нас не пустит противный ветер!» Но что же ты думаешь, святой отец? Когда мы покончили торговые дела в Афинах и двинулись обратно на родину, принеся подобающие жертвы богам, ветер переменялся и снова стал для нас попутным.

Жрец, слушая, качал головой:

– Так, так, сын мой! Ты можешь не обращать внимания на глупые слухи. Я сам... да, сам буду молиться богам, чтобы они и в следующем твоём плавании были так же милостивы к тебе...

– И если они будут так же милостивы, то снова получат не худшее воздаяние. – Демарат показал на подарки.

– Скоро ли ты отплывёшь, почтенный Демарат? – поинтересовался Гелон.

– Думаю, дней через десять – двенадцать, как только окончу торговые дела. Не люблю засиживаться в портах. Я сын моря!

– Так иди же с миром, и да сопутствует тебе милость всемогущих богов!

Демарат вышел довольный: он знал, что власть жрецов надёжно защитит его от любых обвинений. Теперь, чем чаще станет он совершать рейсы, тем больше подарков достанется от него Гелону, и в глазах жреца любая скорость «Артемиды» будет оправдана.

По приказу Гелона жрецы и храмовые прислужники вступали в разговоры на рынках и в порту и всюду доказывали, что в быстром переходе «Артемиды» из Ольвии в Афины и обратно нет ничего необычайного, потому что навклер Демарат – любимец Эола. Не все верили этому объяснению. Владелец нескольких кораблей Хрисостом приказал своему домоправителю Менодору выведать тайну «Артемиды» у членов её экипажа. Менодор, встретив матроса Каллимаха, зазвал его к себе и выставил угощение. Когда Каллимах выпил достаточное количество хиосского вина, домоправитель осторожно приступил к расспросам.

– А, ты хочешь узнать нашу тайну? – пьяно усмехнулся матрос. – Изволь, расскажу. Вот как это было... (Менодор наострил уши.) Доплыли это мы, значит, до Сигея, стали вечером на якорь и после тяжёлой работы все уснули мёртвым сном. Просыпаемся, смотрим на берег и глазам своим не верим – Пирей.¹² Протёрли мы глаза, выпили для просветления мозгов по чаше вина, как сейчас мы с тобой, – оказывается, мы действительно в афинской гавани!

Менодор принуждённо рассмеялся:

– Да ты мастер басни сплести, приятель!

– Не веришь? – ухмыльнулся матрос. – Ну, слушай, вот тебе истинная правда. Наш капитан – великий искусник. Он велел нам наловить дельфинов, сделал для них упряжки и...

Менодор в негодовании выпроводил матроса. Уходя, Каллимах насмешливо бросил:

– Зелен ты ещё, молодец, со старым матросом тягаться!

Так же безуспешно окончились попытки других ольвиополитов выведать от членов экипажа «Артемиды» их секрет.

Был у странного судна и другой секрет. Владелец «Артемиды» закупал оружие: мечи, кинжалы, наконечники для копий, щиты. Ольвийские оружейники были очень довольны. Демарат скупил у них все запасы и, что было самое важное, не придирался к качеству товара. Он забирал даже заваль, которая скопилась у оружейников за многие годы.

На вопрос, куда предназначается столько оружия, навклер не давал ответа. Но за это купцы на него не обижались: каждый торговый человек имеет свои маленькие тайны. Они понимали, что Демарат хорошо заработает на этом товаре и сочувствовали ему: ведь он и им дал хорошо заработать.

В назначенный срок судно Демарата покинуло Ольвию, а две тайны «Артемиды-охотницы» так и остались нераскрытыми.

Но читатель сейчас узнает, для кого и зачем навклер Демарат приобрёл так много оружия, увязанного в аккуратные пачки и запрятанного на дне трюма под грудями кож и мешками зерна.

В то время, когда начинается наш рассказ, Афинским государством, или Аттикой, правил Гиппий, сын Писистрата, первого афинского тирана.¹³ Власть над Афинами перешла к Гиппию и его брату Гиппарху после смерти отца в 527 году до нашей эры. В 514 году Гиппарх был убит заговорщиками, и

¹² Пирей – посёлок на морском берегу близ Афин.

¹³ В эпоху, о которой идёт речь, тиранами в Греции назывались правители, насильственно захватившие власть в стране при поддержке определённой группы населения. Впоследствии слово «тиран» приобрело иной смысл и стало обозначать изверга, мучителя.

Гиппий остался единоличным правителем страны.

Народ Аттики, демос, как называли его греки, не хотел оставаться под владычеством тирана, он боролся за демократию, за народное правление. Надо только сказать, что у эллинов под словом «демос» подразумевался не весь народ, а «свободные граждане». Рабы и вольноотпущенники, то есть рабы, отпущенные на волю, не были демосом. Демос составляли мелкие землевладельцы, ремесленники, небогатые торговцы.

Наиболее сплочённой частью аттического населения были паралии.

Паралиями назывались обитатели прибрежной полосы Аттики: мореходы, рыболовы, кораблестроители, ремесленники, свивавшие верёвки для снастей и ткавшие материю для парусов, – словом, люди всяких занятий, так или иначе связанных с морем. Паралии жили в Пирее. Фалере и других гаванях Аттики. Они-то и готовили восстание против Гиппия.

Власть тирана, казавшаяся сильной, в сущности была не очень прочна, она держалась исключительно на мечях и копьях сравнительно немногочисленных наёмников. Если бы восставшим паралиям удалось неожиданно ворваться в Афины, то весь демос столицы поднялся бы против ненавистного тирана и тиран был бы свергнут.

Во главе заговорщиков стоял пирейский кораблестроитель Тиманф, двоюродный брат Демарата. И это по поручению Тиманфа, на деньги, собранные паралиями, навклер закупил оружие в Ольвии и вёз его в Аттику.

А теперь, узнав эту важную тайну Демарата, посмотрим, что делалось в это время в Аттике.

Цена предательства

На пологом склоне долины, затерянной среди гор, в густой дубовой роще расположилась группа людей. По их взволнованным лицам, по тихим словам, которыми они изредка обменивались между собой, тайный наблюдатель легко догадался бы, что эти люди от кого-то скрываются и боятся погони. Кто они были?

Среди паралиев нашёлся предатель – богатый торговец парусиной Горгий. Прельщаемый возможностью получить громадную награду, Горгий раскрыл тирану тайну восстания, которое должно было осуществиться в конце гекатомбеона.¹⁴ Перечисляя имена руководителей, предатель в первую очередь указал на Тиманфа, любимца и избранника паралиев, которому они доверили честь стать вождём в народной борьбе с тираном.

И Тиманф со своей семьёй и его ближайшие друзья скрывались в уединённой долине, ожидая ночи, чтобы продолжать дальнейший путь. Как же случилось, что они ускользнули из рук тирана, который готовил им жестокую казнь? За это спасённые были обязаны вечной благодарностью Баллуру.

Если бы не существовало десяти столетий, отделявших вождя круминов Фаттара от скифа Баллура, беглого раба из охраны Гиппия, если бы можно было поставить их рядом, то зритель изумился бы сходству между ними. Тот же громадный рост, та же ширина плеч и сила мускулов, те же черты лица, точно у братьев-близнецов. Только у Фаттара волосы были чёрные и длинные, а у Баллура – белокурые, коротко остриженные.

Это исключительное сходство объяснялось, однако, просто. Когда скифы из пустынь Азии явились в причерноморские степи, они покорили племя круминов, и побеждённые смешались с победителями. Скиф-кочевник женился на девушке из рода Фаттара. Через тысячелетие причудница природа воспроизвела в облике Баллура облик его отдалённого предка Фаттара.

Баллуру было около сорока лет. Взятый в плен в битве с фракийцами лет десять назад и перепродаваемый из рук в руки, он попал, наконец, в Афины и был куплен в личную охрану Гиппия, состоявшую из скифов. Знакомство Баллура с Тиманфом состоялось так. В свободные от дежурства часы скиф любил ходить в Пирей и купаться в бухте. Ласковый плеск эгейских волн, легко набегавших на берег, напоминал скифу шум других вод – вод родного Понта Эвксинского. С каким восторгом понёсся бы Баллур на родину, к тоскующим жене и сыну, но далека была родина! На пути к ней лежали враждебные страны и обширные моря...

Однажды Баллур спускался к бухте ранним утром. Вокруг было ещё пустынно, и только весёлая стайка мальчишек оживляла побережье.

Баллур шёл, задумчиво склонив голову, как вдруг беззаботное щебетание ребят сменилось криками тревоги и ужаса.

Скиф поднял голову: один из детей вдруг захлебнулся и начал тонуть.

В несколько прыжков Баллур был у берега и, не раздеваясь, бросился в воду. Он вынес из воды чёрноглазого, кудрявого ребёнка, почти потерявшего сознание от страха.

¹⁴ Гекатомбеон (греч.) по нашему календарю соответствовал второй половине июля и первой половине августа.

– Чей это? – спросил Баллур у мальчишек: за годы плена он научился хорошо говорить по-гречески.

– Это Тиманфа... Кораблестроителя Тиманфа сын... Вон там он живёт, недалеко от берега, – перебивая друг друга, закричали ребята.

– Показывайте дорогу.

В одежде, с которой ещё струилась вода, Баллур внёс спасённого мальчугана в дом Тиманфа. Тиманф, жена его Эвротей, старший сын Периандр суеились вокруг могучего скифа, предлагали ему другую одежду, пока высохнет его собственная, подносили кубки с вином...

С тех пор началась тесная дружба Баллур с семьёй Тиманфа. Скиф полюбил Филиппа, весёлая болтовня которого напоминала Баллuru о покинутом сыне. А мальчик крепко привязался к своему спасителю, который никогда не приходил в дом Тиманфа без игрушек: то приносил маленький лук и стрелы, то меч, выстроганный из крепкого дерева, то искусно сплетённую клетку для птиц... Баллур знал о готовящемся восстании паралиев. Свержение тирана Гиппия и ему сулило свободу.

По счастливой случайности, Баллур нёс внутреннюю охрану во дворце Гиппия как раз в тот вечер, когда предатель Горгий явился с доносом к тирану.

Скиф знал Горгия как одного из самых пылких заговорщиков. Его неожиданное появление в неурочный час навело Баллур на страшное подозрение. Рискуя жизнью, он подкрался к занавесу, отделявшему тот покой, где тиран принял Горгия, и стал подслушивать.

Рассыпав многочисленные уверения в преданности Гиппию, доносчик раскрыл тайну готовящегося восстания паралиев.

– Кто возглавляет заговор? – гневно спросил тиран.

– Высокий и могущественный повелитель, во главе его стоит кораблестроитель Тиманф...

– Тиманф! – Тиран побагровел от ярости. – Я знаю это имя! Это любимец паралиев, которого они громко приветствовали в моём присутствии, в то время как для меня, Гиппия, сына божественного Писистрата, у них не нашлось ни одного хвалебного возгласа!.. Но я раздавлю своей пятой голову этой змеи! Тиманф погибнет мучительной смертью! Кто его сообщники?

– Их много, божественный Гиппий, я могу назвать десятки и сотни заговорщиков. Главные помощники Тиманфа – Феаген, Гелланик и Андриотон.

– Феаген, Гелланик и Андриотон... Я запечатаю в сердце эти презренные имена! А остальными не хочу отягощать свою память. Занеси их в список, вручи список мне, и награда твоя будет велика! Завтра, едва наступит рассвет, все эти собаки, осмелившиеся посягнуть на мою власть, будут в тюрьме и выйдут из неё только на гибель...

Всё клокотало в груди Баллур, когда он слушал этот разговор. Что сделать, как спасти друзей?

Ворваться в соседний покой и пронзить кинжалом грудь тирана? Но скифский обычай, свято хранимый Баллуром на чужбине, требовал уважать жизнь человека, под чьим кровом находишься, чей хлеб ешь... Правда, под этот кров скиф попал против своей воли, но всё равно убийство хозяина в глазах Баллур было таким же предательством, как предательство презренного Горгия. Поразить из-за угла человека, который доверил тебе охрану своей безопасности?!. Нет, Баллур поступит по-другому, он сам сполна заплатит доносчику цену предательства.

Едва эти мысли промелькнули в голове скифа, как по другую сторону занавеса прозвучали слова:

– Иди и возвращайся быстрее, я буду ждать тебя!

Баллур едва успел перебежать зал и стать у выхода в спокойной позе стража, как из покоев Гиппия вышел Горгий:

– Скажи, почтенный страж, где здесь найти письменные принадлежности?

Скиф, скрывая ярость, ответил:

– Иди за мной, я отведу тебя к дворцовому писцу, там найдёшь всё, что тебе нужно.

Баллур повёл Горгия через длинный ряд слабо освещённых покоев, где редко попадались придворные тирана или воины-скифы из его личной охраны.

Заведя предателя в пустую уединённую комнату, Баллур воскликнул:

– Вот твоя награда, предатель!

Великан сжал горло доносчика, и Горгий свалился мёртвым. Спрятав его труп в нише окна, скиф покинул дворец тайным ходом, известным лишь воинам охраны. Теперь только быстрота могла спасти вождей восстания.

Пройдёт немного времени, и Горгия начнут искать. Его труп, без сомнения, найдут, исчезновение Баллур будет замечено. Сопоставив эти факты, тиран поймёт, кто и с какой целью задушил Горгия, и не станет ждать утра, чтобы схватить тех, кого успел назвать предатель.

Баллур проскочил сквозь городские ворота в тот момент, когда их уже закрывали, и побежал по каменистой дороге. От Афин до Пирея расстояние невелико, около сорока стадиев.¹⁵ Быстроногий воин одолел его за полчаса и стремительно ворвался в дом Тиманфа.

При слабом свете лампы, заправленной оливковым маслом, Тиманф и его друзья Гелланик, Андриотон и Феаген обсуждали план восстания.

– Друзья, измена! – вскричал взволнованный, запыхавшийся Баллур. – Вас предал Горгий!

– Памфил был прав, когда предостерегал нас от этой гадины, – пробормотал потрясённый Тиманф, чернобородый человек среднего роста с красивым строгим лицом. – Но не время для сожалений. Кого назвал предатель?

– Пока только вас, здесь находящихся...

– Но он может назвать и других, – воскликнул молодой широкоплечий и стройный Феаген, рыбак.

– Он больше никого не назовёт, – мрачно отозвался скиф, сжав вместе огромные ладони.

– Ты убил его?

Баллур утвердительно кивнул головой.

– Хвала богам! Значит, опасность грозит лишь нам?

– Да! Но опасность страшная, надо бежать немедленно, потому что сюда вот-вот явятся враги!

Начались поспешные сборы. Забирали продовольствие, одежду, деньги, какие имелись в доме... Тиманф дал важное поручение шестнадцатилетнему Периандру:

– Беги, сын мой, к Памфилу, расскажи ему, что случилось. Пусть он предупредит всех друзей. От Памфила сюда не возвращайся, а приходи прямо на берег, где стоит наша лодка...

Эфеб,¹⁶ гордый важным поручением, немедленно отправился выполнять его. Остальные, закончив приготовления, также покинули дом. Тиманф вышел последним и оглянулся с грустью на жилище отцов: он знал, что утром здесь не останется камня на камне...

Перед Тиманфом шла печальная Эвротей, ведя за руку маленького Филиппа.

Уверенный в том, что если он сам ускользнёт, то месть тирана падёт на его семью, Тиманф решил взять жену и детей с собой. Гелланик, Андриотон и Феаген не были женаты, им нужно было позаботиться только о собственной безопасности.

К маленькой группе беглецов примкнул и Баллур. Своим отважным поступком он отрезал себе возвращение во дворец тирана, и – отныне его судьба была связана с судьбой Тиманфа.

Скрывая оружие под складками одежды, беглецы прошли к причалу.

– Лодка Тиманфа! – воскликнул горячий Феаген. – Вот она, поплывём на Саламин или Эгину...¹⁷

– Нет, – сказал Тиманф. – Завтра флот тирана обыщет всё море, все близлежащие острова... Сейчас наше спасение в горах! Позднее, когда ослабеет бдительность наёмников Гиппия, когда вернётся из Ольвии Демарат, тогда мы доверим свою жизнь морю, но не теперь...

Согласившись с Тиманфом, решили бежать в горы. Явился Периандр: он выполнил приказ отца. Сели в лодку, поплыли вдоль берега и за несколько стадиев от посёлка высадились на пустынном берегу. Оставив Афины справа, беглецы пошли через обширную оливковую рощу.

Шли всю ночь. К рассвету Эвротей уже еле брела, опираясь на руку мужа. На все предложения отдохнуть она отвечала отказом: останавливаться, пока не найдено более или менее надёжное убежище, было опасно. Только в глухой долине, среди дубравы, опустилась на землю эта сильная духом женщина.

Нуждались в длительном отдыхе и остальные путники. Лишь Тиманф и Баллур целый день так и не сомкнули глаз, чутко прислушиваясь ко всякому шороху.

К вечеру, собравшись тесным кружком, принялись за трапезу. Поели холодной рыбы и плодов, выпили виноградного вина из меха, принесённого молодым Феагеном, и тронулись в путь – искать надёжное убежище.

Покинув долину, опять шли целую ночь, стараясь оставить между собой и возможными преследователями как можно большее расстояние. Перед рассветом беглецы оказались у входа в угрюмое каменистое ущелье, каких много было в горах Эллады. По дну ущелья бежал прозрачный ручей. Следуя советам Баллура, пошли по воде, чтобы скрыть следы на случай, если их будут искать с собаками.

После того как было пройдено около трёх десятков стадиев,¹⁸ внимание Баллура привлекло зелёное пятно на крутом каменистом склоне ущелья.

Там, за кустами фриганы,¹⁹ оказался вход в пещеру. О лучшем убежище едва ли можно было мечтать.

¹⁵ Немного больше 6 километров.

¹⁶ Эфе́бы древние греки называли юношей до восемнадцати – двадцати лет.

¹⁷ Салами́н и Эги́на – острова, лежавшие недалеко от побережья Аттики.

¹⁸ Около 5 километров.

¹⁹ Низкорослые колючие кустарники разных пород.

Выводя людей из ручья, скиф натер подошвы их обуви диким чесноком, предусмотрительно нарваным по дороге.

Теперь даже собаки не отыщут их следов.

Пещера оказалась тесноватой, но всё же вместила всех путников. Очистив пол от камней, беглецы, утомлённые двумя долгими переходами, крепко заснули – все, кроме неутомимого Баллур. Скиф отправился по воде к тому месту, где они вошли в ручей. Там он обулся и часа три ходил по горам и долинам, путая следы, как заяц, чующий погоню. Потом снял сандалии, натер чесноком подошвы и направился к пещере.

– Теперь никакие собаки не разыщут нас, если только их не надоумит сам бог Гермес, – ухмыляясь, сказал великан. – Но вряд ли он станет думать о таких ничтожных людях, как мы.

Добравшись до убежища, Баллур лёг у входа, положив возле себя меч и кинжал, и уснул мёртвым сном: и его, наконец, сморила усталость!

Паралий Памфил

Потянулись унылые дни вынужденного заключения в тесной, душной пещере. Тиманф и Баллур, ставший в этих трудных обстоятельствах его главным помощником, никому не позволяли выходить из пещеры днём, и только ночью разрешалось бродить по ущелью, чтобы размять ноги. Но и тогда скиф не забывал натирать обувь и даже руки своих товарищей пахучим чесноком.

Припасов было захвачено немного. К счастью, в одну из ночных прогулок Баллур встретился на тесной тропинке с диким вепрем. Горбатый щетинистый зверь, уверенный в своей силе, яростно напал на врага, но схватка окончилась в пользу могучего скифа.

Ночью костер был разведен в глубине пещеры, чтобы его отблеск не привлёк враждебного внимания. Беглецы вдоволь наелись жареной свинины.

Прожив в пещере дней десять, Тиманф решил сообщить о своём местопребывании Памфилу.

Канатный мастер Памфил, человек большого ума и прозорливости, несколько лет назад лишился ног. Прикованный к месту, он не выходил из дому, но друзья часто навещали его, и он знал, что происходит в Аттике. Как все паралии, он ненавидел тирана и присоединился к заговорщикам. Своими умными советами он часто помогал Тиманфу. И теперь Тиманф и его друзья рассчитывали, что проницательный и находчивый Памфил сумеет помочь им в их трудном положении. Они понимали, что в пещере долго не прожить: голод выгонит их оттуда даже до наступления зимних холодов. Пробираться по сухопутью на север, в Беотию, или на запад, в Коринф, со слабой женщиной и ребёнком было трудно и опасно: их могли перехватить шпионы и наёмники Гиппия. Путь спасения был один – море.

Читатель уже знает, что оружие, которое Демарат закупал в Ольвии, предназначалось для паралиев, когда они вступят в открытую борьбу с тираном.

Восстание не могло начаться раньше возвращения Демарата с грузом оружия, а «Артемиду-охотницу» ожидали в конце гекатомбеона.

Тиманф помнил каждое слово из разговора с Демаратом перед его отплытием в Ольвию: это было в начале месяца мунихиона.²⁰ Демарат утверждал, будто затратил на весь путь от Ольвии до Пирея всего-навсего двадцать шесть дней. Это показалось Тиманфу настолько невероятным, что он принял слова двоюродного брата за шутку, вложенную ему в уста богом Вакхом:²¹ ведь разговор шёл за кубками старого вина.

В ответ на сомнения Тиманфа навклер стал уверять с лукавой улыбкой, будто он нашёл какой-то особенный секрет управления кораблем.

– Тогда открой мне его! – сказал Тиманф.

Демарат со странной усмешкой ответил:

– Пока я жив, моей тайны не узнает никто, кроме тебя, потому что ты один заслужил это.

– Чем?

– Чем? Разве, строя мне в прошлом году «Артемиду», не ты вывел наружу продольный брус, к которому крепятся рёбра судна, в то время как у всех наших кораблей этот брус скрыт внутри в трюме?

– Да, я сделал это, – согласился Тиманф. – Я считал, что, выведя брус наружу, я дам кораблю больше устойчивости и он станет лучше рассекал воду...²²

– Всё это так, брат мой, ты не ошибся, но сделал даже больше, чем рассчитывал: ты дал мне могучее оружие для борьбы с водной стихией. Правда, я не сразу научился пользоваться им. Начать с

²⁰ Мунихион (греч.) – вторая половина апреля и первая половина мая.

²¹ Вакх – в древней Греции бог виноградарства и виноделия.

²² Продольный брус, проходящий под дном судна от носа до кормы, теперь называется килем. В наше время все суда строятся килевыми.

того, что «Артемиды» шла под парусом совсем не так, как обычные корабли: она, словно живое существо, старалась вырвать из моих рук руль. Её поведение было для меня загадочным, но теперь загадки разгаданы, и я берусь совершить дальний рейс вдвое быстрее любого другого судна.

Тиманф сказал:

– Помни, что, беря на себя обязательство доставить нам оружие к концу гекатомбеона, ты отвечаешь за судьбу восстания.

Серьёзно, без обычной улыбки Демарат ответил:

– Разве в таком деле возможно легкомыслие? Если боги не пошлют мне гибель в пути, то к назначенному сроку оружие у вас будет, а тайну «Артемиды» ты узнаешь, когда совершишь первое плавание на моём корабле.

Так закончился этот важнейший разговор.

Шла последняя декада²³ таргелиона.²⁴ До обещанного возвращения «Артемиды» оставалось около месяца.

Теперь, когда можно было предположить, что бдительность соглядатаев Гиппия несколько утихла, надо было установить связь с Памфилом, а через него заблаговременно предупредить Демарата о провале восстания, Тиманф не сомневался, что надсмотрщики в гавани особенно старательно обшаривают каждое входящее туда судно, и, если у навклера обнаружат его опасный груз, Демарат погибнет.

Кого же отправить в Пирей? О Баллуре не приходилось даже думать: раба, обманувшего доверие тирана, разыскивают, конечно, с таким же усердием, как самого Тиманфа.

Андротийон и Гелланик наперебой оспаривали друг у друга опасное поручение, но внезапно вскочил юный Периандр.

– Отец, отправь меня! – горячо воскликнул он. – Соглядатаи Гиппия внимательно присматриваются к каждому взрослому, но какое им дело до мальчишки? А я, клянусь Зевсом-странноприимцем, не хуже другого исполню твоё поручение!

– Сами боги вложили в уста эфеба эти слова! – взволнованно согласился Гелланик, и взоры всех мужчин обратились к Эвротее.

Взглянув на похудевшее от забот лицо мужа, на маленького Филиппа, лежавшего у входа в пещеру, женщина сказала:

– Мне ли противиться воле богов? Если это нужно для общего блага, Периандр пойдёт!

– А я сделаю его путешествие безопасным, насколько это в моих силах, – добавил Баллур.

Из своего нижнего платья скиф выкроил для Периандра грубый хитон, какие носили рабы. Острым кинжалом небрежно срезал пышные кудри Периандра. Побродив по горному склону, скиф вернулся с пучком травы, молочный сок которой быстро желтел на воздухе. Этим соком он старательно натер юноше лицо, руки и ноги. И на глазах зрителей произошло чудо: вместо жизнерадостного Периандра перед ними стоял изможденный трудом и недоеданием желтолицый раб-ливиец.

Поражённая Эвротее даже всхлипнула:

– Сын мой, я не узнаю тебя! Передо мной не ты, а твоя истомленная тень, вернувшаяся из мрачных областей Аида!²⁵

Баллур весело потер руки.

Периандр заговорил глухим голосом с ливийским акцентом:

– Добрый господин, я раб почтенного Анаксимена, он отправил меня в город купить масла для возлияний на домашний алтарь богини Афины...

– Чудесно! – сказал Тиманф. – Тебя не разоблачит и самый близкий друг. Басня, которую ты сейчас сложил, вполне годится. Вот деньги. – Он дал сыну несколько серебряных монеток. – Выйдешь ночью, а достигнешь населённых мест – смело иди днём. Если будешь скрываться вблизи от Афин или Пирея, это может возбудить подозрения.

К Памфилу в дом постарайся проникнуть незаметно. Что ему сказать, ты знаешь. Самое главное – предупредить Демарата. Возвращаясь сюда, захвати сколько сможешь пищи: в нашем положении важна каждая малость.

Выслушав последние отцовские наставления, приняв благословение матери и поцеловав маленького Филиппа, эфеб закинул за плечи холщовую котомку со скромной провизией, взял пустой кувшин из-под масла и смело отправился в путь.

План спасения

²³ В Древней Греции месяц делился на три декады, по десять дней в каждой.

²⁴ Таргелион (греч.) – вторая половина мая и первая половина июня.

²⁵ Аидом греки называли загробный мир, помещавшийся, по их понятиям, под землей. У христиан Аид превратился в ад.

Прошло пять дней. Особенно тяжёл был последний, пятый, день. Эвротейя то молилась олимпийским богам, то оплакивала сына, в возможность возвращения которого она уже не верила. Напрасно уговаривал её Тиманф; у него и самого на душе было смутно: мало ли какие ошибки мог допустить неопытный юноша. Гелланик, Феаген и Андротион укоряли себя за то, что согласились на самоотверженное предложение Периандра.

Но на исходе ночи из глубины ущелья донёсся условный свист. Тиманф и Баллур, бодрствовавшие у входа в пещеру, мгновенно выскочили и удивление остановились: по склону ущелья поднимались двое. Но тревога оставила их, когда послышался весёлый голос Периандра:

– Со мной друг!

Спутником Периандра оказался пятнадцатилетний Филофей, сын Памфила. Оба юноши тащили за спинами мешки с обильным запасом провизии, посланной Памфилом.

Вот какие новости узнал от Филофея Тиманф.

На исходе ночи их бегства Пирей наводнили наёмники Гиппия. Среди них было три-четыре скифа, очевидно посланных, чтобы опознать Баллур. То, что тиран оставил при себе весь скифский отряд, означало, что он потерял прежнюю уверенность и боится за свою безопасность. А быть может, Гиппий уже не надеялся на скифов? Что же, и это было хорошо.

Люди Гиппия врываются в дома, ищут оружие, но ничего не нашли. За те немногие часы, что были в его распоряжении, Памфил успел предупредить об опасности не только пирейцев, но даже жителей Фалера и Мунихии. Филофей обежал несколько соседних домов. Оттуда с вестью о предательстве Горгия отправились в соседние кварталы посёлка сразу полтора десятка гонцов. Число гонцов росло, как катящаяся с гор лавина. Мужчины и юноши скользили по улицам, словно тени, и тотчас же после их прихода в домах, где жили заговорщики, скрывалось в заранее приготовленных тайниках оружие.

На обвинения людей Гиппия пирейцы дерзко смеялись.

– Мы – заговорщики? Мы, так любящие божественного Гиппия? Кто свидетель этого? Поставьте его перед нами, и пусть он посмотрит нам в глаза и повторит своё утверждение под клятвой!

Но единственный свидетель лежал во дворце Гиппия мёртвый, с распухшим, посиневшим лицом. Он уже больше никого не обвинит...

Как и предвидел Тиманф, его дом, как и скромные жилища Андротиона, Феагена и Гелланика, был разрушен. Этим пока и ограничилась месть тирана. Из жителей Пирей не взяли никого.

Позже Памфил узнал, что Тиманфа и его друзей искали и на море и на суше. По их следу были пущены собаки, но розыски окончились неудачей благодаря мудрой предусмотрительности скифа. За поимку вождей восстания была назначена большая награда, но, кроме убитого Горгия, предателей среди паралиев не было.

Судно Демарата, как и следовало ожидать, ещё не прибыло ни в Пирей, ни в Фалер. В этом лично удостоверился побывавший там Филофей.

Юноши отправились в горы, неся изрядный запас провизии. Кроме того, Филофей должен был сообщить Тиманфу план бегства из Аттики, выработанный Памфилом и оставшимися в Пирее друзьями.

Садиться на судно в Пирее было невозможно: появление Тиманфа и его спутников безусловно заметят шпионы Гиппия, и беглецов схватят. Посадку совершат в Мегарах.

Небольшое государство Мегары было расположено к западу от Аттики. Соседи часто воевали, и Писистрат во время своего правления отобрал у мегарян их гавань Нисею.

Мегаряне вряд ли осмелятся предоставить на длительное время убежище врагам могущественного афинского тирана, но, конечно, не помешают Тиманфу и его друзьям сесть на ольвийское судно. Весь вопрос был в том, как добраться до Мегар. По сухопутью идти далеко и опасно, тем более что по дороге придётся огibtь Афины и пересекать густонаселённую местность.

Памфил решил переправить беглецов в мегарские воды морем. Навклер Демарат (который теперь явится в Пирей без груза оружия) заявит портовым властям, что отплывает на юго-восток, на остров Милос. В открытом море он изменит курс и направится на запад. Обогнув остров Саламин с юга и миновав принадлежащую афинянам Нисейскую гавань, Демарат бросит якоря в недалёком расстоянии от мегарского берега и станет ждать беглецов. Рыбаки переправят туда Тиманфа и его друзей. Конечно, на лодки придётся садиться не в Пирее, а где-нибудь западнее, на пустынном берегу, в окрестностях Фалера, в глухое предрассветное время, когда обычно отправляются на ловлю рыбаки.

План Памфила был опасен, но ничего лучшего придумать не могли.

Поручив Филофею передать отцу самую горячую благодарность, Тиманф отпустил юношу. Теперь Филофей знает дорогу к их убежищу, и, когда придёт время, он явится за ними и проведёт в окрестности Фалера, где их будут ждать рыбацкие лодки. Частое сообщение с пещерой Тиманфа опасно, и поэтому беглецы до ухода из ущелья должны продержаться с теми съестными припасами, которые прислал им Памфил.

Под маской рабов

После ухода Филофея в пещере снова потянулись дни тоскливого ожидания. Всё теперь зависело от того, как быстро Демарат сделает переход из Ольвии в Пирей. Если его прибытие замедлится, беглецов либо ждёт голодная смерть, либо кому-либо из них придётся с большой опасностью отправляться за съестными припасами.

Чтобы занять своих мальчиков, Эвротей рассказывала им древние легенды о богах и героях, а знала их почтенная матрона немало: недаром она была дочерью известного в Аттике рапсода²⁶ Лизимаха.

Ночью Баллур бродил с Тиманфом по ущелью, обучая его смиренной походке раба – с опущенной головой, с глазами, устремлёнными в землю, с безвольно висящими руками. Свободный гражданин Пирея с трудом усваивал уроки Баллура.

Прошло уже двадцать два дня, а Филофей всё не появлялся.

Может быть, Филофея схватили, когда он возвращался из ущелья? Может быть, он попался шпионам Гиппия уже на обратном пути, когда шёл за Тиманфом и его спутниками?

А может быть – это казалось самым вероятным, но и самым страшным, – может быть, с «Артемидой» что-нибудь случилось во время далёкого плавания и она никогда не придёт в Аттику.

Они изголодались до крайности. В последние дни им пришлось питаться только диким чесноком и другими съедобными травами, которые собирал Баллур. Лишь для Эвротей и Филиппа оставили немного пищи из тех запасов, что принесли Периандр с Филофеем. Ещё несколько дней – и беглецы начнут медленно умирать от истощения...

Но на двадцать третий день Филофей явился. Его встретили с радостью, которую невозможно описать.

Оказалось, что ожидаемый корабль Демарата прибыл несколько дней назад. «Артемиде» вошла в гавань Пирея без своего опасного груза.

В течение многих дней и ночей десятки людей из Пирея и Фалера бороздили море вдали от берегов, притворяясь, что ловят рыбу. На самом же деле они сторожили приближение «Артемиды».

Демарат был вовремя предупреждён об опасности. Его матросы обвязали тюки с оружием верёвками, а на свободных концах верёвок сделали петли. Один из рыбаков указал Демарату хорошо знакомую ему отмель, где он всегда ловил рыбу. Глубина в этом месте не превышала десяти-двенадцати локтей. Туда и был бережно опущен драгоценный груз. Когда придёт время вынуть спрятанное оружие, ловкий ныряльщик ухватит верёвку за петлю, поднимется с ней на поверхность воды, и груз будет поднят на лодку.

Надсмотрщики Гиппия не обнаружили на «Артемиде» ничего запретного: зерно, шерсть, кожи – товары, всегда привозимые с северного побережья Понта Эвксинского.

Чтобы не возбудить подозрений у портовых властей, Демарат не мог немедленно пуститься в обратный путь. Дня четыре пришлось посвятить торговым делам.

Навклер распродал свои товары за полцены. Он кое-как, для видимости, нагрузил судно всем, что попало под руку, и, как было условлено, заявил, что отправляется на Милос. Демарат будет ждать беглецов за Нисеей.

Слушая рассказ Филофея, голодные люди жадно смотрели на принесённый им мешок: без сомнения, в нём пища. Им пришлось разочароваться: продукты в мешке оказались, но их было не так много. Мешок был наполнен одеждой рабов, которую должны были надеть Тиманф, члены его семьи и друзья. Так им легче будет обмануть согладатаев Гиппия, наводнивших все дороги. Но, что, очень удивило Тиманфа, – в мешке не оказалось рабского одеяния для великана скифа.

– А как же Баллур? – с удивлением спросил Тиманф.

– Отец придумал уловку, которая поможет вам лучше обмануть бдительность врагов, – ответил юноша. – Баллур пойдет в своей одежде, как воин из отряда скифских телохранителей тирана. Ты, почтенный Тиманф, будешь его помощником. Вооружившись мечами, вы поведёте остальных, связав им руки, и, если кто-нибудь станет допытываться, скажете, что сопровождаете в Афины вновь купленных рабов Гиппия. Мы сделаем так, чтобы оказаться у Афин ночью, а там тайно свернём влево и направимся в Фалер...

Из пещеры на корабль

Опасный путь к Фалеру проходил благополучно, но вблизи Афин случилась встреча, о которой беглецы в течение долгих дней не могли вспомнить без ужаса. До города оставалось пять-шесть стадиев, и уже пора было сворачивать влево, когда из-за поворота дороги показался вооруженный отряд греков

²⁶ Рапсод (греч.) – странствующий певец народных песен, сказитель.

под предводительством сотника.

Маленькую группу остановили. Баллур бойко изложил басню, придуманную Памфилом. Но какой же леденящий сердце страх охватил Баллур и всех остальных, когда сотник крикнул, обращаясь к кому-то, скрытому за спинами воинов:

– Эй, Мадис, иди, взгляни – это из ваших?

Мадис, бывший товарищ Баллура по отряду телохранителей, вышел вперёд и остановился перед беглецами. Баллур ни на мгновение не сомневался, что Мадис узнал его в густом сумраке наступившей ночи. Они спали рядом в течение нескольких лет, вместе мечтали о свободе и проклинали судьбу, сделавшую их рабами.

Что сделает Мадис? Боясь ответственности, предаст ли старого друга, соплеменника?..

Мадис не предал. Сделав вид, что он всматривается в лицо Баллура, сказал:

– Это Лупин, он действительно выполняет приказ домоправителя божественного Гиппия.

Сотник небрежно кивнул Баллуру:

– Иди!

Греческий отряд двинулся к горам, а Мадис весело крикнул вслед беглецам:

– Лупин, передай товарищам, чтобы завтра меня не ждали. Мы напали на след Тиманфа, укрывающегося в горах, и не возвратимся в Афины без этого проклятого мятежника!

Неизмеримую благодарность к великодушному скифу почувствовали Тиманф и его друзья.

Больше приключений не было, и в предрассветной темноте беглецы по двое разместились в четырёх рыбацких лодках, под грудями сетей. Лодки при благоприятном ветре двинулись в открытое море, на запад, к берегам Саламина.

После краткого совета с рыбаками решено было огибать Саламин с юга, как хотел сделать и Демарат.

Обходить остров с севера, по узкому извилистому проливу, отделявшему Саламин от материка, было опасно: надсмотрщики Гиппия могли заинтересоваться подозрительной флотилией, направлявшейся в Мегары.

Плавание проходило благополучно. Держась вдали от берегов, лодки сначала шли под парусами, а когда попутный ветер утих, рыбаки стали грести. В гребле им помогали и пассажиры, выбравшиеся из-под сетей.

Около полудня маленькая флотилия миновала западный берег Саламина и повернула на север, к Мегарам. На счастье беглецов, море было пустынно: ни одна триера не встретила на пути, не попадались и торговые суда.

Эвротей вознесла бесчисленное множество молений к богам-олимпийцам, обещая им богатые жертвы, если рискованное плавание увенчается успехом.

Тиманф вылил в воду кувшинчик масла и опустил золотую монету в жертву властителю морей Посейдону, чтобы тот не наслал на странников бурю.

К вечеру показался берег и на нём белые дома Нисеи. Вероятно, рыбаки, ободрённые удачей и хорошей погодой, несколько забыли о благоразумии и слишком приблизились к гавани, потому что оттуда выплыли две большие лодки и двинулись им наперерез.

– Надсмотрщики Гиппия! – воскликнул, побледнев, Ксенофан, старший из рыбаков. – Да хранят нас всемогущие боги!

Скрываться под сетями было бессмысленно: наёмники тирана обязательно всё перевероят в лодках. Оставалось одно: бежать, надеясь, что судно Демарата не слишком далеко и что они успеют добраться до него, опередив погоню.

Началась бешеная гребля. Лодки шли невдалеке одна от другой, и Тиманф громко ободрял рыбаков и своих спутников. Он греб с отчаянной энергией, а Эвротей с обезумевшим от страха лицом взывала к богам.

Люди Гиппия вначале не очень спешили: они хотели осмотреть лодки лишь для очистки совести. Но, увидев, что флотилия прибавила ходу, в свою очередь налегли на вёсла. Их лодки были шестивесельными, а рыбаки располагали только четырьмя вёслами на каждом суденышке.

Перевес был за преследователями. Расстояние между ними и погоней быстро сокращалось, но в это время Периандр радостно закричал:

– «Артемиды»!

До ольвийского корабля было ещё около двух десятков стадиев. Воодушевлённые беглецы так ударили, вёслами, что лодки, пеня воду, ринулись вперёд. Но и преследователи, видимо рассчитывая на богатую добычу, удвоили усилия.

Четыре, три, два, один стадий... Только полстадия, наконец, отделяло беглецов от преследователей, и на нисейских лодках уже поднялись воины, размахивая мечами.

Тиманф готов был отдать приказ бросить греблю, схватиться за оружие и вступить в неравную

битву, но корабль Демарата двинулся под вёслами навстречу флотилии Тиманфа.

Свободные от гребли матросы во главе с капитаном, грозя мечами и копьями преследователям, ободряли беглецов. Видя, что соотношение сил изменилось не в их пользу, люди Гиппия сначала замедлили ход своих лодок, а потом и вовсе повернули назад, сопровождаемые насмешками ольвиополитов.

Фалерские рыбаки согнулись над вёслами, благоразумно скрывая лица от нисейцев: ведь им, рыбакам, ещё предстояло возвращение в Аттику.

Беглецы поспешно поднялись на борт. Тиманф и Демарат упали в объятия друг друга. Эвротей, прижимая к себе Филиппа, рыдала от радости.

Матросы «Артемиды», окружив Баллура, Периандра и остальных, хлопали их по плечу, дружески целовали, поздравляли с избавлением от опасности.

Отстранив от себя Тиманфа, Демарат горестно оглядел брата. Немногим более двух месяцев назад они расстались, а какая перемена! Тиманф, вождь и любимец паралиев, борец за их свободу, потерпел крушение своих замыслов почти накануне их осуществления. Он вынужден покинуть родину, и, быть может, надолго. Вот он стоит в одежде раба, с небрежно срезанными волосами, исхудалый и постаревший. На глазах у Демарата навернулись слёзы.

– О брат мой, – воскликнул моряк, – как жестоко подшутила над тобой судьба!

– Все мы в руках богов, – согласился Тиманф. – Но ты сдержал слово и явился вовремя.

– Я сделал всё, что было в моих силах, – сказал Демарат. Матросы «Артемиды», пользуясь тем, что начался попутный ветер, подняли на мачте парус, и судно двинулось прочь от Нисеи.

Лодки фалерских рыбаков Демарат взял на буксир, чтобы отвести в открытое море.

Когда берег скрылся вдали и опасность погони отпала, фалерцы повернули к родному городу.

Много позднее Тиманфу стало известно, что рыбакам удалось благополучно вернуться домой и их недолгое отсутствие не было замечено шпионами Гиппия.

В эту ночь бог ветров Эол был милостив к беглецам, и, когда «вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос»,²⁷ ольвийское судно было уже далеко от Мегар.

Ловушка

Наши странники, измученные тяжёлыми переживаниями и опасностями, сладко заснули. Море убаюкивало их тихим колыханием, и они встали поздно, когда златокудрый Гелиос²⁸ уже проделал на своей солнечной колеснице значительную часть обычного пути.

Однако беглецы вряд ли спали бы так спокойно, если бы знали, какая опасность ждёт их впереди.

Вернёмся назад, к тем дням, когда Тиманфа и его друзей по приказу тирана Гиппия разыскивали по всей стране и в прилегающих к ней водах. Гиппию донесли, что вождь заговорщиков скрывается где-то в горах, но след его потерян.

Злая радость охватила Гиппия. Если Тиманфу не удалось покинуть Аттику, то рано или поздно он вынужден будет это сделать и, значит, для него одна дорога – море.

И Гиппий отдал приказ главному командиру флота: отправить в море полтора десятка триер, которые должны преградить путь кораблям, идущим из Аттики на север, восток и юг.

Пятнадцать триер, заняв проливы между Эвбеей и расположенными по вытянутому кругу островами Эгина, Калаврия, Милос, образовали огромный мешок, отверстие которого было расположено у острова Саламин.

Пять триер, отстоящих одна от другой на шестьдесят – восемьдесят стадиев, загораживали выход из Саронического залива на юг, в широкое Критское море. Дорогу на восток и на север загораживали военные корабли, занявшие все проливы между островами, расположенными двумя параллельными цепями.

Ни один торговый корабль не мог выйти из этого мешка без тщательного осмотра.

Велика была ненависть Гиппия к Тиманфу, если он отправил в море целый флот только для того, чтобы поймать одного человека! Но к ненависти примешивался и страх: заговор Тиманфа ставил под угрозу власть Гиппия над Аттикой и, может быть, даже самую его жизнь.

Капитанам триер был отдан строгий приказ – привезти Тиманфа в Афины живым. Об его помощниках тиран не заботился: пусть они погибнут в бою, пусть утонут в море, но ему нужен Тиманф, живой Тиманф, муками которого он, Гиппий, насладится, прежде чем пошлёт мятежника на самую страшную казнь...

* * *

27 Строка из поэмы Гомера «Одиссея». Эос – богиня утренней зари у древних греков.

28 Гелиос – у древних греков бог солнца.

Не подозревая о том, какие грозные враги стоят на её пути, «Артемиде» шла на юг, чтобы обогнуть с востока остров Эгину. Эгина в ту пору враждовала с Аттикой, но недалеко от южной оконечности острова стояла первая афинская триера «Сигей», начальное звено той огромной цепи, которой Гиппий думал опутать Тиманфа.

Внушительный вид был у этого военного корабля, которым командовал капитан Мегакл. Длина его достигала ста локтей,²⁹ ширина пятнадцати локтей,³⁰ и он мог поднимать десять – двенадцать тысяч пудов груза. Немало требовалось людей, чтобы двигать такую громаду в безветрие. Три палубы имела триера, и на каждой палубе располагалось по пятидесяти гребцов, двадцать пять с каждого борта. Обязанностью гребцов было только грести, подчиняясь сигналам надсмотрщика – ударам в барабан или гонг. Непосредственного участия в боях они не принимали.

Битву вели воины. Их на триере было пятьдесят. Парус поднимали и опускали матросы, они же управляли рулём.

Сто пятьдесят гребцов, пятьдесят воинов, пятнадцать матросов – вот каков был экипаж одной триеры! И, если вспомнить, что пятнадцать таких триер караулили Тиманфа на морских путях, выходило, что тиран Гиппий послал на охоту за одним человеком более трёх тысяч людей – огромную силу по тем временам. Удастся ли маленькой «Артемиде» обмануть врагов и прорваться на свободные просторы моря?

* * *

Тем временем на «Артемиде» происходила странная церемония. Когда пассажиры вышли после сна на палубу, Демарат подошёл к Тиманфу.

– Сейчас ты и твои товарищи узнаете секрет «Артемиды», – сказал он, – но твои друзья должны поклясться подземными богами, что никому не откроют тайну судна без моего разрешения!

– Ты шутишь, Демарат! – изумился Тиманф.

– Ничуть, – серьёзно возразил навклер. – Всякий, входящий на палубу «Артемиды», даёт такую клятву. Исключение только для тебя и твоих семейных...

У древних греков клятва подземными богами была самой страшной; она давалась торжественно, при особой церемонии. Дававший клятву укалывал большой палец правой руки иглой или остриём ножа и выпускал несколько капель крови в разрыхленную землю. При этом он говорил:

– Как мать Земля выпила эти мои капли крови, так пусть подземные боги Плутон и Прозерпина источат из меня капля за каплей всю мою кровь, и пусть мой дух навеки останется бесприютным в мрачных пустынях Аида, если я не сдержу свою клятву!

И не было случая, чтобы человек, давший такую клятву, осмелился нарушить её: ужасным представлялось возмездие, которое постигнет нарушителя.

Так как клятву приходилось давать на море, то обряд был несколько изменён. Спутники Тиманфа и остальные выпустили капли крови в большую чашу с морской водой. Клятва началась так:

– Как владыка морей Посейдон выпил эти мои капли крови, так подземные боги Плутон и Прозерпина пусть источат из меня капля за каплей всю мою кровь...

Корабль шёл в это время проливом между островом Эгиной и материком. Ширина пролива невелика, в самом узком месте она не превышает сорока – пятидесяти стадиев,³¹ и выход из него сторожила триера Мегакла, пока скрывавшаяся за высоким берегом Эгины.

Заветная тайна «Артемиды»

Ветер усиливался, и направление его менялось: из попутного он переходил почти на встречный.

«Как Демарат думает плыть на парусе при таком ветре?» – с тревогой думал Тиманф. И тут изумлённому кораблестроителю открылась тайна «Артемиды». Эта тайна заключалась в том, что Демарат научился лавировать.

Чтобы читателю стало понятно, в чём заключалось великое открытие Демарата, придётся сделать отступление и немного поговорить о науке управления парусами. Нам неизвестно, какими греческими словами пользовался Демарат, называя различные курсы корабля и повороты, и потому будем употреблять термины современного морского языка.

В наше время, когда ветер попутный, когда он дует прямо в корму судна, говорят, что оно держит курс фордевинд. Современники Демарата только и знали курс фордевинд.

Если ветер дует в бок судна под прямым углом, то говорят, что оно идёт в галфвинд, или, по-русски, в полветра. Когда ветер ударяет в правый борт, то судно идёт правым галсом, а если в левый, то

²⁹ 40 – 45 метров.

³⁰ 6 – 8 метров.

³¹ 7 – 8 километров.

левым галсом.

Дело обстоит сложнее, когда ветер встречный, но и тогда есть возможность лавировать. При встречном ветре говорят, что судно идёт в бейдевинд. При этом оно тоже меняет галсы.

На рисунке изображено, как парусный корабль зигзагами идёт к своей цели при встречном ветре, всё время меняя галсы с правого на левый и наоборот.

Самая главная премудрость, которую после многих неудач и опытов постиг Демарат, заключалась в том, как повернуть корабль с одного галса на другой. Теперь это называется сделать поворот оверштаг. Сущность этого поворота заключается в следующем. Маневрируя рулём и парусом, ставят судно носом прямо против ветра, и тогда оно само, как говорят, перевалит линию ветра, и ветер начнёт ударять уже в другой борт. Оказавшись, таким образом, на другом галсе, судно поворачивают до нужного направления, пека не придёт время снова переходить на другой галс.

Но пора возвратиться к «Артемиде-охотнице» и подстерегавшей её триере Мегакла.

Когда «Артемиде-охотница» поравнялась с южной оконечностью Эгины, наперерез ей двинулась триера Мегакла. Корабль Демарата шёл близ берега Эллады, и в этом было его преимущество: от преследователей «Артемиды» отделяло расстояние примерно в тридцать стадиев.

Триера несла сторожевую службу в назначенном ей пункте уже больше двух декад; немало за это время было осмотрено кораблей, идущих из Аттики, Мегар и Коринфа на юг, и ни на одном из них не нашли Тиманфа и его друзей. Поэтому Мегакл не проявил особого рвения в погоне, заметив небольшое судно у аргонидского берега.

По-другому отнёсся к этой встрече Демарат. Едва лишь завидев огромное судно, величаво выплывавшее из-за южного мыса Эгины, Демарат понял, что неспроста оно старается перерезать ему путь и что «Артемиде» грозит смертельная опасность. Вот когда капитан должен показать всё своё искусство в управлении судном, а корабль – проявить мореходные качества, доселе невиданные.

Взгляд Демарата стал сосредоточенным и суровым, движения приобрели необычайную чёткость. Он поставил к парусу и рулю лучших матросов.

– Придётся поработать как следует, – сказал он матросам, и те согласно кивнули головами.

Тёмная масса «Сигея» приближалась неторопливо, но уверенно.

– Сначала попробуем немного обмануть их! – сказал навклер. Он повёл своё судно правым галсом.

«Артемиде» шла на сближение с триерой, и у Мегакла создалось ошибочное впечатление, будто встречное судно знает о заграждении и само идёт подвергнуться досмотру. Он даже приказал несколько замедлить ход триеры.

Беглецы на «Артемиде», не понимая намерений Демарата, со страхом смотрели, как перед ними вырастала громада военного корабля. Ближе, ближе... «Что он делает?» – думал Тимаиф. Вдруг, когда до «Сигея» оставалось не больше трёх стадиев и уже отчётливо можно было видеть ряд воинов, стоявших на высоком борту, «Артемиде» сделала поворот оверштаг.

Парус заполоскал, потом вновь наполнился ветром, и маленький корабль помчался левым галсом, с каждой секундой удаляясь от триеры.

– Молодцы, молодцы! – подбодрил матросов Демарат.

С триеры донеслись крики ярости. Капитан Мегакл, седобородый морской волк, принимавший участие во многих войнах, догадался, что его обманули. Но он не мог понять, каким образом встречное судно сразу изменило направление.

Теперь оба корабля шли параллельными курсами, и «Сигею» предстояло догнать «Артемиду». Короткий приказ капитана, свистки и удары барабанов на триере – и сто пятьдесят длинных вёсел разом вспенили воду. С нижних палуб слышались стоны боли: это надсмотрщики хлестали бичами гребцов, движения которых выпадали из общего ритма.

Могучая триера стала нагонять купеческий корабль. Но, когда после получасовой гонки между судами оставалось три-четыре стадия и берег материка отчётливо обрисовался невдалеке, преследуемый корабль снова переменял галс. Последствием этого было то, что, как говорят моряки, «Артемиде» срезала нос триере. Это значит, что она перерезала ей дорогу, прошла, как бы смеясь, перед её носом и понеслась прочь от берега.

Во время выполнения этого опасного манёвра был момент, когда «Артемиде» находилась на расстоянии всего в полтора-два стадия от триеры, и можно было ясно разглядеть свирепые лица воинов, стоявших в готовности у заряженных баллист.³² Одно слово Мегакла – и на палубу «Артемиды» понеслись бы огромные камни, убивая людей и разрушая снасти. Но Мегакл не сказал этого слова: он помнил строгий приказ тирана – привезти Тиманфа живым.

Результатом смелого манёвра Демарата было то, что «Артемиде» стала удаляться от берега, а менее поворотливый «Сигей» ещё продолжал идти прежним курсом, теряя выигрыш в расстоянии,

32 Баллисты – метательные машины.

добытый тяжёлыми усилиями гребцов.

Демарат благословлял встречный ветер, не дававший возможности поднять на триере большой парус. Но вот триера повернула и вновь начала нагонять «Артемиду». Однако старый Мегакл уже потерял уверенность в собственных силах и смотрел на таинственное судно с каким-то суеверным страхом. Кто управляет им: смертный человек или божество, сошедшее на землю с высот Олимпа?³³

Когда корабль Демарата пересёк путь «Сигей», капитан Мегакл заметил на носу ускользящего судна искусно вырезанный бюст Артемиды-охотницы.

Ему даже показалось, что деревянная богиня, лицо которой орошали брызги воды, насмешливо улыбается над незадачливыми преследователями... Уж не сама ли она управляет судном, которому покровительствует?

А Демарат вновь подпустил триеру на близкое расстояние и вновь поворотом оверштаг заставил «Сигей» отстать на несколько стадиев.

– Хорошо, друзья мои, хорошо! – возбуждённо кричал навклер в сторону преследователей. – Разрешаю вам гнаться за мной хоть до самой Ливии!

И вдруг лицо Демарата побледнело: из узкого пролива между берегом материка и островом Калаврия, мимо которого шла в это время «Артемиде», вылетела, пеня волны, вторая триера: это была «Фрия» под управлением капитана Феогноста.

– Вот как? – удивлённо воскликнул навклер. – На нас устроена целая облава?!

Счастьем беглецов было то, что «Сигей», потерявший надежду догнать загадочное судно, отстал далеко, и «Артемиде» снова пришлось иметь дело лишь с одним преследователем.

Повторилась та же игра: «Фрия» шла от берега, а корабль Демарата направлялся левым галсом ей наперерез, и капитан Феогност ошибся, подобно Мегаклу.

Погоня «Фрии» за «Артемидой» снова напомнила погоню сокола за увертливой ласточкой.

Сокол не мог пустить в ход свои страшные когти и клюв, потому что быстрая малютка ускользала от него каждый раз, когда ей грозил удар.

«Фрия» отстала после трёхчасовой безуспешной гонки, а в это время далеко на востоке показался силуэт третьей галеры.

– Теперь я понимаю! – усмехнулся Демарат. – Тиран так любит тебя, брат Тиманф, и так жаждет свидеться с тобой, что послал с приглашением целый флот! Ну что же, друзья! Путь на север для нас закрыт. Я совершенно уверен, что во всех проливах между островами стоят на страже триеры Гиппия. Пусть стоят, пока не поседеют бороды их матросов! Однако принесём жертву Эолу, друзья: он сильно помог нам, послав на выручку Нот.³⁴

После того как было совершено жертвоприношение, Тиманф в восхищении обнял Демарата.

– Твой секрет чудесен, брат! Но почему же ты не хочешь поделиться им хотя бы с мореходами твоей родной Ольвии или Милета?

– Секрет, известный многим, уже не секрет, – холодно возразил Демарат. – Когда о нём узнают ольвиополиты и милетцы, он перейдёт к афинянам, к коринфянам, к спартамцам...

– А что же в этом плохого?

– Потом узнают о нём и персы, и вряд ли эллины скажут мне за это спасибо. Тебе известно, какой у персов огромный флот...

– Да, ты, пожалуй, прав, Демарат, – задумчиво произнёс Тиманф. – Если начнётся война с персами, то раскрытие твоей тайны принесёт эллинам больше вреда, чем пользы.

– А есть ещё и другая причина моего молчания, – уже весело сказал навклер. – Прослыть лучшим мореходом от Ольвии до Фазиса³⁵ и до Великой Греции³⁶ – это что-нибудь да значит! В Ольвии меня уже прозвали любимцем Эола. Правда, это мне стоило недешёво...

– Чего же?

– Двух амфор старого вина, многих локтей дорогих материй и горсти жемчужин. Пришлось подарить их старому скряге Гелону, чтобы отвести от себя обвинение в волшебстве.

Друзья захохотали.

– Но ведь такие ценные подарки, наверно, съели всю твою прибыль от дальнего рейса?

– Ты знаешь, я не корыстолюбив. Детей у меня нет, значит, не для кого собирать сокровища. Да, по правде говоря, не очень их и накопишь. Чтобы мои матросы не болтали лишнего, я им плачу вдвое против других навклеров. А ещё и жрецам надо... – Демарат снова захохотал. – Но я ни о чём не жалею! Моя радость – это красавица «Артемиде»! Посмотри, как она легко рассекает волны! Да разве есть на

33 Эллины верили в то, что боги живут на высокой горе Олимп, находящейся в Северной Греции. Ни один эллин не осмеливался подниматься на эту гору.

34 Нот – у древних греков бог южного ветра.

35 Фазис – древнегреческое название реки Рион, впадающей в Чёрное море на Кавказском побережье.

36 Великая Греция – название многочисленных греческих колоний на юге Апеннинского полуострова.

свете военные или пиратские корабли, которые могли бы изловить на море сына моря Демарата?!

Демарат снял шапку и высоко поднял над головой. Худощавое лицо его горело вдохновением, казалось, сейчас он и сам поднимется в воздух и понесётся на крыльях ветра...

Тиманф смотрел на брата с глубоким уважением. Он теперь только понял поэтическую душу Демарата, который в эту минуту напомнил ему величавых героев Гомера.

Ветер гудел в снастях, волны глухо шумели за кормой, над мачтой «Артемиды» проносились с резкими криками белые чайки. Сердце Тиманфа наполнила великая радость: смерть, такая страшная, такая близкая, прошла мимо!

На морские просторы

Кораблю Демарата предстоял далёкий путь к северо-западным берегам Понта Эвксинского. Обычно этот путь пролегал между островами, к западному берегу Малой Азии, далее через Геллеспонт, Пропонтиду,³⁷ Боспор Фракийский³⁸ и вдоль западного берега Понта Эвксинского. Ведь в те времена корабли по преимуществу плавали вдоль берегов (такое плавание впоследствии называлось каботажным).

По исчислениям мореплавателей этот путь определялся приблизительно в одиннадцать тысяч стадиев.³⁹

Но теперь прямой выход в Эгейское море был закрыт. Демарат избрал иную дорогу. Если проливы между островами закрыты для него, он не поведёт «Артемиду» через проливы. Избегая проторенных путей, он пойдёт широкими морскими просторами, где никакой враг не сможет загнать его в угол.

И чего ему бояться? Корабль надёжен, матросы лихие, продовольствия и пресной воды хватит надолго, погода благоприятная. В осенние и зимние туманы и бури ни один разумный мореплаватель не рисковал выходить на просторы Понта Эвксинского, хотя это название и означало по-гречески «Гостеприимное море». Но теперь шли последние дни гекатомбеона, а там начнётся самое лучшее для навигации время.

Пройдя к югу до широты острова Милос, «Артемиды» возьмёт курс на восток-юго-восток и, оставив с левого борта остров Астипалею, круто повернёт на северо-запад, в пролив, разделяющий архипелаги западного и восточного берегов Эгейского моря. Ширина этого пролива – сотни стадиев, и запереть его не хватит никаких морских сил Гиппия. Конечно, путь «Артемиды» в таком случае удлинится на несколько тысяч стадиев, но это неизбежно.

Тиманф и его друзья, выслушав соображения Демарата, вполне согласились с ним, и корабль продолжал путь на юг – к пустынному Критскому морю.

Плавание «Артемиды» проходило в особо трудных условиях: ведь на охоту за ней вышел целый флот. Но мореплавание в те времена вообще было опасным занятием, и не только потому, что небольшим кораблям трудно было бороться с непогодой, а и потому, что моря кишели пиратами. Из каждой укромной бухты могли неожиданно выскочить лодки, наполненные вооружёнными людьми, и броситься на штурм торгового корабля. Вдали от берега тоже можно было встретить пиратское судно, и тогда лишь смелая защита спасала купца.

Вот почему экипажи торговых кораблей набирались из храбрых надёжных людей, по преимуществу соотечественников владельца. Купцы и навклеры хорошо им платили, сытно кормили, дружелюбно с ними обращались: ведь только отвага и верность матросов могли спасти судно в случае пиратского нападения. Понятно, все матросы были хорошо вооружены, имели стальные мечи, кинжалы, копья, щиты. Если корабль вёз особенно ценный груз, то его владелец нанимал отряд воинов, оплачивая их службу дорогой ценой.

На палубе «Артемиды», у её бортов, стояли камнемётные машины и возле каждой в ящике запас тяжёлых камней. При нападениях береговых пиратов баллисты могли сослужить хорошую службу: удачно пущенный камень пробивал лодку, и врагам приходилось спасаться вплавь.

Много бед грозило торговому судну на море, но и берег таил опасности. Если буря выбрасывала корабль на сушу, то прибрежные жители считали его своей законной добычей: они растаскивали груз, а экипаж забирали в рабство. Для такой «благотворительной» цели они не брезговали обманом: зажигали огни, как на маяках, подавали фальшивые сигналы.

Так плавали по морям в древние времена.

* * *

На следующее утро «Артемиды» держала свой путь вдали от берегов, не боясь нежелательных встреч.

³⁷ Теперь Дарданелльский пролив и Мраморное море.

³⁸ Теперь пролив Босфор.

³⁹ Около 1800 километров.

Тиманф и его друзья вышли на палубу освеженные сном, отдохнувшие от тяжёлых переживаний предыдущего дня. И тут им пришлось убедиться, что не все опасности миновали, что на их пути стоит ещё одна серьёзная преграда. Об этом сообщил им Демарат.

– Придётся проходить по Геллеспонту, – сказал навклер. – Вам известно, что Писистрат захватил Сигей на его восточном берегу. Аттика также владеет полуостровом Херсонесом Фракийским, образующим западный берег Геллеспонта. Таким образом ваши сограждане крепко держат в своих руках ворота в Понт.⁴⁰ На пути в Аттику мой корабль был остановлен, записано его название, моё имя, число матросов. И я не сомневаюсь, что теперь меня спросят, откуда я взял лишних людей на корабле. Ответ я уже приготовил. Скажу им: «Часть моих наёмников совершает последний рейс, и я, пользуясь случаем, недорого купил по дороге рабов, которые заменят уходящих матросов». Этот ответ удовлетворит допросчиков, но вот руки...

– Руки? – с недоумением переспросил Тиманф.

– Конечно, – подтвердил Демарат. – За руки рыбака Феагена и смолокура Гелланика я не боюсь, это матросские руки. Но руки твои и Андротиона могут возбудить подозрение: видно, что они никогда не пропитывались смолой корабельных снастей...

Тиманф с облегчением рассмеялся.

– Только-то? Ну что же, мы с Андротионом поступаем к тебе в матросы, и я уверен, что ещё задолго до прибытия в Сигей наши руки осмоятся и загрубеют. Я даже думаю, что и Периандру такая работа пойдёт только на пользу. Но позволь, – спохватился Тиманф, – а как же быть с Эвротеей и Филиппом?

– На женщин и детей досмотрщики обращают мало внимания. Я скажу, что госпожа Эвротей – жена альявийского купца и возвращается из Аттики, куда ездила навестить родных.

В тот же день экипаж «Артемиды» пополнился пятью новыми матросами.

Сбросив хитон, как обычно делали матросы, чтобы полы одежды не запутались в снастях, Периандр первым взобрался на длинную рею, удивив своей ловкостью даже бывалых моряков.

С этого дня на «Артемиде» было введено круглосуточное дежурство на мачте.

От Критского моря до Геллеспонта

Только небо вверху да море кругом, море да небо – так проходили последующие дни плавания «Артемиды». Демарат приветствовал всякий ветер: попутный, боковой, встречный. При всяком ветре «Артемиды» более или менее быстро шла вперёд.

Но самым плохим, что могло выпасть на долю нашим мореплавателям, было безветрие. Это было опасно: безветрие задерживало корабль в пути, оно делало «Артемиду» беззащитной перед лицом сильного врага. Ведь если бы триера Гиппия напала на судно Демарата во время штиля, гибель Тиманфа и других беглецов при таких обстоятельствах была бы неизбежной.

При штиле матросы и пассажиры садились за вёсла и, пускай черепашью шагом, всё же двигались вперёд. Днём они держали курс по солнцу, ночью – по звёздам.

Через несколько дней слева по борту остался остров Фера, один из самых южных на пути к Критскому морю.

«Артемиды» повернула на северо-запад, в широкий пролив, разделяющий острова, примыкающие к Европе, и другие, теснящиеся у берега Малой Азии. Вот здесь, в случае безветрия, триеры Гиппия могли захватить «Артемиду».

К счастью, афиняне, очевидно, потеряли её следы. Да и Эол был благосклонен к беглецам.

Опасный пролив прошли менее чем за двое суток. Оставив справа острова Левандос и Икарию, Демарат проложил курс «Артемиды» по самой середине обширного Эгейского моря.

Теперь единственная серьёзная опасность могла ждать «Артемиду» при входе в Геллеспонт, но это в том случае, если там уже известно о бегстве Тиманфа и о погоне, от которой избавилось судно Демарата близ Эгины и Калаврии. Демарат уверял, что ни одно парусное и, тем более гребное судно не сможет попасть в Геллеспонт раньше «Артемиды», хотя она и сделала большой крюк.

Несмотря на увещания Демарата, сердца беглецов забились тревожно, когда от афинской триеры, стоявшей у входа в Геллеспонт, отделилась лодка с досмотрщиками и вооружёнными воинами.

Но всё обошлось благополучно. Досмотрщики старательно обшарили трюм в поисках запрещённых товаров, но там всё оказалось в порядке. Басне Демарата о покупке новых рабов поверили легко, начальник стражи мельком взглянул на Тиманфа и его друзей, возившихся у снастей, и у него не явилось никаких подозрений. Эвротей и Филипп также не заинтересовали досмотрщиков. Получив положенную пошлину, к которой Демарат прибавил три лишних золотых монеты, досмотрщики

40 Древние греки часто называли Чёрное море, Понт Эвксинский, просто Понтом.

удалились.

Когда остались позади башни Сигея, Эвротей со вздохом облегчения сказала:

– Хвала бессмертным богам за наше спасение, но жалко, что нельзя побывать на развалинах священного Илиона...

В самом деле, остатки легендарного Илиона, или Трои, находились в недалеком расстоянии от Сигея, всего за каких-нибудь пятьдесят – шестьдесят стадиев. Это там, под стенами Трои, велась десятилетняя осада и происходили битвы царей и героев, описанные в поэме «Илиада». Оттуда пустился в многолетние странствования герой второй Гомерово́й поэмы Одиссей. Долгие часы плавания она пересказывала их Филиппу, и вокруг неё всегда собирались внимательные слушатели-матросы.

Легенда о Фриксе и Гелле

Корабль шёл по Геллеспонту, похожему на тихую, спокойную реку меж зелёных берегов. Попутный ветер увлекал судно с распушенным парусом вперёд, и матросам было нечего делать. Усевшись на палубе в кружок, они слушали рассказ госпожи Эвротей о том, откуда взялось название Геллеспонтского пролива.

– Давно это было, в те времена, когда боги чаще, чем теперь, спускались с Олимпа на землю, – повествовала Эвротей, и тихому её голосу сопутствовало мирное журчание струй за кормой корабля. – В те времена часто случалось, что боги женились на смертных женщинах, и от этих браков рождались великие цари и герои. В соседней с нами Беотии есть город Орхомен, и там некогда правил царь Афамант, сын бога ветров Эола и смертной женщины. Могучий полубог Афамант взял в жёны богиню ветров Нефелу, и от этого брака родились сын Фрикс и дочь Гелла. Но Афамант разлюбил Нефелу и женился на эллинке Ино.

Злая и коварная женщина невзлюбила божественных Фрикса и Геллу и решила погубить их. Страну постиг неурожай, и Афамант отправил послов к дельфийскому оракулу,⁴¹ чтобы узнать причину бедствия. Мачеха подкупила послов, и те привезли придуманный ею лживый ответ:

«Чтобы боги вернули свою милость Беотии, надо принести им в жертву Фрикса».

Уже всё готово было к жертвоприношению, уже жрец поднял нож над грудью невинного Фрикса, как вдруг с неба спустился волшебный золоторунный баран...

– Знаю, знаю! – захолопал в ладоши впечатлительный Филипп. – Он спасётся на этом баране, да?

– Не перебивай, мой сын! – строго сказала Эвротей. – Этого златошёрстного барана послала своим детям богиня Нефела. Фрикс вскочил на барана, прежде чем изумлённые люди успели удержать мальчика. Туда же прыгнула Гелла, и чудесный баран, взвившись в воздух, понёсся на дальний север... Сначала всё было хорошо, но дальше случилась беда. Когда баран летел над теми водами, где мы сейчас плывём, Гелла посмотрела вниз, у неё закружилась голова, она упала в волны и утонула. С тех пор люди прозвали этот пролив Геллеспонтом, морем Геллы.

– Жалко бедную Геллу... – прошептал Филипп. – Почему она плохо держалась за баранью шерсть?.. Вот я бы вцепился, меня бы никому не оторвать!

– Так и сделал Фрикс, – улыбнулась мать.

– Что же случилось с ним? Он спасся?

– Да, мой сын! Путешествие закончилось в дальней Колхиде, на берегу реки Фазис. Мясо золоторунного барана принесли в жертву Зевсу-тучегонителю, а чтобы никто не похитил драгоценную шкуру, к ней приставили огнедышащего дракона, никогда не смыкавшего глаз. Фрикс умер в Колхиде, а сыновья его вернулись в Элладу с Язоном, которому удалось похитить золотое руно после долгих странствований и многих опасных приключений...

Так закончила свой рассказ Эвротей.

За Геллеспонтом открылась Пропонтида, которую можно было бы назвать большим озером, если бы её не соединяли с другими морями два узких пролива.

«Артемиде» держалась у северного берега, он был более населённым и приветливым, менее извилистым. Здесь, когда уже остались позади ворота в Понт, зорко охраняемые афинянами, и миновала опасность попасть в руки Гиппия, строгость Демарата ослабела. Если приходилось бросать якоря, он отстаивался близ городов и разрешал матросам и пассажирам сходить на берег. Тиманф и его друзья побывали в Гераклее, Ганосе, Перинфе. В Гераклее запаслись свежей провизией: овощами и фруктами, хлебом. Купили также несколько живых баранов и быка.

Баранов подняли на борт корабля без больших трудов, но с быком пришлось повозиться. Быка не закололи и не разрубили на берегу, потому что он предназначался для особой цели.

⁴¹ В городе Дельфах при храме Аполлона прорицательница Пифия, будто бы наделённая даром предвидеть будущее, делала предсказания, давала советы, как поступить в том или ином затруднительном положении. В действительности эти предсказания и советы делались дельфийскими жрецами и часто были двусмысленными.

Когда корабль отплыл за несколько десятков стадиев от Гераклеи, «Артемиды» остановилась у пустынного берега. Злополучного быка спихнули в воду с верёвкой на шее, за ним спрыгнул ловкий Периандр. Бык, отфыркиваясь и пыхтя, выплыл на берег, здесь его удержал эфеб. Капитан, пассажиры и все матросы, кроме вахтенных, приплыли на лодках. Из разбросанных по берегу камней был наскоро сложен алтарь, и быка закололи в жертву олимпийским богам. Жертву принесли в знак благодарности за избавление от прошлых опасностей – и как молитву богам о спасении в будущем от бед. Лучшие части разделанной туши были возложены на заранее разведённый на алтаре костер, и ароматный дым горящего мяса, поднимаясь к небесам, должен был порадовать обоняние богов и в то же время послужить пищей олимпийцам.

Не забыты оказались и подземные боги: властитель Аида, мрачный Плутон, и жена его, кроткая Персефона. Подземным богам не доступен восходящий к небу дым, и жертву им приносили по-другому. Закалывали чёрную (обязательно чёрную!) овцу, так чтобы жертвенная кровь стекала на землю и просачивалась в мрачный, бессолнечный Аид. Греки считали, что, получив такую жертву, суровый Плутон становился благосклоннее к жертвователям.

Совершив этот обряд, Демарат, Тиманф и остальные с чувством исполненного долга возвратились на корабль.

Пропонтиду прошли за три дня, иногда приходилось лавировать против ветра.

У ворот Боспора Фракийского стоял на европейском берегу город Византии, колония выходцев из Мегар. На правом берегу приютились небольшие городки Халкедон и Никополь.

Все эти три города позднее разрослись, слились вместе, и сотни лет спустя стал у ворот Чёрного моря огромный город Византий, столица большой империи.⁴²

Но во времена бегства Тиманфа Византий ещё не мечтал о своей грядущей славе, и жители его занимались садоводством, рыболовством и торговлей с соседними колониями.

После нескольких часов плавания Боспор Фракийский остался позади, а перед мореплавателями раскинулся необозримый Понт Эвксинский.

Ночная битва с гетами

И опять пошли дни нелёгкого плавания. Здесь берег был не столь гостеприимным, как западный берег Малой Азии, где греческие колонии шли сплошной полосой. На западном берегу Понта Эвксинского эллинские города далеко отстояли друг от друга, и их окружали области с чуждым, часто враждебным фракийским населением.

«Артемиды» упорно пробивалась к желанной цели. Осталась позади основанная милетцами Истрия. Корабль подошёл к устьям огромной реки Истр, которую много тысячелетий назад именовали О-Талом, а потом Ористом.

Здесь мореплавателей вновь ожидала опасность, но уже другая. Береговые жители – геты были самыми отсталыми из всех фракийских племён. Но они обладали зловещей славой морских разбойников, смело выплывали из глубины лиманов на небольших лодках и нападали на проходящие греческие корабли.

Мореходы старались плыть подальше от опасных берегов. Так рассчитывал поступить и Демарат, но погода спутала его расчёты. Благоприятный ветер вдруг утих, и наступило полное безветрие. По несчастному стечению обстоятельств, судно оказалось довольно близко от берега, а уже вечерело. Опасаясь, что ночной ветер нанесёт «Артемиду» на мель, капитан приказал бросить якоря. Но только что успели это сделать, как на берегу замелькали подозрительные огни.

Демарат вознес к богине Артемиде горячую молитву об избавлении от опасности. Экипаж судна стал готовиться к защите.

От светильника, вечно горевшего в каюте навклера – он хранил огонь с алтаря Артемиды в Ольвии, – были зажжены другие светильники. Их расставили так, чтобы в случае необходимости можно было запалить смолистые факелы, несколько охапок которых были принесены из трюма. Нет ничего хуже, чем сражаться с врагами в темноте, и Демарат не хотел дать фракийцам такого преимущества.

Все, кроме Эвротей, Филиппа и Периандра, вооружились мечами, опоясались кинжалами, положили возле себя дротики и щиты. Баллисты были приведены в боевую готовность: тугие жилы закручены, сверху наложены камни...

Экипажем овладело тревожное, томительное ожидание: если уж бой неизбежен, то пусть лучше начнётся поскорее. Баллур ходил по палубе, сумрачно пошучивая и ободряя бойцов. Филиппа, Периандра и Эвротей он свёл в трюм, чтобы надёжнее укрыть их от опасностей битвы.

Огни на берегу, до которого было около шести стадиев, вдруг потухли, и это заставило Демарата

⁴² Позднее Константинополь, а теперь Стамбул.

насторожиться: час действия приближался. Скоро зоркий Феаген сказал, что он видит на воде до десятка тёмных пятен: это были лодки гетов.

Фракийцы плыли очень тихо, видимо рассчитывая захватить корабль врасплох, но это им не удалось. Когда нападающие приблизились на сотню локтей, вдоль бортов ярко вспыхнули факелы, и переход от тьмы к свету был так неожидан, что ослеплённые геты в первые мгновения даже перестали грести.

Греки воспользовались растерянностью врагов. С воинственным кличем они метнули в нападающих дротики. В лодках раздались стоны; до десятка гетов было ранено, некоторые смертельно.

Более действенными оказались снаряды, пущенные с трёх баллист левого борта. Тяжёлые камни понеслись по воздуху. Один не попал в цель, другой убил сразу трёх гетов, но всех удачнее выстрелил Баллур: пущенный им камень проломил борт лодки, она зачерпнула воду и опрокинулась.

Лодки нападающих приостановились, и оттуда понеслись стрелы. Трудно прицеливаться с качающихся лодок, и лишь несколько стрел просвистело над палубой «Артемиды» или вонзилось в борт. Защитники корабля прикрылись щитами. Один из матросов всё же был ранен в плечо. Но он выдернул стрелу из раны, с презрением разломил её и швырнул обломки в море.

С бортов «Артемиды» снова полетели дротики. Ещё несколько гетов упали ранеными, но нападающих было слишком много, и они неотвратно приближались.

Бойцы заряжали свои машины, закручивая связки воловьих жил, заменявшие в баллистах пружины. Но зарядание баллист было медленным, кропотливым делом, оно требовало многих минут, и в скоротечном морском бою обычно удавалось сделать только первый залп. Баллур понял это, когда фракийские лодки были уже у самого корабля. Он с проклятием бросил рукоять баллисты, выпрямился во весь свой огромный рост и вдруг, схватив с палубы большой камень, метнул его в ближайшую лодку. Раздались вопли раненых.

Удача удвоила силы Баллура. Ещё один громадный камень гигант обрушил на другую лодку, пытавшуюся прицепиться к борту корабля. Раздался глухой треск, дно лодки проломилось. Она пошла ко дну. Тонущие геты напрасно цеплялись за скользкие бока «Артемиды».

И неё же положение греков оставалось крайне опасным. Из десятка лодок погибли две, и их экипажи вплавь возвращались на берег. Но остальные окружали судно и с левого борта, обращённого к берегу, и с правого.

Баллур носился по палубе, как яростный бог войны. При трепетном свете факелов казалось, что его мощная фигура удваивается, утраивается, одновременно появляясь в разных местах. Выкрикивая проклятия на родном языке, он метал и метал на врагов тяжёлые камни.

Ни у кого из защитников «Артемиды» не хватало сил последовать примеру Баллура и поражать врагов камнями, приготовленными для баллист. Но они отважно делали своё дело: рубились мечами, сбрасывали влезавших на корабль гетов копьями, вонзали им в грудь кинжалы. Вдохновляя примером других, Тиманф дрался, как легендарный герой, и немало врагов положил своим мечом и кинжалом. Он сражался за Эвротей и детей. Сознание, что только победа может спасти милых его сердцу, придавала ему необычайную энергию. Рядом с ним яростно бились Гелланик, Андротион и Феаген.

В пылу боя защитники корабля отбросили щиты и дрались с врагами грудь с грудью. Уже были среди защитников и тяжелораненые и убитые. В схватке с могучим фракийцем погиб ткач Андротион, но, полузадушенный врагом, он нашёл ещё в себе силы вонзить ему кинжал в горло. Оба рухнули в воду, и волны с шумом сомкнулись над ними.

Два матроса-ольвиополита были убиты, а несколько раненых со стонами отползали от бортов. Навклер Демарат появлялся в самых опасных местах, но богиня Судьба щадила его: он получил только лёгкую царапину на шее.

Натиск гетов на левом борту ослабел. Все лодки здесь были либо потоплены, либо так повреждены, что вышли из боя. Но правый борт, менее защищённый, не выдержал напора. Десятки свирепых врагов уже карабкались на палубу с оглушительным воем, а смятые защитники отступали. Тогда все, кто ещё держался на ногах, ринулись к правому борту с одной мыслью: победить или погибнуть. Баллур крушил врагов подхваченным на палубе тяжёлым молотом, иных схватывал в смертельные объятия. Казалось, мифический сторукий титан вмешался в битву смертных. Геты отступали перед ним в ужасе.

Как дикие вепри, дрались Тиманф, Гелланик и Феаген; яростно врывался в толпу врагов Демарат. Они предпочитали смерть рабству в бескрайних степях Фракии.

Сколько же продолжалась остервенелая битва? Сказать этого не мог никто. Казалось, люди дрались долгие часы; поднимались и опускались руки с мечами и кинжалами, слышались глухие удары, стоны и вопли, хрипение умирающих. Бойцы скользили и падали на досках палубы, обильно политых кровью...

И вот нападающие не выдержали. Один за другим они начали прыгать в море, спеша к ещё

уцелевшим лодкам.

Страшную картину представляла палуба «Артемиды» при колеблющемся свете догорающих факелов. Повсюду мёртвые и раненые, повсюду кровь, выпавшее из рук оружие, поломанные щиты... Из-за тучи вдруг вышла кроткая Селена⁴³ и осветила остатки ужасного побоища.

Дорого досталась «Артемиде» победа над сильным врагом. Больше половины матросов погибло в бою; пали Андротион и Феаген; а оставшиеся в живых были избиты и изранены.

Эол, видно, решил вознаградить смелых мореплавателей за их храбрость: он послал к ним на помощь Зефира,⁴⁴ Демарат решил воспользоваться «милостью» бога: ведь геты, собрав подкрепление, могли напасть снова. У истомленных боем, израненных людей не было силы поднять тяжёлые якоря, и навклер распорядился обрезать канаты. С превеликим трудом поднят был парус, и ласковый Зефир повлёк корабль в открытое море, подальше от враждебной земли.

По странной случайности, нападение фракийцев на «Артемиду-охотницу» произошло в тех самых местах, где тысячу лет назад храбрый и умный Фаттар захватил корабль литейщика Гурма. За эту тысячу лет море не изменилось, но прежде пустынный берег, где когда-то тон-кролы раскинули среди холмов лагерь, теперь был густо заселён воинственными гетами. И с ними вынужден был биться за свою свободу Баллур, отдалённый потомок Фаттара...

Возвращение на родину

Битва при устье Истра была последним испытанием беглецов, и через пять дней на правом берегу Гипанисского залива показались стены Ольвии.

На путешествие ушло тридцать два дня.

Баллур недолго прожил в городе: теперь, когда родина была так близко, его тянуло домой с неодолимой силой. К его счастью, из Ольвии в Скифию отправлялся большой караван, и Баллур присоединился к нему.

Демарат подарил Баллuru боевые доспехи и коня со всем снаряжением, и великан скиф ехал во главе каравана, вдыхая полной грудью воздух родной ковыльной степи...

Баллур вернулся к давно оставленной семье – жене и сыну.

Он жил долго и счастливо.

Тиманф недолго пробыл в Ольвии. С родины доходили вести о том, что власть Гиппия становится всё более ненавистной народу, что он готов подняться против тирана. Прожив в Ольвии около девяти месяцев, весной 511 года до нашей эры Тиманф и оправившийся от ран Гелланик отплыли в Аттику на корабле Демарата. С ними был и Периандр. Семнадцатилетний эфеб не хотел спокойно выжидать на чужбине, чем окончится борьба его народа с тираном.

Демарат высадил своих друзей в Эгине. Оттуда они тайно пробрались в Аттику. Паралии встретили возвращение Тиманфа с великой радостью. Скрываясь от клеветников⁴⁵ Гиппия, Тиманф снова возглавил подготовку паралиев к восстанию. Затопленное Демаратом оружие достали с морского дна. Оно было вычищено, наточено и, надёжно скрытое в тайниках, ждало дня великой битвы.

Этот день наступил в 510 году до нашей эры. Однако сначала всё шло не так, как хотел угнетённый народ. Гиппий был свергнут, но это сделали изгнанные его отцом Писистратом аристократы, которые явились в Аттику с большим спартанским войском. При поддержке спартанцев аристократы захватили власть, но демос единодушно поднялся против них под предводительством Клисфена – вождя, известного всей Аттике. Одним из помощников Клисфена был Тиманф, руководитель паралиев.

Власть аристократов в Афинах была низвержена навсегда. Клисфен провёл новые законы, по которым страной стали править выборные от демоса. В число народных избранников вошли Тиманф и Гелланик, так упорно боровшиеся за народное дело.

Тиманф и Эвротей дожили до глубокой старости. Им пришлось быть свидетелями начала греко-персидских войн, когда маленькая Эллада со славой отстояла свою независимость в борьбе с громадной персидской державой.

В прославленной битве при Марафоне (в 490 году до нашей эры), где персы впервые узнали мощь греческого оружия, со славой пал Филипп – начальник отряда легковооружённых воинов.

Моряк Периандр, командир одной из триер, принял участие в разгроме персидского флота в Саламинском бою (480 год до нашей эры). Эллинские триеры ловко ускользали от натиска огромных, но неуклюжих персидских кораблей и своими обшитыми медью острыми носами пробивали их борта.

43 Селёна – богиня луны у греков.

44 Зефир – у греков западный ветер.

45 Клеветы – приверженцы, готовые на всё, чтобы угодить своему покровителю.

Сражение окончилось постыдным бегством персидского флота.

* * *

Печальна была судьба тирана Гиппия. Спартанский царь Клеомен и аристократы, победившие Гиппия, не отняли у него жизнь; лишённый власти тиран просто был изгнан из Аттики. Многие изгнанники возвращались на родину и вновь принимали участие в её делах. Сам Писистрат, отец Гиппия и первый афинский тиран, дважды побывал в изгнании и укрепил своё положение, лишь в третий раз вернувшись к власти.

Не так было с Гиппием. Отправившись в изгнание, свергнутый тиран дал торжественную клятву никогда не поднимать руки на родной город. Он не сдержал своей клятвы. Сначала он предлагал свои услуги врагам афинян – спартамцам, а потом запятнал себя ещё более позорной изменой: пошёл на службу к заклятым врагам Эллады – персам. Он побуждал персидского царя Дария предпринять поход на Элладу, уверяя, что разрозненные, враждующие греческие государства не в состоянии выдержать натиск огромной персидской армии.

Когда начался первый поход персов на Грецию, бывший тиран тащился с обозом персидской армии, предвкушая сладость мести врагам, когда персидские мечи вернут ему власть в Афинах.

Планы Гиппия рухнули. Перед лицом грозной опасности эллины забыли свои раздоры, объединились и нанесли при Марафоне страшное поражение сильному персидскому войску. Разочарованный Гиппий бежал с остатками разбитой армии, удалился на остров Лемнос и там, терзаемый мрачными Эринниями,⁴⁶ закончил свою бесславную жизнь.

В последний раз на крыльях ветра

Много лет носился Демарат по морям на своём быстром корабле. Друзья перевозносили навклера до небес, а враги и завистники распространяли о нём самые чёрные слухи. Но лихой моряк не жалел средств на жертвы богам, на щедрые подарки жрецам, и никакие вражьи наветы не могли омрачить его славу. Демарат ревниво оберегал свою тайну и каждого вновь нанимаемого на «Артемиду» матроса заставлял клясться подземными богами, что тот не выдаст его секрета.

После изгнания тирана Гиппия афинские гавани вновь открылись для Демарата, и навклер каждый год навещал Аттику. Часто он стал бывать в Милете, цветущей метрополии его родного города Ольвии. Это и явилось причиной гибели «Артемиды».

Случилось всё так.

Огромное персидское государство, раскинувшееся на необозримых пространствах от Эгейского моря до Индии и горной страны Памир, соседствовало на западе с малоазийскими колониями.

Между греками и персами никогда не было дружбы. Распространяя своё владычество на соседние народы, персидские цари заставили малоазийские колонии греков платить им дань. Но, признавая власть персов, малоазийские эллины стремились вернуть себе независимость.

Через десять лет после свержения Гиппия, в 500 году до нашей эры, малоазийские колонии восстали против персов. Первым поднялся Милет.

У малоазийских греков было мало сил, чтобы справиться с могущественной Персией. Восставшие решили просить помощи у Афин и Спарты, сильнейших греческих государств на юге Балканского полуострова. Милетскому послу нужно было как можно скорее пересечь Эгейское море тайно от персов, сторожевые корабли которых охраняли берега Малой Азии.

Судьбе угодно было в это роковое для Милета время привести в его гавань «Артемиду-охотницу». И кому же было исполнить важнейшее поручение, как не любимцу Эола – Демарату?

Конечно, Демарат с полным основанием мог отказаться. Ведь он ольвиополит, и какое ему дело до тревог и забот Милета.

Но Демарат не отказался. Волосы его уже поседели, но, как и в юности, капитан готов был на любой риск. Да, он ольвиополит, но разве не Милет родина его предков, разве не из Милета отправился искать счастья на чужбине его прадед Никий? И разве не готов он, любимец Эола, отдать жизнь для блага Греции? Решено, Демарат повезёт милетского посла.

К несчастью, среди аристократов Милета оказались персидские шпионы. Они передали наместнику персидского царя Дария место и время отправления «Артемиды».

У выхода из Милетского залива «Артемиду» поджидали два десятка персидских кораблей. Снова, как двенадцать лет назад, мощная застава загораживала «Артемиду» выход на морской простор, но теперь положение ольвийского корабля уже не было таким благоприятным, как в старые дни.

В последний раз «Артемиды» гордо неслась на крыльях ветра к длинной цепи неприятельских

⁴⁶ Эриннии – у древних греков богини мести.

кораблей, на палубах которых стояли ряды тяжеловооружённых воинов, а баллисты готовы были низвергнуть на головы защитников «Артемиды» каменный град.

Демарат решил не отступать.

– Прорвёмся или погибнем с честью! – сказал он милетскому послу Павзанию.

Капитан приказал своему помощнику Каллимаху выкатить на палубу несколько бочек оливкового масла, составлявших часть груза, и держать наготове зажженные факелы. Старый матрос быстро выполнил приказ.

«Артемиды» маневрировала так, чтобы проскользнуть меж двух персидских судов, где оставался довольно широкий проход. Оказалось, что персы оставили этот проход умышленно: чтобы заманить туда «Артемиду».

Когда судно Демарата приблизилось к проходу, на персидских кораблях загремели барабаны, сотни вёсел одновременно вспенили воду, и две многопалубные громады быстро сблизились, зажимая в клещи «Артемиду». С одного из персидских кораблей полетели на палубу эллинского судна, вонзаясь в дерево, абордажные крючья.

– Хорошо, хорошо... – бормотал со странной улыбкой Демарат. – Цепляйтесь покрепче!.. У меня будет много спутников в моём последнем путешествии в Аид...

Грек-переводчик появился у борта персидского корабля.

– Сдавайся, Демарат! – прокричал он. – Милостивый Артаферн обещает тебе пощаду! Нам нужен только милетский посол!

– Ты его получишь, – проворчал Демарат. По его знаку матросы «Артемиды» разрубили бочки с маслом и бросили на палубу пылающие факелы. Огромное пламя взвихрилось на «Артемиде» почти вровень с верхушкой мачты... Испуганные крики раздались на персидском корабле.

– А теперь за мной, друзья! – громовым голосом закричал Демарат и полез на вражеский корабль, борт которого высоко навис над «Артемидой».

Изумлённые персы промешкали несколько мгновений, и это позволило Демарату и двум десяткам его матросов вскарабкаться на палубу неприятельского корабля.

Завязалась отчаянная битва. Задыхаясь в дыму, опаляемые пламенем, люди дрались у бортов. Персы старались сбросить абордажные крючья, чтобы отцепиться от пылающего корабля, греки не позволяли им этого.

Они яростно врывались в ряды врагов; их мечи подымались и опускались, как цепи на гумне. С каждым ударом падал человек. Противники одолели кучку бесстрашных эллинов, но борта персидского корабля уже горели. На раскалившейся палубе нельзя было стоять. Пламя пожирало скамейки гребцов и многочисленные надстройки, оно уже подбиралось к мачтам...

Десятки персидских воинов бросались в море, думая найти спасение от испепеляющего огня. Они тонули в тяжёлом вооружении, и некому было им помочь, потому что командиры других персидских судов, боясь за свою безопасность, приказали гребцам отплывать дальше от горящего корабля.

Демарат получил тяжёлый удар в голову от рослого персидского воина и упал на палубу родной «Артемиды». Потухающим взором отважный капитан увидел: потемневшая от времени и морских ветров статуя богини Артемиды, верная спутница славных походов, пылала, как гигантский факел. Она тоже не отдастся в руки врагов!

«Тайна «Артемиды» умрёт со мной...» – это была последняя мысль Демарата.

* * *

Тайна «Артемиды» действительно умерла с Демаратом. Периандр пережил ольвиополита на много лет, но, свято храня страшную клятву, не раскрыл секрета лавирования даже перед Саламинским боем, который должен был решить судьбу Эллады. Впрочем, и без того персидский флот понес в этой битве решительное поражение.

Только через много столетий после Демарата европейские моряки научились ходить под парусами при любом ветре.

Всё, что когда-либо было открыто или изобретено одним человеком, а потом забыто, рано или поздно открывают или изобретают другие.

Наука не знает невозвратимых потерь.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОРИ ЭЙЛИФСОНА

Викинги, сыны морей

Оставим цветущий юг Европы с его голубым небом и жарким солнцем, с плодовыми садами,

раскинувшимися по широким равнинам и склонам холмов, с большими красивыми городами, и перенесёмся на суровый север. Там небосвод часто затянут тучами, там сердитые морские волны с рёвом разбиваются о скалистые берега, изрезанные бесчисленными заливами – фиордами, глубоко вдающимися в сушу.

Там, на неприветливых холмах и в долинах Скандинавии, тысячу лет назад жили племена норвежцев, датчан и шведов, именовавшие себя норманнами, что на их языке означает «северные люди».

Трудно было норманнам добывать пропитание среди скудной природы севера. На бедных почвах под хмурым, скупое греющем солнцем хлебопашество оказалось неблагодарным занятием. Выгоднее было разводить скот: во влажном морском климате трава хорошо росла на лугах и склонах холмов, лошади, коровы и овцы находили себе обильный корм.

Но главным кормильцем людей стало море. Да, в этом угрюмом, вечно беспокойном море водились неисчислимые стаи трески и сельди, а за треской и сельдью охотились тюлени и нерпы.

Норманны сделали искусными рыболовами. Сначала они довольствовались тем, что им давали фиорды, а потом, в поисках добычи, выходили всё дальше и дальше на морские просторы. Постепенно совершенствовались их суда: из простых рыбацких лодок они превращались в прочно построенные корабли, способные бороться с капризами стихии.

Норманны добывали рыбы гораздо больше, чем требовалось для пропитания и, естественно, стали торговать излишками. А в те отдалённые времена торговля граничила с разбоем. Мы уже говорили о том, что в древности купцы отправлялись в торговые походы с сильными дружинами, которые могли бы отбиваться от нападения врагов. Случилось так, что на севере Европы скромные норманнские рыболовы обратились в грозных морских воителей – викингов.⁴⁷

Но, конечно, не сразу, не за одно десятилетие произошло это поразительное превращение.

Предводитель дружины викингов носил звание конунга, короля. Сначала конунги не решались на далёкие путешествия: в первое время ареной их нападений были берега Северной Франции. Но раззадоренные лёгкими победами над враждовавшими между собой королями и герцогами, норманны спускались всё дальше к югу, и наступило время, когда флотилии свирепых разбойников обогнули Пиренейский полуостров, прошли через Гибралтар и появились в Средиземном море.

Цветущие берега Италии и Греции подвергались постоянным набегам викингов; они добирались до самого Константинополя.

Вот как похвалялся своими «подвигами» норманнский конунг Гаральд Гардрад:

Я город Мессину в разор разорил,
Разграбил поморье Царьграда,
Ладьи жемчугом по края нагрузил,
А тканей – и мерить не надо!

...Прибрежья, где чёрный мой стяг прошумел,
Сицилия, Понт и Эллада,
Вовек не забудут Гаральдовых дел,
Набегов Гаральда Гардрада!⁴⁸

Страшный след оставляли за собой жестокие грабители. Вот что писал тогда один франкский монах:

«Печально время, в которое мы живём, ибо неистовства язычников вызвали всеобщее бедствие. Королевства, некогда столь славные, лишились своей славы; короли, некогда столь сильные, лишились своего могущества. Воды рек окрашены кровью жертв, а земля покрыта трупами. Кости убитых тлеют на островах Сены. Берега, прежде прекрасные, как божий рай, опустошены огнём и мечом...»

За несколько поколений, в течение которых мирные, трудолюбивые рыболовы и скотоводы превратились в свирепых морских разбойников, изменился и их характер. Занятие пирата сделалось у норманнов почётным, грабежи на море и на суше прославляли воина. Лучшим качеством мужа признавалась храбрость. Смерть на соломе (то есть дома, в мирной обстановке) приносила позор умершему и его семье. Зато считалось, что храбрецов, погибших в бою, небесные воительницы, девы валькирии, провожали в обитель богов Валгаллу; там перед ними раскрывались сразу 540 райских ворот. Товарищи, ранее их павшие на поле славы, встречали новичков с боевой песней и вели за пиршественный стол. И сам отец богов Один поднимал в честь вновь прибывших чару с вином...

⁴⁷ Слово «víking» первоначально означало «человек залива».

⁴⁸ А. К. Толстой. «Песня о Гаральде и Ярославне».

К заходящему солнцу

Не всегда норманнские мореходы попадали туда, куда хотели держать путь. Случалось, что бури уносили их корабли совсем в другую сторону, чаще всего на закат солнца. Так, ещё в VII и VIII веках нашей эры викинги открыли Шетландские и Фарерские острова и другие северо-западные архипелаги.

Норманнские конунги были «хозяйственными» людьми. Открыв, в океане какие-нибудь земли, они использовали их для набегов на соседние страны, или чтобы продвигаться на запад.

Во второй половине IX века норманнские корабли были заброшены штормом к какому-то огромному острову, отстоявшему на сотни миль к западу от Скандинавии. Перезимовав там, мореплаватели вернулись на родину и поведали о привольных пастбищах и обширных лесах вновь открытой земли. Местоположение острова осталось неясным: ведь в те времена определение широт и долгот велось очень примитивно – расстояния исчислялись днями пути, а о компасе в Европе ещё не знали.

Тем не менее, соблазнённый рассказами возвратившихся соотечественников, некий конунг Флёки отправился разыскивать «обетованную землю».⁴⁹

Отойдя к северо-западу от Фарерского архипелага, Флёки выпустил из клетки одного из взятых с собой воронов. Ворон полетел обратно на родину.

Через три дня был выпущен второй ворон: тот покружил в воздухе и опустился на палубу. И лишь третий ворон, освобождённый ещё через несколько дней, взмахнул чёрными крыльями и без колебаний направился на северо-запад. Флёки повёл свой корабль в ту же сторону и вскоре увидел незнакомый берег, изрезанный глубокими фиордами.

Негостеприимно встретил остров новых поселенцев: холодная зима, снегопады, гибель скота, не обеспеченного кормом и тёплым кровом, заставили Флёки и его дружинников покинуть наспех возведённые хижинки и вернуться на родину. А вновь открытый остров они назвали Исландией, что означает «Ледовая страна».

Прошло несколько лет, и в Исландию отправились новые экспедиции. Оказалось, что жить там не так уж плохо.

Природа Исландии⁵⁰ отличается большим разнообразием. В ней есть и горы, и возвышенные плато, и даже заболоченные низменности.

Иногда Исландию называют страной вулканов, там их более сотни. Самый значительный – Гекла действует и до сих пор.

В Исландии мягкий морской климат. Значительную часть года и море и суша покрыты туманами. Лето там не жаркое, зато и зимой не бывает лютых морозов. В старину исландцы занимались преимущественно скотоводством и рыбной ловлей в окрестных водах. Её население росло быстро. Уже в X веке в Исландии насчитывалось более 25 тысяч жителей, а по тем временам это была очень значительная цифра.

Естественно, что открытием Исландии не закончились плавания викингов на запад. Сначала капризы стихий, а потом специальные экспедиции продвигали норманнов всё дальше от берегов Европы.

Источником наших знаний о прошлом планеты являются памятники старины (остатки древних людских поселений, курганы и т. п.), летописи, былины. Скандинавские сказания называются сагами. Саги рассказывали вдохновенные старцы – скальды.

Вот что говорит об открытии Гренландии «Сага об Эрике Рыжем».

Норвежский ярл Эрик Рыжий был, наверное, огненноволосым человеком, раз уж заслужил такое прозвище среди своих русских и рыжеволосых сограждан. Он обладал чрезвычайно неуживчивым характером: при спорах и ссорах сразу хватался за кинжал.

Случилось так, что неумеренно орудуя кинжалом, Эрик Рыжий убил одного земледельца. Такое часто бывает среди викингов, считавших «смерть на соломе» позором. Обычно дело кончалось тем, что убийца платил в пользу родственников убитого более или менее значительную вѳру (выкуп), определяемую по соглашению сторон.

Эрик отказался платить вѳру и был изгнан из Норвегии. Он отправился в Исландию с небольшой дружиной из родственников и слуг. Но и в Исландии буйное поведение Рыжего навлекло на него гнев старейшин, и ему предложили покинуть и эту страну.

Куда деваться?

За несколько лет до этого занесённые непогодой на запад исландские промышленники

⁴⁹ «Обетованная земля» – место, куда страстно стремится человек: воплощение счастья и изобилия.

⁵⁰ Площадь Исландии равна 103 000 квадратных километров, это более чем вдвое превышает площадь современной Дании.

перезимовали на шхерах,⁵¹ за которыми вдали виднелась неизвестная большая земля. Вот эту-то землю и отправился открывать беспокойный ярл с кучкой своих сторонников.

Вероятно, ему мерещились просторы новой страны, такой же безлюдной, какой была Исландия до прибытия первых поселенцев: там, на этих просторах, он станет полным хозяином, там над ним не будет тяготеть власть закона. И Эрик Рыжий такую землю нашёл: ею оказалась Гренландия; случилось это в 982 году.

Целых два лета в периоды, когда море освобождалось ото льдов, плавал Эрик с дружиной вдоль берега незнакомой страны. Миля за милей, десятки, сотни миль к северу и к югу – и везде перед удивлёнными и даже охваченными тревогой мореходами тянулся суровый скалистый берег, изрезанный фиордами. Ведь Эрик и его спутники не знали, что ветер странствий пригнал их к самому большому острову земного шара.⁵²

Суровая, угрюмая земля! Остроконечные горные вершины со сползающими с них ледниками перемежались ступенчатыми плоскогорьями, а если отважные исследователи углублялись внутрь страны на несколько миль, перед ними вставала величавая ледяная стена высотой в сотни локтей.

Одолев крутизну, путешественники останавливались в изумлении: насколько хватал глаз, расстилалась ледяная равнина, пересечённая узкими трещинами, у которых не было видно дна...

В некоторых местах ледовое поле нависало над скалистым берегом, и вдруг от него отламывался громадный кусок и с шумом грохался в воду. Окажись в ту пору рядом их корабль, гигантские волны закружили бы его, как щепку, и разбили о скалы. Норманны наблюдали рождение айсбергов.⁵³

«Вот откуда появляются ледяные горы, – объяснял товарищам Эрик. – А в наших сагах утверждается, что эти груды льда – обломки тел древних великанов, восставших против богов и побеждённых в битве с ними...»

Однако же и среди этой ледяной пустыни находились приветливые оазисы. В глубине фиордов, в местах, защищённых от холодных ветров, незаходящее летом полярное солнце создавало жизнь. На скудной каменистой почве вырастала трава, альпийские маки раскрывали чашечки навстречу тёплым лучам, карликовые берёзки впускали цепкие корни в расщелины скал. Полярные куропатки шныряли в зарослях со своими выводками, а за ними охотились песцы.

Многие из найденных Эриком Рыжим оазисов вполне могли прокормить господский двор с населением в 20–30 человек. Географы позднейших веков удивлялись какому-то особому искусству, которое помогало Эрику находить уголки Гренландии, где могли бы селиться люди. За два коротких лета неутомимый викинг сумел обследовать побережье острова на громадном протяжении. Даже через 200–300 лет путешественники ничего не могли добавить к открытиям Эрика Рыжего.

Утверждают, что Эрик назвал вновь открытую землю Гренландией, то есть «Зелёной страной», с хитрой целью: завлечь туда побольше поселенцев. Соблазнённые заманчивым названием, люди явятся в «Зелёную страну» со своими домочадцами, со скотом, с домашним скарбом, если же их разочарует суровая природа, подаваться обратно после долгого и трудного пути будет поздно...

Так ли это, мы не знаем, но уже через четыре года в Гренландии насчитывалось около 500 колонистов. Они прибыли в новую страну на флотилии кораблей, ведомых предприимчивым норманном, и расселились в оазисах, которые он им указал. Сам Эрик поселился на южном берегу, на 61° северной широты, в глубине залива, названного Эриксфиордом в поместье «Крутой склон».

Постепенно удобные места на восточном побережье Гренландии были заняты норманнами, и они стали подаваться на западный берег. Их главными занятиями были рыболовство и зверобойный промысел: окрестные воды изобиловали китами, тюленями, моржами.

Буря

Ветер свистел и выл в снастях гонимого бурей корабля. Ключья разорванного паруса бессильно бились о мачту, и кормчий с большим трудом удерживал судно, чтобы оно не стало боком к волнам. В этом случае «Фрейя»⁵⁴ мигом перевернулась бы, и тогда экипаж ждала быстрая смерть в угрюмом холодном море.

Но за рулём стоял сам Лейф Эриксон, и его громадная сила позволила ему совершить такое, на что вряд ли способен был другой мореход по всей Атлантике – от берегов Норвегии до вновь открытой Гренландии и от снежного Нордкапа до солнечного Гибралтара. Лейф уже двое суток без отдыха провёл у рулевого весла, отвергая робкие попытки помощника сменить его хотя бы на час. Кормчий Гест Альвирсон был ещё молод, у него не хватило бы силы совладеть с вырывавшимся из рук тяжёлым

51 Шхёры – мелкие скалистые островки у побережья материков или больших островов.

52 Площадь Гренландии равна 2 176 000 квадратных километров, а с юга на север она тянется более чем на 2500 километров.

53 Айсберги – ледяные горы, плавающие в полярных водах. Уносимые течением к экватору, они постепенно тают.

54 По скандинавской мифологии, Фрейя – богиня любви.

правилом.⁵⁵

Лейф отплыл из Гренландии шестнадцать дней назад ясным июньским днём. В поместье остались отец, ярл Эрик Рыжий, мать Тьёдхильда, братья Тóрвальд и Тóрстейн. Трюм «Фрейи», крепкого суденышка, вышедшего с исландской верфи, был заполнен бочонками с тресковым жиром, связками тюленьих и моржовых шкур, тюками с гагачьим пухом.

Только ему, любимому сыну, доверил старый Эрик продать в Норвегии эти дорогие товары и закупить всё необходимое для хозяйства: Лейф с такими поручениями справлялся лучше всех, недаром же его с юных лет прозвали Счастливым. А путь на родину ему не был закрыт, как изгнаннику Эрику.

Две недели всё шло как нельзя лучше: бог ветров Нйодр был благосклонен к «Фрейе». Еле слышно поскрипывали снасти, мерно покачивался корпус крутобокого корабля с высоким и узким носом, с красным квадратным парусом. Где-то за бакбортом⁵⁶ осталась позади Исландия, приближались Фарерские острова. Там предполагалось сделать остановку, осмотреть корабль, пополнить запасы провизии, набрать свежей воды. И вдруг налетел этот свирепый северо-западный ветер, шквальный порыв изорвал парус, который не успели снять, «Фрейю», мужественно противостоявшую волнам, повлекло к юго-востоку.

В жестокой борьбе прошло двое суток. Лейф, унаследовавший от отца богатырское сложение, но отличавшийся более стройной фигурой и мягким характером, не выпускал из рук руля. Шапку кормчего сорвало бурей, его длинные русые волосы трепал ветер. Время от времени матрос приносил ему кусок мяса, лепёшку и флягу воды, и великан, не отходя от правила, утолял голод и жажду.

Силы людей были на исходе. Свирепое постоянство бури заронило в их суеверные сердца сомнение: уж не оскорбили ли они какое-нибудь божество? Быть может, этот шторм, редкий в летнее время, месть за оскорбление? По приказу Лейфа дружинники принесли жертвы отцу богов Одину, богу грома Тору, богу ветров Нйодру. За борт отправились связки тюленьих шкур, тюки с гагачьим пухом, которым мстительный бог мог устлать свою постель.

Но буря не унималась.

В свинцовых волнах, бившихся о борта корабля, испуганным мореходам чудились драконы в колючей чешуе, отливавшей зеленью, с зубчатыми хребтами, с огромными перепончатыми лапами, с глазами, полными неуголимой злобы. Горе тому, кто упадёт за борт, чудовища поглотят его в одно мгновение!

Третья ночь была ужасна. Даже могучий Лейф Эриксон начал приходить в отчаяние и готов был бросить правило и отдать «Фрейю» на волю судьбы. Видно, пришла к мореходам гибель, кончились их земные странствия, и скоро богиня Хель⁵⁷ встретит их в своих подземных владениях и проведёт по золотому мосту через реку Гйоль, отделяющую царство мёртвых от страны живых.

Если уж силач и храбрец Лейф дошёл до таких мрачных мыслей, то что говорить о команде? Люди, измученные морской болезнью, без сил лежали в трюме (с палубы их снесло бы ветром) и при каждом сильном ударе волны возносили моления Одину...

Но смутный рассвет показал вдалеке низменную землю, окаймленную шхерами.

– Гебриды!.. Нас принесло к Гебридам! – раздался громовой голос Лейфа Эриксона. – Все наверх!

Ежась от холодного ветра, разминая затёкшие от долгого лежания члены, выбирались на палубу один за другим спутники Лейфа.

Вышел старый дядька Лейфа скальд Снóрре Гúдмундсон по прозвищу Мудрый. Вышел кормчий Гест Альвирсон, показались и остальные корабельщики...

Немало проживший на свете Снорре был ещё зорек. Он приложил руку щитком к глазам, всмотрелся в плоский берег и, повеселев, оказал:

– Кажется, наш хозяин снова оправдал своё прозвище Счастливый: перед нами Льюис.⁵⁸

Лейф, нахмурившись, возразил:

– Боюсь, что оправдать это прозвище не так просто: видишь, отец, шхеры?

В самом деле, подход к берегу преграждали разбросанные повсюду обломки скал, над которыми взлетали высокие водяные фонтаны. Буря начала утихать, но волнение было ещё очень сильно. Однако недаром Снорре Гудмундсон заслужил прозвище Мудрого: немало поплавал он на своём веку, немало моряцких уловок хранилось в его голове.

– Ребята, тащите наверх бочонки с рыбьим жиром! – приказал он. – И приготовить топоры!

Команда с великим усердием бросилась исполнять приказ Снорре: ведь масло или жир, вылитые в море, умирят волны.

⁵⁵ Правíло (стар.) – рулевое весло.

⁵⁶ Бакбóрт (мор.) – левый борт судна.

⁵⁷ Хель – богиня подземного царства. Норманны полагали, что к ней отправлялись души людей, не имевших счастья погибнуть в бою с врагами.

⁵⁸ Льюис – самый крупный остров Гебридского архипелага, он расположен в его северо-восточной части.

Вдоль бортов «Фрейи» возле бочонков с жиром стали люди, держа наготове топоры. Лейф Эриксон твёрдой рукой направил судно туда, где волнение было поменьше, и шхеры дальше отстояли одна от другой.

И вот настал решительный момент:

– Разбивать бочонки!

Топоры с глухим стуком ударились о днища бочонков, густые струи жира полились в море. И как по мановению волшебного жезла бушующие волны утихли, стали ясно видны чёрные скользкие верхушки скал. Всего несколько минут продолжалось действие жира, но этого оказалось достаточно, чтобы ведомая умелой рукой Лейфа «Фрейя» миновала опасное место.

В голове у Снорре Гудмундсона начала складываться торжественная песнь в честь избавления от беды, а спасённое от гибели судно подходило к берегу. Из расположенных неподалёку на склоне холма домов бежали люди, крича и размахивая руками.

Лейф Счастливый и Торунна

Норманны появились на Гебридских островах в VIII веке нашей эры. Поработив местное население, норвежские викинги совершали набеги не только на соседнюю Англию, но и на отдалённые страны материка – Францию, Италию, Грецию. Гебридцы поддерживали с метрополией дружественные отношения, и попавшему на Льюис экипажу «Фрейи» не грозили плен и рабство.

Обитатели острова смотрели на корабль с некоторым страхом: им показалось, что пришельцы волшебством умилили грозные волны и прорвались через опасную полосу прибой.

Между тем Лейф и трое из его людей спустили шлюпку и высадились на берег. От чужестранцев густо разлило рыбьим жиром, их одежда и руки были в масляных пятнах.

Из толпы любопытных вышла вперёд высокая белокурая и голубоглазая девушка с гибкой талией. По её величавой осанке, по платью, расшитому жемчугом, по атласным лентам, вплетенным в длинные косы, было видно, что она дочь хозяина поместья, богатого бонда, а может быть, и ярла.

– Добро пожаловать на нашу землю, чужестранцы! – с достоинством сказала девушка. – Я – Тóрунна, дочь ярла Гёллира Кьяртансона, владельца поместья Гёллирскольт,⁵⁹ и его супруги Хельги. Мой отец Геллир Белый и моя мать Хельга с радостью окажут гостеприимство потерпевшим крушение. Я называю вас потерпевшими крушение, – продолжала Торунна низким звучным голосом, – потому что вижу: не по доброй воле попали вы к нам, на Льюис.

Услышав название острова, скальд обрадовался: старые глаза не обманули его, и он верно назвал землю, куда забросил их шторм.

А Лейф, строго соблюдая этикет, описанный в сагах, ответил с глубоким поклоном, который повторили его спутники:

– Почтенная фру⁶⁰ Торунна! Я – Лейф, по прозвищу Счастливый, сын ярла Эрика Рыжего и его супруги Тьёдхильды, вёл свой корабль «Фрейю» в Норвегию. Но буйный северо-западный ветер сбил нас с пути. Мы благодарны богам, которые привели нас на эту гостеприимную землю и послали навстречу такую прекрасную вестницу мира и дружбы.

При упоминании о богах Торунна презрительно усмехнулась, но взор её не мог оторваться от широкоплечего статного молодца с копной спутанных русых волос на голове и с небольшой кудрявой бородкой. Дорогая одежда Лейфа, хоть и порванная в нескольких местах и запачканная рыбьим жиром, сидела на нём с каким-то особым изяществом, а длинные сильные руки сжимались в кулаки, словно всё ещё держали правило, вырываемое волнами. Да, он был очень хорош, этот могучий викинг, и немало пылких сердец разбил он, оставляя девичью любовь без ответа. Лейф продолжал:

– Мы заранее благодарим Геллира Белого и его супругу, почтенную Хельгу, за гостеприимство. Борьба со стихиями измучила нас, и нам требуется длительный отдых. Впоследствии, куда ни забросит нас судьба, мы всегда будем с признательностью вспоминать обитателей Геллирскольта.

Из-за спины Торунны вдруг высунулся кудрявый краснощекий мальчик лет двенадцати и спросил звонким голосом:

– Скажи, дядя Лейф, а вы во время бури видели в море драконов? Нянька Тордис уверяет, что они всегда подкарауливают суда, терпящие бедствия, чтобы сожрать людей!..

Смущённая, Торунна отодвинула мальчика в сторону:

– Добрый Лейф, прости малыша за его несвоевременное вмешательство в наш разговор. Это Роар Эйлифсон, сын моего покойного двоюродного брата. Он очень любопытен и не даёт покоя старшим своими расспросами...

⁵⁹ Хольт (норв.) – холм.

⁶⁰ Фру (сканд.) – обращение к знатной женщине.

– И никакой я не малыш, – обиженно отозвался Роар, – я – моряк и скоро пойду в плавание!

Все рассмеялись, а Лейф весело притянул к себе мальчугана.

– В его возрасте я сам был такой. Когда отец возвращался из путешествия, я донимал его вопросами по целым неделям. И тебе, Рори, я скажу вот что. Мы были так утомлены борьбой со штормом, что нам чудились не только драконы. Нам казалось, что из воды сама змея Митгард⁶¹ высовывает свою чудовищную голову, чтобы ухватить наше незащищенное суденышко и увлечь его в морскую пучину...

– Страшно! – в восторге прошептал Рори, закрывая глаза.

– Ну, хватит, Рори, – ласково, но твердо сказала Торунна. – Беги домой и предупреди дедушку Геллира, что к нам идут гости...

– Спешу, лечу! – Рори вихрем понёсся по берегу, но, обернувшись, успел крикнуть: – Дядя Лейф, ты расскажешь мне ещё много-много морских историй, ладно?

Лейф и Торунна переглянулись с улыбкой. Да, нечего греха таить, они сразу крепко прижились друг другу по сердцу. В старинных романах немало говорится о любви, поражающей человека, как молния. Такая любовь поразила Лейфа Счастливого и Торуню, дочь Геллира Белого.

* * *

Прошёл месяц. Экипаж «Фрейи» давно восстановил силы, корабль был исправлен и заново проконопачен и просмолен, запасы провизии и пресной воды возобновлены. Следовало бы продолжать путь к берегам Норвегии, но любовь, как стальная цепь, держала Лейфа Эриксона на острове. Не один раз Лейф просил Торунну стать его женой, но их браку мешало очень серьёзное препятствие: Лейф был язычником, а Торунна – христианкой. Вот почему ещё при первой их встрече на берегу девушка пренебрежительно усмехнулась, слушая Лейфа, благодарившего богов: она в них не верила.

Ирландские летописи рассказывают, что христианская религия была утверждена на Гебридах отшельниками-монахами ещё в начале VIII века. И когда там появились завоеватели-викинги, они приняли христианство, не особенно вдаваясь в его сущность. С них достаточно было того, что их епископы и священники также отправлялись в походы и перед битвами благословляли их оружие.

Отец Торунны, Геллир Къартансон, не противился браку молодых людей. Род Лейфа по знатности не уступал его собственному: Эрик Рыжий тоже был ярлом, и хотя его изгнали с родины за убийство, это не пятнало его чести в глазах Геллира. Гебридский ярл и сам в молодости занимался пиратским ремеслом, не раз водил дружину в набеги и возвращался с богатой добычей. Не отличался Геллир и особой религиозностью, но любимица дочь беззаветно верила в христианского бога, и отец не хотел принуждать её связать судьбу с язычником.

Для Лейфа оставался единственный выход: чтобы получить любимую девушку, следовало перейти в христианскую веру. Религиозные сомнения мало смущали молодого викинга, беспокоило только одно: как посмотрит на его брак с христианкой отец. Лейф знал, что Эрика не раз пытались обратить в «истинную веру», но он с презрением отвергал такие предложения.

– В какой вере я родился, в той и умру, – обычно говорил Эрик Рыжий. – И пусть бог-громовержец Тор поразит меня своим заколдованным мйольниром,⁶² если я передамся на сторону какого-то новоявленного Христа, который, по утверждениям его поклонников, никогда не держал в руках меча.

Но любовь Лейфа в конце концов взяла верх над боязнью отцовского гнева. Священник Рагнар Гуннарсон окрестил Лейфа и он же обвенчал его с Торунной. На свадьбу собрались сотни друзей, близких и дальних родственников Геллира, и даже для рабов были зажарены быки и выставлены бочки пива.

И там, на пиру, где состязались в искусстве скалды из ближних и дальних мест, всех победил старый Снорре Гудмундсон, сложивший песнь о молодом викинге, со славой погибшем в далёкой южной стране. Вот эта песнь.

Смерть викинга
Замолкли сраженья зловещие звуки,
И пыль улеглась, и кузнечик трещит,
И викинг, раскинув бессильные руки,
Недвижим и нем среди павших лежит.

Беспечно гонясь за добычей и славой,

61 По скандинавской мифологии, исполинская змея Митгард жила на дне мирового океана. Она кольцом охватывала всю Землю и держала в зубах собственный хвост.

62 Мйольнир – в сагах молот бога грома Тора; брошенный Тором во врага, молот без промаха поражал его насмерть и возвращался к своему владельцу. С помощью Мйольнира Тор истребил множество враждовавших с богами великанов.

С отважной дружиной стремился он вдаль,
И недруга встретил, но в битве кровавой
Сразила воителя острая сталь.

А там, под ветрами далёкого края,
Где дремлет в сугробах родительский дом,
Там мать, и отец, и жена молодая
Ждут милого сердцу, тоскуют о нём.

Но тщетны мольбы и напрасны надежды,
Их милый под солнцем горячим почил,
Навеки сомкнул опаленные вежды⁶³
И север родимый навеки забыл.

А смелую душу валькирии взяли,
На крыльях умчали в обитель богов,
И витязь пирует в блаженной Валгалле
Средь прежде погибших могучих бойцов...

Всеобщий хор похвал был наградой старому певцу, и растроганный хозяин Геллирехольта, сам потерявший сына в далёкой южной стране, поднёс скальду драгоценную золотую чашу. А маленький Рори Эйлифсон, слушавший песнь с горящими от восторга глазами, громко воскликнул:

– Так жить и умереть!..

Трудная победа Рори Эйлифсона

Осенние бури уже бушевали над Атлантикой, а «Фрейя» всё ещё стояла в укромной бухточке неподалёку от Геллирехольта. Лейф Эриксон никак не мог расстаться с молодой женой. Дни Лейфа и Торунны проходили беззаботно в рыбной ловле, в охоте на морских птиц, в поездках к многочисленным родственникам Геллира Белого.

Тем временем товары – тюленьи шкуры, моржовые клыки, гагачий пух – мирно пылились в корабельном трюме, а ведь Лейфу было приказано продать их с выгодой и закупить товары, без которых зимовка в Эриксфиорде окажется очень трудной.

И когда оттягивать отъезд стало невозможно, Торунна оказалась более благоразумной.

– Милый, – сказала она, – мы с тобой чудесно проводим время, но пора нам отправляться в Норвегию. Твой отец и так разгневется на тебя за переход в истинную веру, но если ты оставишь его на зиму без вина и пива, без новых рыболовных снастей и капканов на песцов, без новых платьев для матушки Тьёдхильды, он тебе этого не простит...

– Ты, как всегда, права, дорогая, – грустно улыбнулся Лейф, – но если б ты знала, как тяжело мне покинуть тебя...

Торунна удивилась:

– Покинуть?! Но я же давно решила отправиться с тобой! Надеюсь, для меня найдётся местечко в трюме «Фрейи»? И хоть я христианка, но буду довольна, если добрая богиня, именем которой назван твой корабль, станет покровительствовать нашей любви...

Молодая женщина лукаво рассмеялась.

– Нет, нет! – возразил Лейф. – Я не возьму тебя с собой, Торунна! Я не имею права подвергать мою любимую опасностям в бурном осеннем море. Одно лишь сознание того, что богиня Хель может прислать за тобой своих грозных посланцев... Не хмурься, прости, не так легко расстаться с языческими верованиями. Словом, если тебе будет грозить беда, моё сердце замрёт от страха, а руки станут беспомощными, как у ребёнка...

Несколько дней продолжались споры Лейфа с женой, и наконец, Торунна согласилась ждать его возвращения до следующей весны.

На прощание молодой викинг подарил Торунне плащ, сшитый из сукна, сотканного его матерью.

– Это залог того, что моя семья примет тебя, как родную, – сказал Лейф.

Поверх плаща он опоясал жену дорогими украшениями из рыбьего зуба. Рыбьим зубом в ту эпоху назывались моржовые клыки. Слоновая кость тогда встречалась в Европе редко, а изделия из моржовых клыков славилась красотой и прочностью и высоко ценились.

⁶³ Вёжды – веки.

Но самым драгоценным подарком Торунне оказался золотой перстень, который муж надел ей на безымянный палец правой руки.

Перстень украшали крупные изумруды, и он был семейной драгоценностью в роду Лейфа. Кто-то из его предков добыл этот перстень во время набега на Италию, и с тех пор он переходил от отца к сыну. Эрик Рыжий подарил его Лейфу в день совершеннолетия, когда юноше исполнился 21 год.

Отъезд Лейфа был решён, но перед молодой четой встал серьёзный вопрос: как быть с Роаром?

Рано лишившийся отца и матери, мальчик воспитывался в семье Геллира, – более близких родственников у него не было. Рори с малых лет решил стать мореходом и с редкой настойчивостью шёл к намеченной цели. Сначала он пускал кораблики в речке, протекавшей близ поместья, а когда подрос, стал плавать по морю в дедовской лодке и был счастлив, если ему удавалось ускользнуть в ней одному, без старших. Он рано научился управлять с тяжёлыми вёслами и вести лодку под парусом.

Любимой игрой окрестных мальчишек были морские сражения, где одна сторона изображала отважных пиратов, а другая – английских купцов. И не нужно пояснять, что «конунгом морских разбойников» всегда избирался Рори Эйлифсон. Если «купцы» оказывались чересчур стойкими и выбрасывали в море шедших на abordаж «пиратов», Рори первым выбирался из воды с воинственным кличем и в конце концов всегда добивался победы.

Однажды внезапно налетевший шторм унёс его лодку далеко в море. Целые сутки боролся Рори с волнами, и когда спасательная флотилия нашла его, голодный, иззябший, он наотрез отказался перейти в другую лодку и сам привёл своё суденышко в гавань. Было ему в ту пору одиннадцать лет, и об этом подвиге Рори с великой похвалой говорили все Гебриды.

Для своего возраста мальчик был очень рослым и сильным, от матери, пленной гречанки, он наследовал кудрявые чёрные волосы и смелые чёрные глаза. Среди белокурых, белолицых, голубоглазых норманнов черноглазый Рори Эйлифсон с его смуглой кожей и тёмной шевелюрой казался залётной птицей с далёкого юга. И, быть может, именно потому, что он был так непохож на своих сверстников, дети севера безропотно слушались его во всём и по его приказу пускались на самые дерзкие затеи. Но и взрослые уважали Рори за мужественный характер, за непоколебимую стойкость, с которой он готовился к трудностям мореходного ремесла.

С первого же дня, как к берегу Льюиса причалила «Фрейя», Рори Эйлифсон заявил, что обязательно отправится с Лейфом в плавание на его корабле.

Напрасно Лейф пытался успокоить Рори обещаниями, что он возьмёт его с собой, когда приплывёт на Гебриды в следующий раз, что ждать этого недолго – всего одну зиму, что за это время Рори подрастёт, научится ещё лучше управлять со снастями и станет достойным матросом «Фрейи». Мальчик не признавал никаких отговорок.

Ещё более щекотливым стало положение Лейфа Эриксона после его брака с Торунной. Теперь слово «дядя» означало не просто вежливое обращение младшего к старшему, оно выражало их родственные отношения, а родство было у норманнов святым делом.

«...В самом деле, почему бы мне не взять с собой мальчугана, – раздумывал Лейф. – В нём соединились отвага отца, погибшего в набеге на Францию, и пылкая южная кровь матери. Если я оставлю его здесь, он захиреет в этом глухом углу, среди мирных рыбаков и скотоводов...»

Судьба Рори решилась, когда мальчик сказал, что если дядя Лейф не возьмёт его в плавание, он всё равно убежит на любом корабле, который появится у берегов Льюиса.

Все поняли, что угроза мальчика не пустые слова, и ярл Геллир, которому принадлежал решающий голос на семейном совете, наконец, произнёс:

– Хорошо, Рори, я отпускаю тебя в дальние странствования, и пусть тебя хранят Христос и пресвятая дева!

Рори в восторге бросился на шею деду, а старая нянька Тордис, убеждённая язычница, втихомолку пробормотала:

– Пусть лучше будут его покровителями великий отец богов Один и все могучие Асы...⁶⁴

Прощаясь с мужем перед отплытием его корабля, Торунна шепнула, смущённо спрятав лицо в ладонях:

– Милый мой, у нас будет ребёнок...

– Вот видишь, родная, как я был прав, когда отказывался взять тебя в плавание. Ведь в случае несчастья погибли бы не только мы с тобой, но и наш сын и наследник...

– А ты уверен, что у нас будет сын? – перебила Лейфа Торунна, засмеявшись.

– Я знаю это так же твёрдо, как то, что солнце восходит на востоке, – ответил Лейф. – И знаешь что, Торунна: назови мальчугана Торгильсом, это моя неперменная воля...

⁶⁴ В скандинавской мифологии Асы – боги, обитавшие на небе, в заоблачной стране.

Сага о Лейфе Счастливом утверждает, что Торунна обладала даром предвидения. И этот дар заставил её сказать:

– Да, ты прав, дорогой: у нас будет сын Торгильс, и в жизни его произойдёт много необычайного. Но я предвижу и то, что ты не скоро увидишь меня и Торгильса – судьба поставит между нами много препятствий...

Торунна оказалась права: Лейф Эриксон увидел жену и сына лишь через несколько лет, и в эти годы он совершил великие дела.

Сказания скальда Снорре

Как видно, и Христос и скандинавские боги оказались милостивы к влюблённому Лейфу Эриксону. Плавание «Фрейи» с Гебрид к берегам Норвегии протекало благополучно, к большому разочарованию Рори, которому до страсти хотелось побороться с бурей. Утешение мальчуган нашёл в дружбе со Снорре Мудрым.

Небольшого роста, с красным обветренным лицом, с седыми волосами и маленькими слезящимися глазками, скальд знал бесчисленное количество историй про богов, про их битвы с великанами, про то, как боги в образе людей ходили по земле. Эти истории он рассказывал юному мореходу, и тот с упоением слушал их, как волшебные сказки.

В один из погожих осенних вечеров, когда заря золотила лёгкие облачка на западном небосклоне, Снорре рассказал мальчику занятный случай, приключившийся с богом Тором.

У норманнов величайшим позором для мужчины считалось, если он надевал женское платье. Но вот что однажды произошло с громовержцем Тором.

Целых три года воевал Тор с жестокими великанами Гримтурсенами, которые хотели завоевать Асгард, страну богов. Наконец враги были разгромлены и бежали. И тогда Тор выпряг двух быстроногих козлов из колесницы, на которой всегда ездил, и улегся спать на зелёном лугу. Свой очарованный⁶⁵ молот Мйольнир он положил рядом, под боком.

Каковы же были гнев и огорчение бога, когда, проснувшись, он не нашёл молота: кто-то во время его сна стащил заколдованное оружие. Пришлось обратиться за помощью к богу огня Локи; ему одному признался Тор в своей беде.

Локи, повелитель огня, не происходил из семьи богов. Он был родом из великанов, но его допустили в Асгард за необыкновенный ум и хитрость. На злого и коварного Локи трудно было положиться, но если требовалось что-нибудь разузнать, никто лучше него не справлялся с делом.

Локи, обратившись в сокола, полетел в Йётунхейм, страну великанов. И там он разведal, что молот Мйольнир украл великан Трим. Трим хвалился своей проделкой. Он сказал, что он вернёт молот лишь в том случае, если за него отдадут замуж богиню Фрейю.

Боги собрались на совет. Что было делать? Потеря Мйольнира означала для них огромную беду. Ведь только при помощи очарованного молота удавалось им отбивать нападения великанов. Теперь они стали беззащитны против их грозной силы.

Кроткая богиня любви Фрейя впервые в жизни рассердилась, когда Тор предложил ей отправиться в Йотунхейм и стать женой Трима.

– Ты сам проспал молот, – сказала она, – сам его и выручай!

И тут подал хитрый совет страж радуги Хеймдалль.

– Друг Тор, почему бы тебе не надеть женское платье и самому не отправиться к Триму под видом Фрейи?

Громовержец возмутился:

– Мне?! Женское платье?! Никогда я не унижусь до такого позора!!

– А ты бы не спал так крепко! – ехидно усмехнулся кто-то из богов.

Тор призадумался, а тут на помощь ему пришёл любитель опасных приключений Локи.

– Ладно уж, помогу тебе, – проворчал он. – Ты переоденешься Фрейей, а я наряжусь твоей служанкой, и вдвоём с тобой мы одурачим великанов...

Тор сразу повеселел: позор легче переносится, если его делит с тобой кто-нибудь другой.

Богов нарядили женщинами. Тора одели в длинное платье, лицо и рыжую бороду закрыли плотной брачной фатой. Безусый и безбородый Локи удачно изобразил служанку.

Узнав о том, что боги отдают ему Фрейю в жёны, великан Трим возликовал и устроил роскошный пир, на который созвал множество гостей.

И вот за пиршественным столом появились «невеста» и «служанка». Дорога в Йотунхейм была

⁶⁵ В сказках и сагах «очарованный» равносильно слову «заколдованный».

длинная и трудная, Тор сильно проголодался и, позабыв осторожность, съел целого быка и восемь громадных лососей, выпил бочку крепкого пива.

«Однако ж нелегко будет прокормить такую жёнушку», – озабоченно подумал Трим.

Вслух он сказал:

– Кто в жизни видал столь прожорливых жён?

Не видел я век, чтоб невеста так ела,

И мёду так много умела бы выпить!

Но Локи был хитёр и находчив. Он объяснил:

Целых восемь ведь дней Фрейя не ела –

Так страстно стремилась в край Трима она...

Трим хотел поцеловать невесту, но увидел сквозь фату огненные глаза бога Тора. Он в испуге воскликнул:

С чего горят очи Фрейи так грозно?

Кажется, словно в них пламя пылает!

Мнимая служанка и тут нашлась:

Целых восемь ночей Фрейя глаз не смыкала, –

Так страстно стремилась в край Трима она...⁶⁶

Простодушный великан поддался на уловки Локи. Молот Мйольнир он запрятал в глубоком подземелье, где боги никогда не смогли бы его найти. Но, расчувствовавшись, Трим послал за ним сестру, и молот был преподнесен «невесте», как свадебный подарок.

Лишь только заколдованное оружие оказалось в руках бога грома, всё изменилось в одно мгновение. Тор сбросил фату, сорвал с себя ненавистное платье, и под ним оказались боевые доспехи. Началась беспощадная расправа. Трим и его гости были сражены молниеносными ударами Мйольнира.

Так страшное оружие вернулось в Асгард, и боги снова почувствовали себя в безопасности. Но Тор всегда со стыдом вспоминал, как ему пришлось надеть женское платье, и не терпел никаких разговоров на эту тему.⁶⁷

Старый скальд Снорре закончил эту сагу, когда на море уже спустилась ночная тьма, и тотчас погнал мальчугана спать.

Много других сказаний услышал Рори от мудрого скальда. Снорре часто рассказывал ему про отца богов Одина.

У Одина был только один глаз, а другого он лишился по своей собственной воле.

В стране великанов Йотунхейме есть чудесный источник. Кто напьётся его воды, для того в мире не будет ничего тайного. Но доступ к нему невозможен: источник стережёт могучий великан Мíмир, он убивает всех, кто пытается пробраться мимо него без спроса.

Когда Один был ещё молод, он совершил далёкое путешествие из Асгарда к источнику Мимира и просил у великана позволения напиться удивительной воды. Великан сказал:

– Ты получишь разрешение, если отдашь свой правый глаз.

И Один рассудил так:

– Мудрость стоит дороже глаза. Умный и одним глазом увидит больше, чем дурак двумя.

С тех пор не осталось тайн для Одина ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем.

Рори захотелось узнать, откуда на земле появились люди. Когда он жил в Геллирскхольте, он слышал от патера Рагнара Гуннарсона, что первых людей сотворил христианский бог: Адама он сделал из глины, а Еву из его ребра. Но этот рассказ казался мальчугану слишком уж простым и незанимательным по сравнению с увлекательными сагами скальда. Снорре рассказал о сотворении людей так.

Задумав населить землю, Один отправился на берег моря и там нашёл два дерева – ясень и ольху. Из ясеня Один вырезал мужчину, назвав его Аском; из ольхи была сделана женщина Эмбла. Кто-то из богов вдохнул в деревянные фигуры жизнь, другой наделил их разумом, третий наполнил жилы кровью... От Аска и Эмблы пошёл человеческий род.

Выслушав рассказ, Рори весело блеснул чёрными глазами и воскликнул:

– Рассказ дедушки Снорре мне нравится гораздо больше! Приятнее чувствовать себя сделанным из благородного ясеня, чем из грязной, противной глины...

Старый скальд рассмеялся и похлопал мальчугана по плечу.

Конунг Олаф Трюгвесон

⁶⁶ «Эдда. Скандинавский эпос». Перевод С. Свириденко.

⁶⁷ «Песня о Триме» считается самой древней из песен «Эдды». Она появилась в Норвегии около 900 года.

После недельного перехода, не омрачённого никакими неприятностями, «Фрейя» бросила якорь у норвежского побережья, в гавани города Нидарос.⁶⁸ Там проживало немало богатых купцов, и Лейф Счастливый быстро закончил свои торговые дела. Он выгодно распродал отцовские товары и по сходной цене закупил всё необходимое для зимовки в «Крутом склоне».

Времени терять не приходилось, и Лейф собирался отплыть в Гренландию, когда неожиданное происшествие спутало все его планы. За ним явился посланец короля Олафа Трюгвесона⁶⁹ с просьбой прибыть к королю для важного разговора. Лейф не был подданным норвежского короля, но пренебречь желанием столь могущественного властителя не счёл возможным. А вдруг король призывает его, чтобы объявить: «Эрику Рыжему прощены прежние вѣны, и он может вернуться на родину».

Конечно, Эрик вряд ли покинет Гренландию, где успел прочно обосноваться и пользуется большим вниманием, но всё же приятно на старости лет смыть клеймо изгнанника.

И молодой моряк отправился к конунгу. В ожидании возвращения Лейфа Снорре рассказал своему питомцу историю Олафа. Эта история была столь удивительная, что больше походила на сказку. О ней сложена сага, откуда мы и знаем о необычайных событиях, случившихся в жизни Олафа Трюгвесона.

Эта длинная сага будет рассказана очень кратко.

Отец Олафа был убит соперниками в борьбе за королевскую власть. Такая же участь угрожала и его наследнику, новорождённому Олафу, но его мать Астрида убежала с сыном в соседнюю Швецию и два года укрывалась там у друзей. А потом она отправилась, в путешествие по Балтийскому морю – навестить брата Сигурда, проживавшего на Руси. Корабль, на котором плыли Астрида и Олаф, захватили эстляндские⁷⁰ пираты. Несколько лет маленький Олаф провёл в рабстве, а потом его случайно нашёл дядя Сигурд, выкупил у хозяина и привёз в Холмгард, столицу Гардарикии.⁷¹

Князь Валдамар⁷² принял Олафа в свою дружину, и на Руси юноша прожил девять лет.

«Был он красивее, больше ростом и сильнее всех мужей, а в искусствах превосходил всех норвежцев, о которых говорят саги. Олаф вырос в Гардарикии и возмужал прежде мудростью, силами и крепостью, нежели летами».⁷³

Много походов совершил Олаф под знаменами конунга Валдамара, много совершил славных подвигов. Большим событием в жизни Олафа оказалось путешествие в Англию, где он принял христианство. Когда Олаф вернулся в Норвегию с большой дружиной и завоевал власть в борьбе с враждебными ярлами,⁷⁴ он уже исповедовал христианство.

Такова была история жизни конунга Олафа, к которому отправился Лейф Эрикссон.

* * *

Начало разговора с конунгом Олафом разочаровало Лейфа Эриксона. Правда, Олаф очень лестно отзывался об Эрике Рыжем, о его замечательных путешествиях, завершившихся открытием Гренландии. Но даже и речи не зашло о том, что Эрику разрешается возвратиться в Норвегию. Конунг призвал к себе Лейфа Счастливого совсем с другой целью.

Как всякий новообращённый, Олаф Трюгвесон был ревностным христианином. Но его подданные не очень стремились принимать новую веру, и конунг в своём рвении не останавливался перед жестокими мерами. И часто старинная вражда между соседями заканчивалась тем, что христианин убивал язычника под благовидным предлогом «распространения истинной веры».

Беседа, начавшаяся в приёмной короля, продолжалась в пиршественной зале, где ежедневно собирались друзья и соратники Олафа. Конунг сказал:

– Почтенный Лейф, я много слыхал о твоих удачах в торговых делах, и знаю, как ты умеешь убеждать людей. И я хотел бы, чтобы ты, возвратившись в Гренландию, распространял там христианство, как мой посол. Я полагаю, что светоч истины должен разгореться и в этой стране, расположенной на краю ведомого нам мира.

Лейф с улыбкой ответил:

– Ваше величество, я слишком недавний христианин для того, чтобы взять на себя смелость стать проповедником новой веры. Да и отец мой – закоренелый язычник. Вряд ли он ласково меня встретит, если узнает о миссии, которую вы на меня возлагаете.

После настойчивых уговоров короля и обещаний поддержать его, Лейф согласился.

⁶⁸ В Нидаросе (ныне Тронхейме) в те времена жили норвежские короли.

⁶⁹ Олаф Трюгвесон (969 – 1000).

⁷⁰ Эстляндией в старину называлась Эстония.

⁷¹ Холмгард – Новгород. Гардарикия – Древняя Русь.

⁷² Валдамар – Владимир Красное Солнышко (978 – 1015).

⁷³ Подлинный текст из «Саги об Олафе».

⁷⁴ Это произошло в 995 году. Олафу тогда исполнилось 26 лет.

– Если уж так велико ваше желание сделать меня первым апостолом⁷⁵ Гренландии, я попытаюсь стать им, но только из любви и уважения к вашему величеству. И я совершенно не ручаюсь за успех.

– Ты принесёшь в свою страну счастье, – воскликнул захмелевший король, обнимая Лейфа, – недаром же ты заслужил своё прозвище!

Король предложил Лейфу остаться при нём до весны и дал ему почётную должность в своей дружине. Кормчий Гест Альвирсон повёл «Фрейю» в Гренландию, но Снорре Мудрый и его питомец Рори остались при королевском дворе.

Рори Эйлифсон и дельфины

Зима 1000 года прошла под знаком усиливавшейся враждебности ярлов к конунгу Олафу Тригвесону. Не раз приходилось Олафу отправляться в походы против восставших аристократов. Среди прочих дружинников короля сопровождал Лейф Эриксон, но все мольбы Рори «взять его на войну» не имели успеха. Зато Снорре рассказывал ему множество саг, и мальчик слушал их с интересом.

И вот пришла весна. На деньги, полученные от конунга, Лейф снарядил корабль, который назвал «Торунной», набрал экипаж. Провожая своего посла, конунг Олаф снова убеждал его сразу же по приезде заняться распространением христианства среди язычников.

Лейф отправился в плавание с твёрдым намерением побывать на Гебридах, забрать жену с ребёнком и отвезти их в отчий дом. Но ветры оказались неблагоприятными, и Лейфу пришлось отказаться от своего замысла. «Торунне» часто приходилось бороться с непогодой и подолгу лавировать на одном месте. Где-то на правом траверзе корабля находилась Исландия, но до острова было так далеко, что только дым от извержения одного из многочисленных вулканов виднелся на северном горизонте.

Был вечер. Команда ужинала в трюме, кормчий Ульв Халльсон, по прозвищу Воловьё Нога, вёл судно по курсу, а Рори один стоял на палубе близ деревянного изображения бога ветров Нйодра, который протягивал вперёд правую руку, точно увлекая за собой корабль.

Какая-то тёмная масса, похожая на хребет высунувшегося из воды морского чудовища, привлекла внимание Рори. Он сильно перегнулся через борт, стараясь получше рассмотреть непонятный предмет. В этот момент «Торунну» сильно колыхнуло набежавшей волной, и Рори, не успев даже вскрикнуть, полетел в море.

Мальчика хватились не скоро. Лейф полагал, что он слушает на палубе рассказы Снорре, а старый скальд давно уже спал. Кормчему Ульву, занятому тяжёлой работой, не было дела до того, где проводит Рори своё время. Матросы, новые люди, ещё не свykшиеся ни друг с другом, ни с кораблем, увлечённо расправлялись с вечерней едой, и их всецело поглощало это занятие.

Лейф вышел на палубу, когда догорела вечерняя заря. Он созвал Рори и Снорре, но ответа не было. Поднялась тревога. Спящего скальда нашли в трюме, и он сказал, что давно распрощался с Рори. Обыскали весь корабль, заглядывали даже в такие щели, где рослый, широкоплечий мальчуган уж никак не мог притаиться.

Лейфа Эриксона охватила смертельная тоска. Вот как отплатил он за доверие Геллира Белого, за доверие Торунны, которые поручили его заботам своего любимца и надеялись, что Лейф станет мальчику вторым отцом.

Унесла ли его в своих когтях невидимая волшебная птица, или змея Митгард тайком высунула из моря страшную голову и ухватила жертву огромными зубами?.. Впрочем, не всё ли равно? Никакие сожаления, никакие виры⁷⁶ родичам погибшего мальчугана не поправят дело...

– Нет! Не верю! – вскричал вдруг громовым голосом Лейф. – Не мог погибнуть Рори, которого в жизни ждут, я это чувствую, великие дела! Спустить парус, остановить корабль! Мы обыщем всё море вокруг лишь только рассветет...

Матросы поспешно бросились исполнять приказ Лейфа, а кормчий Ульв Халльсон повернул корабль на восток.

Рори Эйлифсон не утонул. Загадочный предмет, который послужил причиной его падения, оказался небольшим причудливого вида островком пемзы,⁷⁷ плавающим в море. Счастье сопутствовало Рори: он свалился прямо на плавучий островок, длина и ширина которого доходили до двух десятков локтей. От удара о каменную поверхность у Рори перехватило дыхание, и когда к нему вернулся голос,

⁷⁵ Апóстол (греч.) – ревностный последователь и распространитель какого-нибудь учения.

⁷⁶ Víra – в старину денежный штраф за убийство человека.

⁷⁷ Пёмза – пористая горная порода, образующаяся при извержении вулканов. Удельный вес её меньше удельного веса воды, поэтому в воде она плавает. Большие количества пемзы попадали в море из подводных вулканов, расположенных у исландских берегов.

он с ужасом увидел, что корабль отошёл уже далеко.

Напрасно кричал Рори, размахивая руками: «Торунна» быстро удалялась, а Воловья Нога, слух которого ослабел с годами, ничего не слышал. Скоро ночная тьма скрыла корабль, и Рори Эйлифсон оказался один на каменном плоту посреди безграничной Атлантики.

Но мальчик не пал духом. Несмотря на весеннее время, он был тепло одет. Поверх вязаного белья и фуфайки на нём был кафтан на лисьем меху, меховые шаровары, на ногах войлочные чулки и высокие кожаные сапоги, на голове меховая шапка с наушниками.

Странное чувство овладело мальчуганом: ему казалось, что удивительное происшествие случилось не с ним, а с героем одной из тех саг, которых так много рассказывал, ему дядька Снорре...

«Будет чем хвастать перед ребятами, когда я вернусь на Льюис, – подумал мальчик. – Долговязый Болли с ума сойдёт от зависти...»

И убаюканный мерным колыханием каменного плота, Рори сладко уснул, уютно свернувшись калачиком.

Мальчика разбудили брызги холодной воды, попавшие ему на лицо. Рассветало. Ветер крепчал. Каменное суденышко Рори, похожее на хребет морского чудища, сильно раскачивалось. А повсюду вокруг было только море с белыми гребешками волн.

«Неужели ушли... – тоскливо думал Рори. – Нет».

И он с надеждой смотрел на западный горизонт, мечтая увидеть там тёмный корпус «Торунны» с её высокой мачтой, сделанной из сосны.

Но тут новая тревога охватила Рори. Он услышал лёгкое потрескивание. Оказалось, что приютившая его глыба пемзы не монолитна: её прорезали извилистые трещины, и они расширились прямо на глазах. Причиной тому оказалась качка.

Рори внимательно оглядел своё маленькое владение. Он прикинул, где ему лучше устроиться, чтобы в момент катастрофы остаться на большем обломке «плота». Он рассчитал верно, но «плот» продолжал разрушаться. Ещё и ещё раз пришлось невольному путешественнику расстаться с частью своего утлого суденышка, и он с ужасом думал о том, что наступит время, когда оставшийся под ним кусок не выдержит его веса. И тогда – неизбежная смерть в волнах...

А корабля всё не было видно.

Когда Рори уже потерял всякую надежду на спасение, близ плота внезапно вынырнули две длинные чёрные морды с блестящими умными глазами.

– Дельфины! – с удивлением и радостью вскричал мальчуган.

Рори много раз видел этих любопытных морских зверей близ побережья Льюиса. Они кувыркались у его лодки, делали вокруг неё круги, ныряли под неё. А однажды дельфин доставил к берегу бесчувственного рыбака с лодки, разбитой штормом. Воспоминание об этом случае заставило мальчика воскликнуть с мольбой:

– Дельфины, милые дельфины, спасите меня!

И дельфины словно поняли его призыв. Подплыв к плоту с двух сторон, они подперли его своими боками, а потом... Потом два великана (северные дельфины намного крупнее своих собратьев из тёплых вод) заработали мощными плавниками, хвосты их вспенили воду, и плот Рори быстро помчался на запад...

На корабле «Торунна» были смятение и тревога. Всю короткую весеннюю ночь корабль пробивался к востоку на вёслах. Как всякое норманское судно, «Торунна» имела вёсла на случай штиля, но сейчас ей пришлось двигаться против ветра. Правда, ветер послужил мореходам надёжным ориентиром, не позволяя кораблю сбиться с курса (Лейф только молился всем богам, чтобы направление ветра не изменилось).

«Торунна» располагала шестью парами вёсел, и все они были пущены в ход. Люди сменяли друг друга, и даже Лейф и Снорре садились на места уставших матросов. Старого скальда охватило полное отчаяние: он жестоко обвинял себя в том, что недосмотрел за Рори, не уложил его вовремя спать. Напрасно Лейф утешал его и брал вину на себя.

– Нет мне прощения, старому дураку, – угрюмо повторял скальд. – Если мы не найдём Рори, я этого не переживу...

На что надеялись Лейф и Снорре? Казалось, мальчуган неминуемо должен был погибнуть в холодных волнах, и всё же... всё же какое-то смутное чувство заставляло людей напрягать все силы и гнать корабль к востоку.

И вдруг... Вдруг там, у линии горизонта, освещённой восходящим солнцем, показалось тёмное пятнышко. Пятнышко быстро приближалось, росло. Оно превратилось в серый овал с неровными краями, и на этом овале что-то шевелилось.

Прошло ещё несколько минут, и остроглазый Лейф рассмотрел маленькую человеческую фигурку,

стоявшую на коленях и размахивавшую руками!..

Сердце Лейфа чуть не разорвалось от радости, а экипаж разразился неистовыми криками.

Люди с «Торунны» догадались, что мальчик находится на «плоту» из пемзы, такие плавучие куски её они не раз встречали на море. Но они не могли понять, какая сила так быстро движет маленькое убежище Рори. Всё разъяснилось, когда корабль и плотик приблизились один к другому на сотню ярдов.⁷⁸

– Дельфины! Клянусь Тором и всеми бессмертными богами, его везут дельфины! – в неописуемом удивлении и восторге заорал старый Снорре. – Я сложу сагу, и это будет самая удивительная из всех саг, какие когда-либо рассказывались скальдами!..

Дельфины заботливо подвели каменное суденышко Рори к самому борту «Торунны» и лишь после этого, махнув хвостами будто на прощание, исчезли в морской глубине.

Десяток рук протянулись к Рори, помогая ему взобраться на палубу. Мальчуган был безмятежно весел, с беспечностью, свойственной детству, он уже позабыл о пережитых страхах и думал лишь о том, как поразит ребят с Льюиса рассказом о своих необычайных приключениях.

Снорре, прижимая мальчика к груди, весело воскликнул:

– Ну, парень, уж если ты благополучно выпутался из такой передраги, то жить тебе до ста лет!

А Лейф Эриксон весело подхватил:

– И прозываться отныне ты будешь Дельфином!

Восторженный рёв экипажа закрепил данное Рори Эйлифсону прозвище навсегда.

По просьбе мальчугана один из матросов спустился с инструментами на спасительный «плотик» и отколол от него порядочную глыбу. Эта глыба всегда будет напоминать Рори о его необыкновенном приключении, и он станет хранить её, как самый дорогой сувенир.

Корабль повернул на запад.

Как Лейф Эриксон проповедовал христианство

«Крутой склон» торжественно отпраздновал возвращение Лейфа Счастливого. Старый Эрик ещё осенью прошлого года от кормчего «Фрейи» Геста Альвирсона узнал о важных событиях, происшедших в жизни сына.

Известие о переходе Лейфа в христианскую веру привело вспыльчивого Эрика в ярость, но с тех пор прошло несколько месяцев, и гнев старого ярла остыл. Сильно смягчил его сердце рассказ молодого Геста о том, что Лейф приглашён ко двору самого конунга Норвегии Олафа Трюгвесона, что он принят там благосклонно и что по воле конунга Лейф остался зимовать в Норвегии. Честолюбие старика выиграло при мысли, что его сын, служа Олафу, может возвыситься и принести новую славу их древнему роду.

Сообщение о женитьбе сына Эрик выслушал с удовлетворением: взяв за себя дочь ярла Геллира Белого с Гебрид, Лейф не уронил достоинства дома. Матушку Тьёдхильду и всех домашних привёл в восторг подарок, присланный невесткой: прекрасное янтарное ожерелье.

В «Крутом склоне» вторично отпраздновали свадьбу, хотя и в отсутствие Торунны. Вина и пива было выпито достаточно, старые родители Лейфа, его братья Тóрстейн и Тóрвальд веселились вовсю.

Когда с празднованием было покончено, Лейф вспомнил о задаче, возложенной на него конунгом, – проповедовать христианство. Не с лёгким сердцем приступил он к выполнению этой обязанности, но ведь он дал слово королю Олафу, а слово викинга – закон.

Против ожиданий новая вера распространялась среди гренландцев быстро, хотя новоявленный проповедник не слишком хорошо разбирался в основах христианской религии. Кое-что он слышал о ней от Торунны, кое-что рассказал Лейфу окрестивший его патер, а остальное он разузнал во время пиров за королевским столом, когда звенели чары и раздавались заздравные тосты.

Естественно, что и теперь проповедь нового учения происходила в дружеских беседах за чашами вина. И выходило из рассказов «апостола» Лейфа, что новая вера мало чем отличается от старой. Только вместо отца богов Одина, правящего миром из своей небесной резиденции в Асгарде, надо чтить богато-отца Саваофа, также обитающего на небесах.

По скандинавской мифологии, сын Одина, прекрасный и чистый сердцем Бальдур, погиб от коварства Локи и опустился в подземное царство мрачной Хель. А по учению христиан, кроткий сын Саваофа Иисус Христос, преданный коварным Иудой, был распят на кресте за грехи людей и тоже снизошёл в обитель мёртвых. Правда, он пробыл там только три дня, а потом воскрес и вознёсся на небо. Но эта разница в судьбах двух богов как раз и показывала, что христианские боги сильнее

⁷⁸ Яр – старинная мера длины, около 0,9 метра.

языческих, а значит, есть прямой резон передаваться на их сторону.

И всё остальное так же гладко разъяснялось проповедником Лейфом. Души викингов, погибших на поле брани, возносятся валькириями в Валгаллу и там пируют за столом Одина.

А как у христиан? Да то же самое. Души павших за веру отправляются в рай в сопровождении ангелов и там, у престола божия, в компании святых, их ждёт бесконечное блаженство.

Скандинавские мифы полны рассказами о великанах, об их вражде с богами. А что говорят христиане? У них тоже был великан по имени Голиаф; его сразил из пращи юный викинг Давид и отрубил ему голову.

– Были ли у них герои? Да сколько угодно! Вот одного звали... Эх, позабыл!.. Да... Сын Сама (рассказчик подразумевал библейского богатыря Самсона). Он один перебил лошадиной челюстью⁷⁹ три тысячи врагов: в его руках это неказистое оружие действовало не хуже молота Мйольнира! А в другой раз сын Сама для потехи унёс на своей спине городские ворота...

После таких «авторитетных» разъяснений, приправленных чарами вина, собеседникам Лейфа ничего не оставалось, как объявить о своём согласии принять христианскую веру.

Обряд крещения совершался легко и просто. Лейф Эриксон погружал пальцы в кувшин с водой, освящённой в Норвегии епископом Эйнарсом Кнудсоном (когда запас воды истощался, Лейф подливал новой), брызгал ею на новообращённого, надевал ему на шею медный крестик на шнурке и торжественно возглашал, что такой-то Кéтиль Плосконосый или Хáрек Истребитель Трески, является христианином и пребудет таковым до конца своих дней.

Так число христиан в Гренландии росло в зависимости от количества выпитых фляг вина. Бывало так, что иной бонд заявлял, что он примет христианство лишь в том случае, если Лейф его перепьет. В таких состязаниях молодой силач Лейф был непобедим, и слава его гремела по всей стране.

Первой новообращённой стала мать Лейфа, добродушная Тьёдхильда. Она оказалась настолько ревностной христианкой, что построила поодаль от господского двора, на ничейной земле, церковь, названную киркой⁸⁰ «Тьёдхильды». Там набожная мать семейства и принявшие новую веру слуги и соседи, собирались, читали молитвы, пели гимны, которым их с грехом пополам обучил Лейф.

Только Эрик Рыжий остался верен своим языческим убеждениям и заявил, что он ни на кого не променяет отца богов Одина, громовержца Тора и прочих могучих обитателей Асгарда.

* * *

Рори Эйлифсон тем временем рос и мужал. Лицом он вышел в мать, такой же смуглый, черноволосый и черноглазый, а высоким ростом удался в отца, смелого викинга из дружины Геллира Белого. Был он искусен во всех воинских упражнениях, метко стрелял из лука, далеко метал копье, ловко орудовал мечом. В кулачном бою среди ребят «Крутого склона» и соседних господских дворов не было ему равного.

Но главной его любовью по-прежнему оставалось мореходное дело. В долгом плавании от Нидароса до Гренландии он работал наравне с матросами, мыл палубу, ставил и убирал парус и даже пытался управлять кораблем, хотя ворочать тяжёлое правило ему было ещё трудновато.

Жизнь в «Красном склоне» нравилась юноше. Здесь никто не стеснял его свободу. Названный отец Лейф целыми неделями не показывался дома, разъезжая по дальним поселениям с проповедью христианской веры. Эрик Рыжий не обращал внимания на «мелюзгу», как он называл ребят господского двора. А Снорре Мудрый считал, что воспитывается Рори правильно, как подобает молодому викингу.

И пока море было свободно ото льда, Рори пропадал на воде целыми днями. Он маневрировал с парусом, греб вёслами, а когда это занятие ему надоедало, принимался ловить рыбу. На исходе долгого летнего дня он появлялся в «Крутом склоне», загорелый, пахнущий морем, и небрежно бросал рабыням огромную связку трески или лососей.

К новым берегам

Прошёл год. Лейф Эриксон успешно выполнил свою миссию. Среди гренландских поселенцев осталось мало таких, кто ещё не принял новую веру. Это были либо обитатели глухих углов, куда трудно добираться, либо забубённые головы, для которых посещения Лейфа оказывались только предлогом хорошо попить.

Ни во время поездок по стране, ни в охотничьих и рыболовных вылазках, ни у очага в низкой закопчённой зале «Крутого склона», – нигде не забывал Лейф Эриксон Торунну. Всюду чудилась ему

⁷⁹ В библейском сказании говорится об ослиной челюсти, но в Норвегии не знали ослов.

⁸⁰ Кёрка (сканд.) – церковь.

стройная фигура любимой женщины, её лицо с ласковыми голубыми глазами, озаренное приветливой улыбкой.

А его дитя? Кто он – мальчик или девочка? На кого походит – на отца или на мать? Какое первое слово он произнес?

Лейф рвался на Гебриды, к жене и ребёнку. Но судьба решительно не благоприятствовала его намерениям. Лето 1000 года он посвятил распространению христианства в Гренландии. Весной следующего года Эрик Рыжий отправил в метрополию с товарами сразу оба корабля – «Фрейю» и «Торунну». «Фрейю» вёл Гест Альвирсон, а на «Торунне» рассчитывал отправиться Лейф. Но перед самым отплытием его свалила длительная тяжёлая болезнь: сказались трудные путешествия по стране, ночевки в ледяных пещерах, неумеренные выпивки в честь христианской веры. «Торунну» повёл брат Лейфа Торвальд.

Прошли лето и осень, а корабли не возвращались, известий из Норвегии не было. Эрика Рыжего и его семейство одолевала тревога. Пригласили гадалку, но она не сказала ничего определённого.

Лейф дивился дару предвидения Торунны. Ведь это она говорила, что судьба будет воздвигать между ними препятствия, и её предсказание сбывалось. И тут ему пришли на память рассказы стариков о том, как лет пятнадцать назад⁸¹ некий Бьярни Хёрьулвсон видел на западе от Гренландии неизвестные земли. Случилось это так.

Бьярни отправился на корабле «Улитка» из Норвегии в Гренландию, чтобы повидать отца, поселившегося вместе с Эриком Рыжим. Плавание оказалось трудным. Налетевшая где-то близ Исландии буря подхватила судно и повлекла неведомо куда.

Солнце, луна и звёзды скрывались за густыми тучами, и мореходы совершенно не представляли себе, куда их несёт ветер. Когда многодневная буря прекратилась, обрадованные люди увидели перед собой лесистый берег. Но это была незнакомая страна.

«Улитка» направилась к северу. Через несколько дней мореплаватели вновь оказались возле какой-то земли, на этот раз покрытой большими плоскими камнями. Один из матросов Бьярни утверждал, что это не Гренландия (он там побывал).

И снова «Улитка» рассекала волны своим форштевнем⁸² с изображением дракона, разинувшего зубастую пасть. На север, всё на север стремился корабль, там должна быть цель его пути. И вот ещё через неделю на горизонте появились горы, покрытые снегом.

– Ну, теперь это Гренландия! – обрадовались моряки, но скоро с разочарованием убедились, что перед ними совершенно безлюдная местность, где нет и следа человеческих поселений.

Бьярни Хёрьулвсон приказал повернуть корабль на восток. И когда вновь показался берег, путешественники с облегчением вздохнули. Они наконец прибыли в Вестербюгд, на юго-западное побережье Гренландии. Там Бьярни разыскал отца и получил от него и других поселенцев здоровенный нагоняй за то, что не побеспокоился хорошенько исследовать открытые им земли.

Прошло полтора десятка лет. Гренландцы, поглощённые повседневной суетой и мелочными заботами, не собирались оставлять насиженные места и отправляться в рискованное путешествие на запад, туда, где побывал Бьярни. Такое предприятие могло принести большую выгоду, а могло и обернуться катастрофой. Зачем же искушать судьбу?

И только Лейф Счастливым, для которого всё западное побережье Европы и воды океана вплоть до берегов Гренландии были знакомы, как окрестности отцовского поместья, загорелся неодолимым желанием вновь найти открытые Бьярни земли. Справедливости ради следует сказать, что в этом намерении его сильно поддерживал Рори: ему исполнилось 15 лет, ростом и силой, он мало уступал Лейфу. Эрик тоже благожелательно отнёсся к замыслу сына: старого ярла ещё не покинул дух авантюризма. Его пугали лишь расходы на экспедицию. Но в конце концов он раскошелился, правда, выговорив от сына половину всех доходов, которые принесёт Лейфу открытие новых земель.

Ранней весной 1002 года начались сборы. Лейф Эриксон кликнул клич, приглашая желающих отправиться в плавание в неведомые ещё моря, обещая хорошее вознаграждение. Смельчаков, готовых разделить с Лейфом труды и опасности дальней экспедиции, набралось больше тридцати человек. И конечно, среди них были Рори и Снорре Гудмундсон.

Постаревший, но ещё бодрый скальд с презрением отверг уговоры Лейфа поберечь силы и остаться дома на покое.

– Кто тогда сложит сагу о твоих подвигах в чужой стране? – ядовито спросил Снорре, и спор закончился.

Единственным кораблем, который могли быстро снарядить в дальнюю дорогу, оказалась старая «Улитка». Её владелец Бьярни Хёрьулвсон жил в Гренландии, не помышляя о новых плаваниях, и с

⁸¹ Саги относят это событие к 986 году нашей эры.

⁸² Форштевень (мор.) – заострённая носовая часть судна.

радостью продал Эрику судно за сотню золотых. Сделка закончилась пиром, во время которого Лейф и Снорре выпытали от Бьярни все подробности его невольного путешествия.

По предложению скальда «Улитку» переименовали в «Дельфина».

– Медлительная улитка нам не подходит, – объяснил старик, – Нас понесёт быстрый дельфин, подобный тем благородным рыбам, что спасли Рори.

Рори пришёл в неистовое восхищение: отныне он и корабль станут тезками.

«Дельфина» тщательно отремонтировали, заново проконопатили, просмотрели, переменили бимсы⁸³ и палубную настилку, укрепили мачту, поставили новые снасти, начиная с паруса и кончая якорным канатом. Всё это обошлось недешёво, но новый владелец корабля не жалел расходов, дело стоило того.

Бывалый мореход запасся провизией: свежим мясом, солониной и салом, вяленой рыбой, сухарями, луком и чесноком... В трюме рядами стояли бочонки с пресной водой. Но, конечно, никаких запасов не хватило бы, если бы экспедиция продлилась несколько месяцев. И Лейф вёз с собой рыболовные принадлежности – сети, гарпуны, удочки. Зверей предполагалось ловить капканами.

На случай, если придётся вступить в схватку с обитателями неведомых стран, имелось оружие – тугие луки с запасом стрел, мечи, кинжалы, щиты, прибитые, по обычаю, к бортам корабля. Боевые доспехи тоже нашли место в этом арсенале. Не был забыт кузнечный и плотничный инструмент.

За неделю до отплытия «Дельфина» в Эриксфиорде появилась «Фрейя» с Торвальдом и Гестом Альвирсоном на борту. Много новостей привезли они из Норвегии. Оказалось, что друг и покровитель Лейфа, король Олаф Трюгвесон, уже не правит страной. Он погиб летом 1000 года, вскоре после того, как Лейф покинул Нидарос. Олаф нашёл смерть в морском бою со взбунтовавшимися ярлами, призвавшими на помощь против конунга соединённый датско-шведский флот.

Власть захватили ярлы Эрик и Свенд. Народ в Норвегии волнуется; многие норманны, насильно обращённые Олафом в христианство, снова переходят в язычество.

Так как Олафа не стало, и некому было предъявлять права на «Торунну», купленную на королевские деньги, то практичный Торвальд продал её за хорошую цену. Вместе с деньгами, вырученными за товары, это составило приличную сумму. Эрик Рыжий был доволен: с лихвой покрылись расходы на экспедицию Лейфа. Полученный от Торвальда тяжёлый кошелёк с золотом ярл ночью зарыл в приметном месте.⁸⁴

Гест Альвирсон сообщил Лейфу радостное известие. Хотя ему и не удалось попасть на Гебриды, но в Нидаросе он встретил гебридского купца, и тот его уверил, что Торунна жива и здорова, растит сына Торгильса.

Эта весть чрезвычайно воодушевила Лейфа. Теперь он жалел только о том, что «Фрейя» не пришла хотя бы месяцем раньше. Тогда не пришлось бы занимать деньги у отца и делиться с ним будущими доходами. Он отплыл бы на «Фрейе» с верными дружинниками, на которых мог положиться с большим основанием, чем на случайно набранный экипаж. Но перерешать было поздно, словесный договор с новой командой уже заключили, а это было равносильно клятве.

Погожим июньским утром 1002 года началось плавание, предвосхитившее подвиг Колумба на целые полтысячи лет.⁸⁵

Провожать «Дельфина» собрались все обитатели «Крутого склона» и ближних поселений. Было высказано множество добрых пожеланий, смелых мореходов поручили заботам Христа и Богородицы и на всякий случай (чтобы не обиделись!) языческих богов Одина, Тора, Нйодра.

Дружно заработали длинные вёсла, уводя корабль из фиорда. И когда «Дельфин» оказался на морском просторе, Лейф Счастливый приказал повернуть судно на юго-запад. У правила стоял старый товарищ. Лейфа по многим плаваниям повзрослевший и набравший сил Гест Альвирсон, коренастый, широкоплечий юноша с добрым, открытым лицом.

Погода благоприятствовала смелым мореходам. Попутный ветер надувал большой красный парус, и судно весело бежало по волнам. У экипажа было мало дела, и люди собирались около скальда Снорре: его запас старинных сказаний казался неисчерпаемым.

Иногда то с правого, то с левого борта виднелись высокие фонтаны воды: это киты резвились в пустынных водах, от века не посещаемых людьми. Но мореходы не отвлекались на охоту: их влекла другая, более важная цель. Лейф Эриксон старался повторить путь, пройденный Бьярни, только в обратном направлении. После недельного плавания перед «Дельфином» открылся низкий берег, усеянный огромными, плоскими камнями.

– Здесь был Бьярни Херьулвсон! – радостно воскликнул Лейф.

83 Бимсы (мор.) – поперечные балки, на которые настилается палуба.

84 По верованиям скандинавов, человек, зарывший в землю деньги, будет ими пользоваться в загробной жизни.

85 Христофор Колумб вторично открыл Америку в 1492 году.

Утерянной и вновь обретенной земле дали название Хеллуландия, что означало Каменная страна.⁸⁶ Делать там было нечего, съестные припасы не требовали пополнения, и Гест Альвирсон повёл судно к югу. Ещё через несколько дней показался тот самый лесистый берег, найти который так мечтали гренландцы: ведь им до зарезу нужен был строевой лес. Эту местность мореходы называли Маркландией, Лесистой страной.⁸⁷

В Маркландии мореходы сделали длительную остановку. За долгие годы плаваний рангоут⁸⁸ корабля обветшал, но в Гренландии обновить его не было никакой возможности. Пришлось отправляться со старой мачтой, но она подозрительно потрескивала, лишь только немного крепчал ветер. А здесь, в Маркландии, перед восхищёнными взорами моряков стояли корабельные сосны⁸⁹ такого качества, что за них в Скандинавии дали бы большие деньги. Лейф Эриксон решил воспользоваться случаем и поставить новую мачту.

Среди команды оказался искусный корабельный плотник Адильс Хагнисон по прозвищу Верный Глаз. Пока Адильс и его подручные занимались своим трудным и ответственным делом, остальные члены команды охотились в прибрежных лесах.

– Наверно, в самой Валгалле нет такой охоты! – восторгались люди, вернувшиеся в первый же день с богатой добычей.

И в самом деле: здесь, на полном безлюдье, дичь была непуганая, попадалась она чуть не на каждом шагу. Лес изобилывал лосями и оленями, встречались медведи, волки, рыси. Меткие стрелы Рори сбивали с высоких веток грузных тетеревов. В речках было полно рыбы.

Провизией запаслись надолго.

– Хозяин, а почему бы тебе не обосноваться здесь? – спрашивали Лейфа некоторые из его команды. – Поставим дома, будем охотиться и ловить рыбу. А потом построим корабли, и ты станешь возить лес в Гренландию. Это же целое богатство...

Лейф не поддался на эти доводы. Дальше, дальше к югу намеревался он держать путь. Здесь, в этой глухой лесистой местности, нельзя было заниматься скотоводством, не годилась она и под пашню. А южная природа всегда богаче северной, и быть может, там вдали окажется обетованная земля.⁹⁰

Когда рангоут «Дельфина» был обновлён, судно покинуло укромную бухту, в которой стояло.

И вот пришёл долгожданный миг!

Рори Эйлифсон первым рассмотрел на юге, прямо по курсу корабля, плоский берег. Ветер к тому времени стих, люди сели за вёсла. И, по мере того как они приближались к земле, всё сильнее доносился до них медвяный аромат луговых трав.

По воздуху носились большие пёстрые бабочки, за ними гонялись проворные красношейки.⁹¹ Басовито гудел толстый жёлтый шмель, пролетающий над реей «Дельфина». Море словно застыло у песчаного пляжа...

– Вот он, блаженный Асгард, жилище богов... – в упоении прошептал старый Снорре. – Обетованная страна.

Корабль подошёл к берегу, насколько позволяла глубина воды. Лейф Счастливым первым высадился на землю и торжественно объявил её владением рода Эрика Рыжего.

Тем временем с носа и кормы «Дельфина» были спущены на канатах каменные глыбы, заменявшие якоря. Для большей надёжности вколотили в прибрежный песок длинное бревно и привязали к нему корабль.

Окинув взглядом роскошный луг, простиравшийся куда хватал глаз, Лейф Счастливый провозгласил:

– Я нарекаю сию землю, куда ещё не ступала нога европейца, Винландией.⁹² Более того, я нарекаю её Доброй Винландией и молю господу о том, чтобы сия страна отныне и до века была щедрой и доброй к нам и нашим потомкам, которые по милости божией размножатся здесь, как песок морской...

А скальд Снорре Гудмундсон слабым старческим голосом запел балладу, прославляющую подвиги Лейфа Эриксона и его отважных товарищей.

⁸⁶ Историки предполагают, что это была южная оконечность Баффиновой земли.

⁸⁷ По мнению историков, это восточный берег Лабрадора.

⁸⁸ Рангоут – мачта корабля со всеми относящимися к ним принадлежностями, реями, гафелями и т. п.

⁸⁹ Корабельными соснами называются такие, которые идут на выделку мачт. Они должны обладать особыми свойствами: прямизной, прочностью и т. д.

⁹⁰ «Обетованная земля» – место, куда страстно стремится человек: воплощение счастья и изобилия.

⁹¹ Красношейка – один из немногих видов колибри, водящихся в Северной Америке.

⁹² Винлândia (сканд.) – страна пастбищ. По мнению современных исследователей, это северная оконечность острова Нью-Фаундленд (мыс, ныне называемый Л'Анс-о-Медоу – Луговой залив).

Добрая Винландия

Окрестности мыса, на котором высадились гренландцы, оказались чрезвычайно разнообразными. Из большого пресноводного озера вытекала не широкая, но глубокая речка, изобиловавшая лососями (её так и называли Лососиной рекой). На одном из берегов Лососиной реки была роща прекрасного строевого леса, а на другом берегу обнаружили богатые залежи торфа. Луговые травы поражали высотой и сочностью, здесь могли пастись тысячные стада скота.

А сколько там было дичи! Лисицы охотились за мышами и землеройками, быстроногие олени, признав соседство человека опасным, перебрались на дальние луга, по густым камышам у озера бродили кабаны, в лесных зарослях прятались еноты, медведи в час отлива приходили на песчаный берег полакомиться рыбешкой, оставшейся в ямках. На озере гнездились утки разных пород, а над морем с криками носились чайки...

У охотников (а их немало было среди экипажа «Дельфина») глаза разбегались при виде всего этого роскошества, но Лейф держал команду в строгости. Он знал, что немного остаётся тёплых дней, что скоро придут осенние дожди, а за ними и зима с её морозами и снежными бурями. И потому охотиться разрешалось только Рори Эйлифсону и ещё двум-трём пожилым участникам экспедиции: им поручалось заготовить провиант на зиму. А все остальные принялись за постройку жилищ.

Избушки Лейф приказал возводить неподалёку от рощи, в лощине, защищённой от ветров. Застучали топоры, с жалобным стоном повалились вековые сосны. Адильсу Хагнисону и ещё нескольким поселенцам, знакомым с плотничным делом, хватало работы. Получив от лесорубов очищенные от веток и коры стволы, плотники вырубали в них пазы, делали на концах выемки, складывали срубы.

Фундаменты для изб полагалось делать из камня, но камня на этом берегу не было, и его пришлось заменить торфом, благо он оказался довольно плотным.

Одно из жилищ размерами значительно превосходило другие: расчёт был такой, что если зимой станет трудно с топливом, то в нём поселятся все обитатели Винландии, и сохранять тепло будет гораздо легче. А впоследствии, когда Лейф перевезёт в свои новые владения семью, это здание станет господским домом. Господский дом отделялся более тщательно, чем остальные строения. Он имел внушительные размеры – 25 на 20 локтей – и делился на шесть отдельных комнат с очагом в каждой. Конечно, о печах и дымовых трубах, не могло быть и речи – такое сложное дело не осилили бы поселенцы. А очаги представляли собою неглубокие ямы, дно и бока которых утрамбовывались глиной.

В таком первобытном очаге разводился костер. Люди старались, чтобы он поменьше дымил. На костре готовили пищу, костер обогревал помещение. Отверстие для выхода дыма делалось в крыше.

Именно в таких низких, закопчённых кельях с плотно утоптанном земляным полом, освещаемых тусклым светом жировика, предстояло поселенцам провести зиму. Но это их не пугало: ведь на родине, в Гренландии, жилища были ничуть не просторнее и обогревались такими же очагами.

Подняв срубы до нужной высоты, строители покрыли их толстыми пластами торфа: другого кровельного материала у них не нашлось.

Первое поселение в Винландии Лейф назвал Торгильсдалем в честь своего далёкого сына.

Вовремя появилась экспедиция Лейфа Счастливого в Винландии: еле успели управиться с постройкой жилищ, как погода начала портиться, травы на лугу увяли, начались дожди, осенние бури волновали море.

«Дельфину» для зимовки нашли укромную бухту. Мачту с него на всякий случай, сняли, а корабль с помощью кабестана⁹³ вытащили на плоский берег и плотно заколотили люки.

Оставалось выкопать глубокие погреба для хранения охотничьей добычи, и приготовления к зиме будут окончены. С этим несложным делом управились быстро. И вот первые снежинки посыпались с низкого, покрытого тучами неба...

По календарю Лейфа⁹⁴ выходило, что в Торгильсдале зима наступила гораздо позже, чем это бывало в Эриксфиорде. И Лейф сделал из этого правильный вывод: Винландия лежит намного южнее поместья его отца.⁹⁵ Да, впрочем, об этом ясно свидетельствовала и природа местности. Много пошатавшемуся по свету Лейфу Эриксону она казалась сходной с природой Северной Франции.

«Прекрасная страна, – думал молодой мореход. – Перевезти сюда Торунну и Торгильса и обосноваться до конца дней... И пусть здесь живёт и процветает мой род...»

Зима наступила внезапно. Трое суток крутила над полуостровом метель, и когда небо

⁹³ Кабестан – род лебедки с вертикальным барабаном.

⁹⁴ В те времена календарём служила длинная палка, на которой её владелец делал каждый день зарубку. Прошедшие недели и месяцы отмечались более длинными зарубками, которые иногда окрашивались.

⁹⁵ Мыс Л'Анс-о-Медоу лежит на 51° северной широты, десятью градусами южнее Эриксфиорда.

прояснилось, низкое солнце озарило поля, блестящие так, что смотреть на них было больно глазам и пришлось надевать снеговые очки.⁹⁶

С каждым днём становилось холоднее, морозы сковали море, по ледяным полям можно было уходить на много миль от берега.

Началась охота. Пошли в ход капканы на песцов. Эти пушные зверки явились в Винландию с севера, их прогнал оттуда голод.

Постановка капканов требовала большой сноровки. В местах, удобных для лова, заранее разбросали замороженные туши нерп. Чтобы справиться с такой поживой, песцам приходилось тратить не один день, они прокладывали в снегу свои маршруты.

Близ этих маршрутов охотники вырезали в снегу круглые ямки и опускали туда заряженные капканы. Сверху капкан закрывали тонкой пластинкой из затвердевшего снега, оставляя наверху лишь приманку.

Чтобы пойманный зверёк далеко не убежал, к капкану привязывалась тяжёлая деревянная чурка.

Охота капканами оказалась очень удачной: каждый день в погреба укладывались десятки песцовых шкурок. Лейф радовался: в Гренландии о такой добыче не приходилось и думать.

Охотники, вооружённые копьями и острыми кинжалами, вступали в единоборство с медведями, убивали кабанов, у отдушин в морском льду подкарауливали тюленей, моржей.

Перелётные птицы покинули Винландию, но тетерева остались зимовать в лесу, и часто их сражали стрелы Рори.

Постепенно дичь вокруг поселения редела, разбегалась подальше от людей, и охотникам приходилось совершать всё более длительные вылазки.

Самые смелые и опытные охотники удалялись на день-два пути. Ночевали они в хижинах, сложенных из больших снеговых глыб, нарезанных охотничьим ножом. Спать в такой хижине было тепло в любой мороз, не пугала в ней и метель, только было бы в запасе побольше провизии.

Постепенно и Рори стал уходить всё дальше от Торгильсдаля. После первой длительной отлучки юноше как следует попало от Лейфа и Снорре. Но потом названный отец и дядька решили, что если они будут так опекать Рори, из него никогда не выйдет настоящего викинга. Только перед каждым его дальним походом Лейф проверял, в порядке ли у юного охотника оружие и одежда, достаточно ли взято провизии, не позабыл ли он огниво и кремь.

Не все дружинники Лейфа проводили ночи на охоте, добрая половина ночевала в господском доме. И перед ними вставала трудная задача – чем занять себя в бесконечные зимние вечера.

Потрескивают угли в очаге, жировик, установленный на подставке, тускло освещает жильё, а бородатые норманны с длинными волосами, с загорелыми лицами, с широкими ладонями, затвердевшими в работе, азартно сражаются в кости.

Кости – это древняя игра, зародившаяся на Востоке. Она проникла сначала на юг Европы, а потом перебралась и в северные страны. И случалось, что викинг, набивший где-нибудь в Сицилии или Элладке походную сумку золотом, драгоценными перстнями и ожерельями, высаживался в Нидаросе с пустыми карманами и нанимался в дружину к другому конунгу, чтобы заработать на кусок хлеба.

Кости представляли собою кубики из моржового клыка, на каждую из шести граней наносились чёрные кружки – очки – от одного до шести. Побеждал тот из игроков, кому удавалось бросить кубик так, что на верхней грани оказывалось больше очков, чем у противника.

Случалось, недобросовестный игрок подделывал кость, и она имела свойство падать шестёркой вверх. Если мошенничество обнаруживалось, виновного на месте постигала смерть.

У поселенцев Торгильсдаля не было в кошельках золота и серебра, единственное своё имущество – одежду, шапку, торбасу⁹⁷ – проигрывать нельзя, не пойдёшь же охотиться нагишом. Они играли в счёт будущего: на вознаграждение, которое получают от Лейфа, возвратившись в Эриксфиорд. И выходило у иного незадачливого бедняги так, что он, окончив службу у Лейфа, не только не получит ни ёре,⁹⁸ но ещё должен будет приплатить своим счастливым соперникам. Но что поделаешь – игра есть игра!

Кубики выбрасывались на плоскую столешницу, слышались радостные возгласы или проклятия – и долгий зимний вечер проходил незаметно.

Были среди дружинников люди другого склада: эти по целым часам просиживали за шахматной доской, время от времени двигая чёрные и белые костяные фигурки. Они выигрывали и проигрывали с достоинством и, окончив одну партию, тотчас начинали другую. Рори был бы неплохим шахматистом, если бы у него хватило терпения обдумывать свои ходы. Но к проигрышам он относился без всякого огорчения.

⁹⁶ Снеговые очки – тонкие пластинки с горизонтальной прорезью посередине; они не пропускали много света.

⁹⁷ Торбаса – меховая обувь на севере, высокие сапоги из оленьих шкур.

⁹⁸ Ёре – мелкая монета в Скандинавии.

Лейф отмечал на своём календаре красной краской воскресенья и устраивал в эти дни общие моления.

Утром после завтрака все поселенцы, кроме тех, кто был на охоте, собирались в самой большой комнате «господского дома» и там «гренландский апостол» читал молитвы и пел гимны, а его слушатели стояли без шапок, благоговейно склонив головы. И хотя Лейф часто запинаясь и путаясь в непривычных евангельских текстах, горе было тому, кто улыбался: хозяин Торгильсдаля приходил в ярость.

От посещения церковных служб освобождался только старый Снорре: языческие верования скальда остались непоколебимыми, и в то время, как другие молились, он мирно дремал у очага.

Так в трудах и развлечениях проходила зимовка. Лейф надеялся, что, если всё так пойдёт и дальше до весны и возвращения в Эриксфиорд, он ещё раз оправдает своё прозвище Счастливого. Никто ещё не болел, никто не был серьёзно ранен в схватках с хищными зверями, погребя заполнялись мехами, тюленьими и моржовыми шкурами, рыбьим зубом.

Но вскоре после того как зимовщики отпраздновали встречу Нового 1003 года, случилось несчастье: с охоты не вернулся Рори Эйлифсон.

Первые два дня его отсутствие никого не встревожило: такое бывало часто. Третий день, принёс беспокойство, после четвёртого Лейф и Снорре поняли: стряслась беда.

Утром пятого дня на поиски юноши отправилась группа охотников во главе с Лейфом и Адильсом Хагнисоном, который заслужил прозвище Верный Глаз не только за плотничное искусство, но и за большое умение, читать следы. С ними ушли ещё десять человек. Остальных Лейф поставил под команду Геста Альвирсона и наказал быть начеку. Исчезновение юного Рори можно было объяснить так: либо он тяжело ранен, либо погиб в борьбе с опасным хищником, либо в окрестностях Торгильсдаля появились враги, которые взяли его в плен. Видимо, их насчитывалось не так уж много: будь иначе, они совершили бы нападение на посёлок гренландцев. Но всё-таки надо было держать ухо востро. Оставшимся Лейф запретил покидать становище, на ночь приказал выставить караул.

Адильс шёл во главе поисковой партии – его вели чёткие следы лыж юного охотника. К счастью, последние дни стояла бесснежная тихая погода, иначе разыскивать пропавшего было бы очень трудно.

Охотников окружала великая тишина. Ни птичьего крика, ни отдалённого волчьего воя, ни писка мыши, схваченной полярной совой... Только чуть скрипели лыжи под ногами идущих, ещё более подчёркивая царившее вокруг безмолвие.

К вечеру позади остались добрых полтора десятка миль. Впереди шла всё та же лыжня, оставленная Рори, – спокойная, ровная, без уклонений в стороны. Должно быть, юноша уверенно шёл к какой-то известной ему цели. Эту цель обнаружили, когда ночь уже опустилась на землю и полная луна озарила снега. Лыжня привела к добротно сделанной снежной хижине, в которой Рори, очевидно, ночевал уже не раз. Возле хижины было кострище с почерневшими углями, с кучкой хвороста рядом. Тщательный осмотр хижины и окрестностей не дал причин волноваться. Рори спокойно переночевал, поужинал, позавтракал – об этом говорили обглоданные кости у кострища – и отправился дальше.

Седые брови Адильса нахмурились.

– Юнец неблагоразумен, – проворчал он. – И это место достаточно далеко от посёлка, а он забирается ещё дальше...

– Видно, разыскивал уголья, богатые дичью, – вслух подумал Лейф.

Ночевать в хижине не стали. Отдохнув и основательно перекусив, поисковая партия двинулась дальше, благо света полной луны оказалась достаточно, чтобы идти по следам исчезнувшего Рори.

Через полчаса усиленного хода в глубокой долине, куда спустилась путеводительница-лыжня, Адильс и его спутники нашли развязку происшедшей драмы.

Здесь, как видно, шла жестокая борьба. Снег на обширной площади был взрыхлен, валялись разноцветные клочки шерсти, вырванные из меховых, одежд, разорванный торбас с левой ноги, пара сломанных лыж, принадлежавших кому-то чужому. Но как ни старались Лейф и остальные, они не могли рассмотреть, есть ли на снегу следы крови. Заходившая за откос долины луна светила слишком слабо. Попробовали сделать факелы из сосновых веток, они только дымили.

На месте схватки остались до утра.

Тяжёлые часы провёл Лейф, склонившись к костру и стараясь угадать судьбу Рори по причудливым языкам пламени: этому старинному гаданью учила его когда-то мать.

Когда наступившее утро ясно показало, что следов крови на снегу нет, не только Лейф, но и матросы вздохнули с облегчением: все любили весёлого, услужливого Рори и им горестно было бы узнать о его смерти.

Экспедиция двинулась по следам похитителей. Каждый невольно проверил, удобно ли ему будет, в случае надобности, схватиться за оружие, хотя все отлично понимали, что борьба в долине произошла

несколько дней назад.

Погода, до того ясная и безветренная, стала ухудшаться. Небо заволокло тучами, и скоро забушевала метель. Поиски стали бессмысленными: следы занесло снегом.

Лейф сказал:

– Мы возвращаемся в Торгильсдаля. Но я клянусь богом и всеми его святыми, что не покину Винландию, пока не найду моего мальчика. Я дрожал при мысли, что мы обнаружим его труп, растерзанный медведем или росомахой, но раз он жив – ни море, ни земля, ни даже подземные её недра не скроют от меня злодеев, похитивших Рори Эйлифсона!

Маленький отряд в скорбном молчании двинулся обратно.

Плен

Рори отлично выспался в снежной хижине, позавтракал и отправился дальше – к лугам, где водилось много куропаток. Он уже побывал там дважды и каждый раз возвращался с богатой добычей. Он надеялся, что и теперь охота будет не хуже. Лук висел у него за спиной, стрел в колчане было достаточно. Он решил, что куропаток будет складывать в мешок, прицепленный у пояса. И что как только мешок наполнится, он сейчас же двинется в обратный путь. Если поднажать, Рори уже сегодня вечером доберётся до Торгильсдаля.

Поглощённый своими мыслями, Рори не заметил, как добежал до глубокой долины, которая перегораживала дорогу к месту охоты. Пригнувшись вперёд, юноша понёсся с откоса, лавируя среди молодых сосенок, и вдруг какое-то непонятное упругое препятствие сбило его с ног. Кувыркаясь, теряя лыжи, Рори покатился вниз, успев заметить, что ударился о туго натянутую кожаную верёвку.

Не успел Рори осознать, что такое с ним происходит, как из-за деревьев поднялось с десяток невысоких коренастых фигур в меховых одеждах, в высоких торбасах. У людей были загорелые желтые лица с раскосыми узкими глазами, с приплюснутыми носами, с тонкими бледными губами. Головы их были обнажены, а длинные прямые чёрные волосы перехвачены ремешком.

«Скрелинги...»⁹⁹ – подумал Рори.

Со скрелингами ему приходилось сталкиваться в Гренландии. Небольшими партиями они приплывали на южный берег острова для меновой торговли. На тюленьи и моржовые шкуры, на рыбий зуб, на бобровые меха они выменивали железные котлы, топоры, ножи, стальные наконечники для копий и гарпунов, украшения для женской одежды... Распродав товары, скрелинги исчезали так же незаметно, как и появлялись.

За месяцы жизни в Доброй Винландии дружинники Лейфа ни разу не сталкивались со скрелингами, и считали, что окрестности Торгильсдаля совершенно безлюдны. Вот почему охотники вели себя так беспечно и в одиночку совершали далёкие вылазки. Первому расплачиваться за беспечность пришлось Рори.

Скатившись на дно долины, Рори вскочил на ноги. Лук его слетел со спины, да если бы и остался на месте, воспользоваться им юноша всё равно не успел бы. Он потянулся к ножу – на руке повисли сразу двое нападающих. Рори отбросил их, сзади накнулись ещё трое.

Началась отчаянная схватка. Похоже было на то, словно стая собак осаждает разъярённого медведя. А Рори действительно разъярило это неожиданное коварное нападение. Нож из его руки выпал и утонул в рыхлом снегу. Нападающие тоже дрались голыми руками, ни у кого из них не было оружия.

Враги с гортанным визгом набрасывались на юношу, который превосходил каждого из них ростом на голову. Рори бил их кулаками, пинал ногами, и скрелинги разлетались, как кегли. Но пушистый мех хорошо защищал от ударов, и скрелинги тут же подсакивали и снова ввязывались в драку.

На ногах скрелинги держались слабо, вся сила у них сосредоточивалась в руках. И это неудивительно: мужчина-эскимос половину жизни проводит в каяке,¹⁰⁰ ноги у него неподвижны, а плечи, грудь и мускулы рук от постоянной гребли развиваются чрезвычайно. Силу этих мускулов Рори чувствовал на себе. Стоило с трудом отодрать от себя одного нападающего, как в него вцеплялся другой. Какого-то щупленького, но упорного паренька Рори ухватил за сапог – разорванный камикер¹⁰¹ полетел в снег.

Как ни силен был Рори по сравнению с каждым из врагов, но их было десять против одного. Да ещё два скрелинга, забежав сзади, накнули ему на руки ремень...

⁹⁹ Скрелингами гренландские поселенцы называли эскимосов. Подлинный смысл этого слова утрачен. Исследователи думают, что оно означало «бродяги» или «грязные».

¹⁰⁰ Каяк – эскимосская лодка, остов которой обтягивается тюленьими шкурами. Каяк на воде очень неустойчив, но эскимосы с детства приучаются управлять им с неподражаемым умением.

¹⁰¹ Так эскимосы называют сапоги.

Победители поставили юношу со связанными руками на его же собственные лыжи и повели на юг, в противоположную от Торгильсдаля сторону.

За несколько миль от места засады у скрелингов оказались нарты с собачьими упряжками; они находились там под охраной двух юнцов.

Собаки злобно зарычали, почуяв чужого, а подростки радостно заплясали. Пленника взвалили на одну из нарт, связав ему из осторожности ноги, каюры¹⁰² взмахнули остолами,¹⁰³ и собаки, взвизывая лапами снег, понеслись, увозя Рори прочь от всего знакомого, привычного, родного...

Собаки бежали, легко увлекая нарты, а Рори одолевала мрачные думы.

«Моя мать окончила жизнь в чужой стране, не увидев родины. Неужели и мне суждена такая участь? Неужели отныне мой удел – рабство до конца дней?.. Но нет! – Юноша встрепенулся. – Я мужчина, я молод и силен, и я убегу из плена! Пусть похитители продержат меня год, два... Но когда я овладею их языком, в совершенстве изучу обычаи, когда их бдительность притупится... О, тогда!..»

С уверенностью юности Рори быстро приободрился и начал представлять себе, как он неожиданно появится в «Крутом склоне». Его оплачут, о нём давно забудут, а он выскочит из украденной лодки...

Рори пытался проследить направление пути, по которому его везли, но скоро резь в глазах заставила его зажмуриться. В схватке он потерял снеговые очки, и теперь его ослепляла сверкающая снежная поверхность.

Сила отражённого света была так велика, что у него из-под век покатались слёзы. Заметив это, каюр его нарты, молодой парень, достал откуда-то меховую полоску и крепко обвязал ею глаза пленника. Перед этим у них произошёл короткий разговор. Эскимос, тыча себя в грудь пальцем, произнёс:

– Паók, Паók...

Рори понял, что так зовут юношу, и повторил, прикоснувшись к его груди:

– Паок!..

Лицо юноши расплылось в улыбке, и он показал рукой на пленника. Рори понял, что Паок хочет узнать его имя.

– Рори! – молвил он.

– Лоли, Лоли! – подхватил Паок, улыбаясь.

Как видно, он не выговаривал «р», и это почему-то развеселило Рори.

«Ничего, – подумал он, – сейчас мне лучше, чем тогда, на каменном «плоту» посреди океана. Тогда меня спасли дельфины. А теперь?.. Теперь дядя Лейф всё равно меня разыщет».

На пятый день их путешествия началась пурга – та самая, которая заставила Лейфа Эриксона повернуть домой. Эскимосы продолжали путь и в пургу, хотя вокруг нарт – и сзади, и спереди, и со всех сторон – стояла белая мятущаяся стена из мириад снежинок, несомых ветром. Видимость была всего 5–6 шагов, и тем не менее скрелинги находили дорогу с поразительной уверенностью.

«Далеко же они забрались от своего жилища, – размышлял Рори. – Ведь мы за эти дни проехали не меньше ста миль... Интересно бы знать, сколько времени они таились в засаде?.. Сколько бы ни таились, а своё получили, – я попался им, как песец в капкан...»

Рори понимал, что начавшаяся метель скроет следы похитителей и Лейф поневоле прекратит поиски. А что его ищут, он не сомневался.

И вот путешествие кончилось, Рори сошёл с нарты (его перестали связывать после первого же дня плена – куда он мог убежать безоружный, без лыж?), огляделся. Он увидел высокий морской берег, сугробы снега, а в них небольшие чёрные прямоугольники. Нескольким эскимосским словам Рори успел научиться за дни плена. И теперь он понял обращение Паока:

– Входи!

Недоуменно озираясь, юноша последовал за скрелингом. Он понял, что перед ним вход в эскимосское жилище. Этот ход представлял собою длинную нору, выкопанную в земле. Передвигаться по этой норе приходилось ползком, на четвереньках. Небольшой юркий. Паок полз очень быстро, но плечистому Рори пришлось туго. Он задевал какие-то выступы на стенках прохода, чуть не задавил собаку, которая с визгом вырвалась из-под него, и, наконец, вздохнул с облегчением: перед ним открылось эскимосское жильё.

Это была землянка в десяток локтей длиной и шириной, со стенками, покрытыми шкурами, и потолком из дерна. Дневной свет туда не проникал, жильё освещалось большими плоскими, выдолбленными из мягкого камня. Плоску наполняли тюленьим жиром, в нём плавал фитиль – сплетённые волокна мха.

102 Каюр – погонщик нарты, запряжённый собаками или оленями.

103 Остёл – палка с крепким наконечником, её втыкают в снег, чтобы затормозить нарту.

Света плошки давали мало, но привычка позволяла людям различать даже мелкие предметы и работать. А тепла от них хватало: Рори с удивлением увидел, что обитатели землянки сидели на лавках или ходили по шкурам, застилавшим пол, голые, в одних набедренных повязках (эскимосы называли их «натит»). Да, воздух нагревался в достаточной мере и не только день и ночь горевшими лампами, но и людским дыханием.

И что это был за воздух! В нём смешивались чад и копоть, запахи промозглого тюленьего жира, горелой рыбы, вовек немытых человеческих тел... Первое время Рори дышал с трудом, но потом притерпелся.

Рори подвели к тщедушному старику с морщинистым жёлтым лицом, с глубоко запавшими глазами, с седыми волосами. Он сидел на почётном месте в глубине жилища, и из всех обитателей землянки на нём одним была накладка из бобровых шкурок с нашитыми снизу бобровыми хвостами. По этой богатой одежде можно было судить о высоком положении старика.

Вслед за Паоком и Рори в землянку пробрался Теап, дюжий мужчина, который возглавлял маленький отряд, полонивший Рори. Согнувшись перед стариком в почтительном поклоне, Теап сделал нечто вроде доклада, то и дело показывая рукой на юного норманна: видимо, излагал историю похода.

Теап замолчал, и на морщинистом лице старика выразилось злорадное торжество. Он заговорил на ломаном норвежском языке:

– Моя – Глим, моя – вождь этот большой народ... Белый люди – слабый, иннуит¹⁰⁴ – сильный. Иннуит бери плен белый люди, хе-хе-хе...

Впоследствии Рори узнал, что Глим провёл несколько лет рабом у гренландского поселенца, кое-как выучил норвежский язык, а потом ему удалось сбежать на украденной у хозяина лодке. Этим Глим заслужил великое уважение своего племени и добился звания вождя.

Хвастовство старика возмутило Рори.

«Были бы мы вдвоём с дядей Лейфом, – подумал он, – вот бы вы завертелись!.. Как зайцы побежали бы от нас!..»

Но сразу, с первого же слова, ему не захотелось обострять отношения с вождём, и он вежливо приветствовал его и даже выразил восхищение его нарядом. Глиму понравилось поведение пленника, и он одобрительно захихикал.

Тем временем на низком возвышении, заменявшем стол, появилось угощение: морошка на тресковом жире, медвежье мясо, юкола.¹⁰⁵ Проголодавшийся Рори отдал честь всем этим яствам, уплетая их за обе щеки. Ещё в дороге он решил как можно скорее вжиться в обычаи пленившего его народа, заслужить доверие и теперь приступил к исполнению принятой на себя роли.

Хозяева не отставали от Рори, в землянке только и слышалось усердное чавканье. Женщины подставляли блюдо за блюдом, и всё быстро исчезало в голодных желудках.

Так начались для Рори постылые дни плена.

Рори понимал, что теперь, зимой, бегство из эскимосского становища невозможно. Без запаса провизии, без оружия, без лыж ему не удалось бы одолеть снежные просторы между стойбищем скрелингов и Торгильсдалем. И где он, этот Торгальсдаль? Рори смутно представлял себе, что посёлок белых где-то на севере, но если даже ему удастся вырваться из плена и направить туда путь, то скрелинги с собаками быстро его нагонят. И он решил ждать до лета. Только летом, по морю, можно осуществить бегство.

Эх, если бы захватить лодку! Тогда коварные скрелинги узнали бы, чего стоит на море Рори Эйлифсон.

Рори пользовался полной свободой в эскимосском посёлке: его похитители, как и он сам, прекрасно понимали, что убежать ему невозможно. И юный норманн, проводя свой план, бродил по землянкам, знакомился с их обитателями. В становище насчитывалось до двухсот человек, они ютились в полутора десятках землянок. Как с гордостью говорил Глим, его «народ» был самым большим в этих краях.

Днём посёлок оживляли ребятишки. Они, как меховые шарики, перекатывались из хижины, в хижину, а не то носились с горки на санках, полозья которых делались из моржовых клыков. Играли ребята только в охоту. Одни изображали тюленей и ползли по снегу, другие бросали в них «гарпуны» – заострённые палки. И Рори поражался, как метко попадали в цель «гарпуны». Да, здесь с самого малого возраста развивались умения и навыки, без которых невозможно прожить в этих суровых условиях.

Рори удивлялся, как целесообразно устроили свою жизнь скрелинги.

Землянки? Тесно в них, душно, воняет. А попробуй построить дома на европейский лад при

¹⁰⁴ Иннуит – по-эскимосски «люди», так называют себя эскимосы.

¹⁰⁵ Юкола – вяленая на солнце рыба.

здешней погоде. Да из них будет выдувать тепло так, что никакого топлива не напасешься. И Рори стало представляться, что дядя Лейф поступил непредусмотрительно, поставив в Торгильсдале деревянные избушки. Он вспоминал, как ежились люди под утро в насквозь промерзшем господском доме. А здесь? Скрелинг сидят в своих землянках голые, и хоть бы что!

А их каяки, такие верткие и неудобные на вид? Казалось бы, лодка европейца неизмеримо удобнее и надёжнее. Но ухитрись, выровняй её, опрокинутую набежавшей волной. А если каяк скрелинга, перевернулся и сам хозяин очутился в воде вниз головой, он выравнивает каяк одним движением двухлопастного весла. При этом в суденышко не попадает ни капли воды, его верх закрыт кожей, обтянутой вокруг пояса гребца.

Рори восхищался удобством эскимосской одежды. Люди надевали на голое тело тимиак – фуфайку из птичьих шкурок пухом внутрь, лёгкую и замечательно теплую. Тимиак оторачивался вокруг кистей рук и шеи полосками собачьего меха, плотно прилежавшими к коже. Поверх этого надевалась рубаха из выделанной тюленьей шкуры – аморак. Тёплые штаны и высокие сапоги – камикер – дополнявшие одеяние, тоже шились из тюленьих шкур.

Иголки у мастериц были из рыбьих костей, а нитками служили специально обработанные песцовые жилы. И как ловко управлялись швеи с этим «натуральным хозяйством» при тусклом свете жировиков, при ребячем гомоне, при возне собак, дравшихся из-за брошенных на пол костей...

Женская одежда в точности повторяла мужскую, только отличалась украшениями – оторочками и вставками из цветного меха, бусами, ожерельями.

Во время дальних переходов женщины укладывали грудных детей в амаут – рубаху с большим меховым карманом на спине, где ребёнку было тепло и уютно.

Так всюду и во всём видел Рори проявление великой целесообразности, выработанной тысячелетней борьбой за существование.

Самым большим строением в стойбище был кажим – место для собраний всего племени, для пиров, для поминовения умерших. Этот кажим был в десять раз обширнее семейных землянок, выше и чище, в нём даже было окошко, затянутое тюленьим пузырем, через которое внутрь попадал дневной свет.

Через месяц после прибытия в становище Глима, когда Рори уже сносно говорил на языке скрелингов и понимал их речь, ему пришлось наблюдать церемонию заклинания пурги. Пурга выла и кружилась над береговыми холмами, над застывшим морем и не давала возможности людям выйти на охоту.

Запасы продовольствия в хижинах стали истощаться, приходилось ограничивать себя в еде. И тут Рори убедился, сколь велика была сила родительской любви у этого, казалось бы, малочувствительного племени. Детей кормили в первую очередь, им отдавали самое лучшее из того, что ещё сохранилось в кладовых. Утешая плачущего ребёнка, мать нежно обнюхивала его: это заменяло у неё поцелуй.

А пурга всё шумела, шторм взламывал прибрежные льды, тюлени ушли далеко от берега, звери попрятались в снегу. И тогда за дело принялась шаманка.

Религиозные верования эскимосов были очень смутны. У них не существовало такой развитой мифологии, как у скандинавов с их богами и полубогами, с великанами и гномами, обитателями подземного мира. Эскимосы верили в духов, живущих бок о бок с ними, и духи эти были по преимуществу злые, от них следовало ожидать одних неприятностей.

Умилостивить злых духов «умели» только сведущие люди – шаманы и шаманки. Они знали заклинания против духов, а если заклинания не помогали, приносили жертвы.

Пурга бушевала, и «помочь беде» взялась шаманка Линга – старая женщина с лицом, точно вырезанным из мореного дуба. В её седые волосы были вплетены перья различных птиц, начиная от длинных – из хвоста орлана – и кончая крошечными перышками красношейки – колибри. Считалось, что это помогает колдовству.

Шаманка Линга кружилась посреди кажима в диком танце, ударяя в бубен, обтянутый моржовой шкурой. Она с пеной на губах выкрикивала непонятные слова, приводившие в трепет слушателей. А слушать Лингу собрались все жители посёлка от мала до велика, кроме совсем уж немощных, стариков и старух, прикованных к постели.

Пробрался в кажим и Рори. Притаившись у порога, он со страхом присматривался к колдунье. Положение его было опасным: а вдруг Линга укажет на белого человека, как на виновника бедствия, и потребует принести его в жертву духам зла... И тогда скрелинги, люди в общем-то мирные и совсем не кровожадные, не задумаются вырезать у него острым ножом сердце и преподнесут его шаманке.

Но, должно быть, к Рори перешла какая-то частица счастья от приёмного отца Лейфа. Случилось так, что, когда утомлённая долгими заклинаниями Линга затихла, собираясь с силами, буря над крышей кажима тоже начала затихать!..

Через час пурга совсем прекратилась, среди туч проглянуло солнце, и радостные охотники бросились готовить орудия лова.

Авторитет шаманки возрос необычайно, каждая семья поднесла ей ценный подарок, отняв у себя самое лучшее.

Но для таких обрядов, как заклинание пурги, кажим использовался редко. Обычно там находили приют мастера-резчики по дереву и кости, которым неудобно было работать в землянках среди тесноты и суматохи.

Владели резцом почти все скрелинги, но отдавались этому делу только старики, которые по слабости уже не могли охотиться: принести в становище тушу тюленя было неизмеримо важнее, чем вырезать из кости изображение того же тюленя, хотя бы и с немалым искусством.

Когда Рори наблюдал стариков, из-под резца которых рождались фигурки медведей, оленей с ветвистыми рогами, моржей с грозно торчащими клыками, его голову осенила мысль, которая принесла удивительные последствия. Что это была за мысль, читатель узнает из следующей главы.

Шахматная партия

Дни Рори Эйлифсона проходили очень скучно: ему нечем было заняться. Молодой Паок, с которым Рори подружился и который очень помог ему овладеть эскимосским языком, целые дни пропадал на охоте, а возвратившись усталым, заваливался спать.

Пробовал пленник вести разговоры с вождём племени Глимом, но старик назойливо твердил одно: его народ сильный, а белые люди слабые. В доказательство этого сомнительного положения он приводил тот факт, что Глим держит в плену Рори, а не Рори Глима. При этом старик щурил глаза и противно хихикал. Иногда он пускался в воспоминания о том, как он был в плену у белых людей, но и тут без конца повторял одно и то же и хвалился своей ловкостью, которая помогла ему сбежать от хозяина.

Рори выходил погулять, но и это мало помогало развеять тоску. Если погода была хорошая, солнечная, сияние снега слепило глаза, не защищённые снеговыми очками. А в ветер поземка била по лицу, забиралась под одежду, и юноша, вздохнув, возвращался в опостылевшую землянку.

Всё время Рори мучила неотвязная мысль: с какой целью скрелинги взяли его в плен, затратив на это столько времени и труда. Слегка издеваясь над самим собой, Рори признавал в душе, что, как раб в эскимосском стойбище, он пустое место.

Охотиться по-здешнему он не умеет, а дать ему в руки оружие белых – опасно для самих же похитителей. В домашнем хозяйстве он не нужен, с хозяйством управляют женщины, они сами не потерпят его вмешательства. Может быть, хотят сделать из него няньку для эскимосских ребятишек? Рори захохотал при одной этой мысли... Так зачем же всё-таки целый отряд скрелингов потратил две недели на далёкое путешествие к северу? Чтобы захватить одного-единственного, ни на что не нужного им европейца?

Ответ на этот вопрос оказался довольно неожиданным, и Рори получил его от самого вождя в минуту, когда старик разоткровенничался.

Глима давно грызла мысль, что его плен у белых остался неотомщенным. Но как отомстить? Подстрелить из засады одного-двух гренландцев? Какая же это месть? Переходя в другой мир, они даже не узнают, за что умирают. Месть хороша, когда она длительна, когда искупительная жертва чувствует, за что ей мстят. И тут старику пришла в голову мысль взять в плен европейца. Вот когда он полностью отплатит за свою обиду!..

Но выполнить такое намерение было нелегко. Когда скрелинги приплывали в Гренландию для меновой торговли, их держали под постоянным надзором. И если даже удалось бы похитить белого в момент отплытия, поселенцы догонят похитителей на быстроходных парусных кораблях и жестоко с ними расправятся.

Судьба помогла Глиму осуществить его дерзкий замысел. В Винландии появилась дружина Лейфа Эриксона. Проведав об этом, старый вождь обрадовался и послал отряд охотников с наказом украсть одного белого. Только одного, говорил он Теапу, предводителю отряда, – ведь сам он был в плену один. Хитрый старик приказал выбирать добычу полегче – какого-нибудь неопытного юнца. И упаси боже его поранить, а то он ещё умрёт, и месть Глима не осуществится. Вот почему добычей эскимосов стал Рори Эйлифсон, и борьба с ним велась без оружия.

Рассказав обо всём этом, старик гордо закончил:

– Раньше моя сиди плен, теперь Лоли сиди плен, пусть белый люди знай – Глим умеет мстить!

Рори был крайне уязвлён, его самолюбие оказалось задетым.

«Ну ладно, старый петух, – сердито подумал он, – погоди! Придёт время, я над тобой посмеюсь!..»

Однажды, когда Рори от нечего делать забрёл в кажим и рассеянно смотрел, как умельцы вырезают из кости фигурки зверей и птиц, ему пришла в голову мысль, которая заставила юношу хлопнуть себя по лбу.

– Эх и дурак же я! Шахматы! – воскликнул Рори. – Мне надо сделать шахматы! Партнёров среди стариков найдётся достаточно. Да тот же старый Глим станет играть, стоит только его научить. Он же с тоскидохнет в своей землянке...

Пленник, не теряя времени, принялся за дело. Он выпросил у мастеров несколько осколков моржового зуба, взял резец и начал работать. Рори считал, что резьба по кости простое и лёгкое дело. Но он испортил несколько кусков материала, поранил руки, окровавил одежду и своей неловкостью рассмешил мастеров.

Впрочем, смех стариков был не обидным, они пришли ему на помощь. Когда Рори растолковал, что ему требуется, мастера воодушевились. Спортивный дух у скрелингов был силен: они постоянно, соревновались то в борьбе, то в беге, то в умении управлять каяком. Пленник объяснил им, что у белых есть занятная игра, похожая на войну волшебных фигурок, и мастера с жаром принялись за резцы. Рори понимал, что скрелингам ничего не скажут европейские названия шахматных фигур, да и сами эти фигуры будут им неинтересны. Короля он переименовал в вождя, ферзя – в шаманку, ладьи стали моржами, кони – медведями, слоны – дельфинами. Ну, а пешки, естественно, превратились в белых и чёрных охотников.

Через месяц упорной работы изящные шахматные фигуры были готовы. Шахматную доску из 64 чёрных и белых клеток Рори расчертил на куске выделанной моржовой шкуры.

Когда Рори впервые разостлал на возвышении посреди кажима доску и расставил на ней в должном порядке белую и чёрную шахматную рать, мастеров охватили благоговение и страх. Им показалось, что они присутствуют при каком-то колдовстве.

Первым захотел научиться правилам шахматной игры Паок. Но скрелинги очень уважали старших: чтобы начать даже пустяковое дело, младший испрашивал разрешения старшего. Молодёжь и на лавки садилась только с позволения стариков. И когда Паок попросил у Глима разрешения учиться волшебной игре белых, старик такого разрешения не дал: он заявил, что будет учиться сам. Старик добавил с важным видом, что игра эта для него не новость, что, когда он жил в Гренландии, он видел, как играли в неё белые люди, только у них фигуры выглядели по-другому, гораздо непригляднее, чем эти, сделанные мастерами его племени.

Глим оказался способным и упорным учеником. Он быстро усвоил правила игры и недели через две сделался завзятым шахматистом. Рори частенько получал мат, хотя виной тому была не столько хорошая игра Глима, сколько рассеянность пленника. В самый ответственный момент игры перед его взором вдруг вставала большая зала Торгильсдаля с очагом посередине, с сидящими вокруг него товарищами. Или он вспоминал туманные Гебриды, свои детские прогулки на лодке, весёлые сражения «пиратов» и «купцов»... Тогда Глим забирал у него одну фигуру за другой, и Рори моментально проигрывал партию.

Авторитет Глима, так легко и просто усвоившего мудреные правила колдовской игры, взлетел необычайно. И это отразилось на его партнёре, без которого невозможны были бы успехи вождя. «Лоли» получил в землянке лучшее место рядом с Глимом, во время еды ему подкладывали самые вкусные куски, женщины сшили ему новую, роскошно отделанную одежду. Старик сиял, когда ему удавалось выиграть у Рори, и мрачнел, терпя поражение.

Но терпеть поражения Глиму приходилось редко. Во-первых, результаты игры были глубоко безразличны юному норманну. И, во-вторых, он поддавался вождю, преследуя всё тот же хитрый план завоевать его расположение.

И вот однажды, когда они играли в кажиме в присутствии почти всех мужчин племени, Рори пришла в голову ослепительная идея.

– Послушай, Глим, – сказал он по-возможности спокойным голосом, хотя сердце его оглушительно колотилось. – Мы с тобой сыграли уже больше сотни партий, и всё впустую. А давай-ка сыграем на интерес.

– А что значит играть на интерес? – спросил старик.

И Рори, стараясь говорить понятно, объяснил Глиму, что у них, белых, заведено так. Проигравший отдаёт счастливому сопернику моржовую шкуру, или связку клыков, или охотничий нож (о деньгах эскимосы не имели понятия).

Мысль Глиму понравилась, но он недоумевал, что можно дать Рори: одежда у него новая, кормят пленника, как вождя, постель ему сделали из гагачьего пуха...

– А ты возврати мне свободу! – очертя голову, воскликнул пленник.

– Э-э-э, какой хитрый... – протянул старик. – Я тебе свободу, а что поставишь ты?

– Я?... – Рори призадумался. Что же он, Рори, может, в самом деле, поставить?

– Я дам обязательство не пытаться бежать этим летом!

Теперь задумался Глим. Ставка Рори показалась ему неравной.

– А ты подумал, как трудно будет удержать меня летом? – стал горячо доказывать Рори. – Тебе у каждого каяка придётся поставить сторожа! А когда станете охотиться?

И пленник так умело развернул перед Глимом возможности летнего побега морем, что вождь заколебался.

– Ну-у... мы тебя свяжем, – нерешительно сказал он.

– Связанные в шахматы не играют! – отпарировал Рори.

И демон азарта, вселённый пленником в голову старого вождя, взял верх. Сыграло роль ещё и то обстоятельство, что в последнее время Глим выигрывал у юноши каждые четыре партии из пяти. Простодушный старик не догадывался, что Рори сдавал ему партии умышленно.

– Эх, ладно! – грохнул Глим кулаком по столу. – Выиграешь, твоя свобода! А ты... ты, Лоли, действительно не будешь пытаться бежать? – осторожно спросил он.

– Я-то не буду, слово викинга! – Рори вытащил из-за пазухи крест и поцеловал.

Скрелинги знали силу этого амулета и поверили Рори.

– Но поклянись и ты! – потребовал пленник.

Глим поклялся на священном ожерелье, снятом с шеи шаманки Линги.

Теперь, если кто-нибудь из двоих нарушит клятву, его ждёт вечный позор в этой жизни и за гробом.

Партия началась. Жребий играть белыми выпал Рори, и он увидел в этом счастливое предзнаменование. Теперь юноша был весь внимание. От исхода этой партии зависела его будущность, и Рори вложил в игру все свои знания, весь немалый опыт.

В те времена не было шахматных часов, игроки не знали, что такое цейтнот,¹⁰⁶ и Рори подолгу думал над некоторыми ходами. С его стороны это было весьма умно, потому что самоуверенный Глим, привыкший в последнее время к лёгким победам над Рори, ходил не раздумывая.

Многочисленные зрители сидели затаив дыхание. Они ничего не понимали в игре, и она казалась им каким-то колдовским делом, сказочным состязанием, где бились, наступали и отступали по чёрно-белому полю грузные моржи, свирепые медведи, улыбчивые дельфины, где смелые охотники с прямыми чёрными волосами, не жалея себя, уходили в другой мир за своих вождей (так понимали скрелинги исчезновение фигур с доски).

Азарт игры захватил и их, молчаливых и ничего не понимающих свидетелей жестокой, отнюдь не шуточной схватки. В душе большинство их, особенно молодёжь, «болели» за Рори, они понимали, как тяжёл юноше плен среди чужого народа. Но они боялись выражать свои чувства открыто, их лица были неподвижны, и лишь в узких чёрных глазах проскальзывали искорки одобрения, когда им казалось, что у Рори дела идут на лад.

Противники не имели ни малейшего понятия о шахматной теории, да и вряд ли она существовала в те времена. Игроки ходили что называется по вдохновению.

Рори начал игру ходом белого охотника. В ответ Глим передвинул своего. Страшный медведь Рори перескочил через своего охотника, угрожая чёрной пешке, выдвинувшейся вперёд.¹⁰⁷ Зрители восхищённо покачали головами: какой сильный и ловкий этот зверь – прыгает через людей! Глим ответил ходом своего медведя, защитив чёрного охотника от посягательств чужой фигуры.

Рори подумал:

«Когда-то дельфины спасли меня от гибели. Пушу-ка я в плавание дельфина, и пусть это принесёт мне счастье!»

И он отправил своего дельфина (слона) почти к самому вражьему логову. Глим выставил своего дельфина. Чёрный и белый дельфины стали рядом, казалось, они вот-вот начнут весёлую игру...

И так постепенно, ход за ходом, развивалась партия. Ни та, ни другая сторона ещё не получила перевеса. Потом начались размены пешек и фигур, но и тут равенство сторон сохранялось.

И вот Рори задумал устроить своему противнику ловушку, успех которой сразу принёс бы ему победу. К этому времени шаманки (ферзи), уже в ту эпоху являвшиеся самыми сильными фигурами, покинули свои места рядом с королями и угрожали вражеским фигурам. И тут юноша умышленно подставил под удар чёрной шаманки своего незащищённого дельфина.

«Милый морской зверь, – думал юноша, – когда-то ты вынес меня из грозного моря, а теперь

¹⁰⁶ Цейтнот (нем.) – недостаток времени для обдумывания ходов. Это случается тогда, когда игрок исчерпал положенный ему запас времени.

¹⁰⁷ Читатель не должен забывать, что по воле Рори в медведей обратились кони.

помоги вырваться из постылого плена...»

Сердце Рори билось часто и тревожно. Лишь бы противник не разгадал его хитрость. Но Глим, обрадованный возможностью получить материальное преимущество, без раздумий взял белого дельфина. Рори шумно вздохнул.

Свершилось! Рори нанес смертельный удар! Своим конем-медведем он сделал двойной шах – сразу вражескому вождю и шаманке. По правилам шахматной игры полагается спасти короля, и старый Глим убрал его на безопасную клетку. Зато шаманка, самая сильная фигура, предводительница медведей, моржей, охотников, была безвозвратно потеряна!

Рори внутренне ликовал, а из уст его тайных болельщиков вырвался приглушённый ропот восхищения. Как бы слабо ни разбирались они в волшебной игре, придуманной белыми людьми, они поняли: юному пленнику для победы нужно всего несколько ходов.

В те времена у игроков ещё не принято было сдаваться, когда одна из сторон чувствовала своё дело проигранным. Партия доводилась до того решительного момента, когда побеждённому королю объявлялся мат. Тут уж всё становилось ясно и наглядно!

Остающиеся ходы Рори сделал чётко и быстро. Его шаманка ворвалась в расстроенные ряды противника и грозно стала перед вражеским королем. У Паока вырвался возглас не то соболезнования, не то восторга:

– Сдох чёрный вождь!..

Впоследствии за всю свою долгую жизнь Роар Дельфин немало сыграл шахматных партий, но ни одна из них так не волновала его, как эта незабываемая, сулившая свободу и грозившая гибелью...

Какое искусство, какую волю к победе проявил Рори!

Глим вытирал пот, обильно катившийся с морщинистого лица.

Он совершенно растерялся. Как это могло случиться, что такой слабый противник заманил его в хитрую ловушку и разгромил?

И тут впервые в голову вождя закралось подозрение, что «Лоли» совсем не слабый игрок, а только умело притворялся таким. Но если в этом признаться, пострадает достоинство вождя! Мальчишка, щенок сумел провести его, многоопытного Глима. И он сделал вид, что проигрыш случаен и он им ничуть не огорчён.

Старик хихикнул.

– Моя не досмотрел. Моя мало подумай один ход... Ладно! Твоя выиграй, твоя получи свободу!

Разноголосый шум толпы одобрил верность вождя своему слову.

– Ты научи играть своих соплеменников, – внушал вождю Рори, – и когда у вас начнутся турниры, ты всегда будешь чемпионом.

Настроение у Глима поднялось.

– Чемпионом? – в недоумении переспросил Глим.

– Ну да, чемпионом – это значит первым, самым лучшим игроком среди всех.

Мысль о том, что он будет первым шахматистом в своём племени, а быть может, и на всём побережье, утешила Глима, и он даже порадовался, что такой сильный игрок, как Рори, не вырвет у него это звание.

Возвращение домой

Дни и ночи в Торгильсдале казались бесконечными. Заброшены были вечерние развлечения, охота давала скудную добычу, потому что люди осмеливались делать вылазки из посёлка только группами по 3–4 человека. И лишь во время воскресных служб поселенцы оттаивали и возносили к небу самые жаркие молитвы о спасении Рори.

Лейф объявил, что, как только вскрыется море, «Дельфин» обшарит все окрестные берега на много десятков миль вокруг. Не может быть, чтобы они, смелые и удачливые викинги, не сумели найти следов Рори Эйлифсона. И когда похитители юноши обнаружатся, их ждёт жестокая расправа.

Но однажды в конце апреля, когда солнце, высоко стоявшее в небе, ярко освещало окрестности посёлка, Гест Альвирсон увидел, как из дальней рощи выходят цепочкой люди.

Гест немедленно поднял тревогу. Из дома выскочили все, кто там был. Поселенцы размахивали оружием, задавали вопросы. Беспокойство улеглось, когда обнаружилось, что врагов всего шестеро. Такая маленькая группа не могла угрожать Торгильсдалю.

Однако что это? Почему так спешит передняя фигура в цепочке неожиданных гостей? Почему она кажется такой знакомой?!

– Рори! Наш Рори!! – раздался радостный рёв норманнов, и они гурьбой бросились навстречу.

Впереди саженными прыжками неслись Лейф и Гест, старый Снорре Гудмундсон со слезами

радости на глазах замыкал нестройную колонну бегущих.

Объятия, поцелуи, бессвязные восклицания...

Эскимосы, провожатые Рори, стояли поодаль в недоумении.

«Как шумят эти белые, – неодобрительно думал Паок. – Столько гама, крика, а из-за чего? Наши женщины и то гораздо спокойнее...»

Удивление и радость дружинников Лейфа перешли в буйный восторг, когда они узнали, каким необыкновенным способом Рори получил свободу.

– Рори, мой мальчик, я не буду складывать об этом подвиге сагу, – смеясь и всхлипывая, говорил скальд. – Да, я не стану этого делать, потому что этому никто не поверит! Все хитрые проделки бога Локи бледнеют перед твоей. Так одурачить этого старого проходимца!

Мнение белых о Глиме несколько повысилось, когда они увидели шахматы, возвратившие Рори свободу. Старый вождь оказался великодушным: понимая, какую великую ценность будет иметь этот сувенир для освобождённого пленника, он подарил ему шахматы, а своим мастерам тут же приказал делать новые.

Когда выяснилось, что с Рори в плену обращались хорошо, не изнуряли работой, прекрасно кормили, дали новую одежду, отношение поселенцев к Паоку и другим провожатым юноши сразу изменилось. Их осыпали подношениями. К своим нартам, оставленным за рощей, они вернулись, нагруженные подарками: песчовыми капканами, охотничьими ножами, наконечниками для гарпунов, украшениями к женским нарядам...

Паок даже получил от Рори норвежские шахматы, но фигурки показались молодому эскимосу очень бедными, европейские кони и слоны в сравнении с медведями и моржами были скучны и невыразительны.

* * *

Когда море очистилось ото льдов, «Дельфин», приведённый в порядок, пустился в плавание к берегам Гренландии с трюмом, наполовину заваленным тюками пушнины, рыбьим зубом, вяленой лососиной. По дороге завернули в Маркландию и пополнили груз отличным строевым лесом.

Молодёжь особенно поразили приключения Рори Эйлифсона. Интерес к шахматной игре возрос до чрезвычайности, и резчиков по кости одолели заказами. Можно было подумать, что отныне все путешественники, которых постигнет несчастье попасть в плен, станут от него освобождаться, только выигрывая свою свободу в шахматных боях.

Обилие дичи, лесные богатства, прекрасные луга Доброй Винландии соблазнили отправиться в плавание брата Лейфа – Торвальда Эриксона. На корабле «Винландия» Торвальд с 30 спутниками, в числе которых был и Рори, этим же летом достиг посёлка Торгильедаль. Все строения оказались в целости, кроме одной избышки: её крышу разворошили медведи в поисках добычи.

Перезимовав в Винландии, Торвальд Эриксон весной следующего, 1004 года отправился к югу – на поиски новых земель. Новую, очень богатую землю Торвальд нашёл, но там же нашёл и свою смерть.

Зачинщиками ссоры с туземцами оказались европейцы. Завидев на берегу девять мирных скрелингов, люди Торвальда напали на них и перебили всех, кроме одного. Через несколько дней этот уцелевший скрелинг привёл множество лодок с воинами. Завязался бой. Стрела пронзила грудь Торвальда. Умирая, норманн сказал:

– Похороните меня на мысе, где я собирался поселиться. Я останусь здесь навеки...

Экспедиция Торвальда возвратилась в Гренландию весной 1005 года. Рори, которого судьба сохранила в испытаниях нового путешествия, больше не ездил в те края. Но жизнь поберегла для него ещё множество приключений.

Когда Рори исполнилось двадцать лет, он был статным широкоплечим молодцом с чёрными кудрявыми волосами и огневыми глазами. Ростом и силой Рори не уступал самому Лейфу. В эту зиму ему случилось охотиться во владениях некоего ярла Хьярта Тúrдарсона, по прозвищу Кривой, человека гордого, нелюдимого. Рори возвращался к морскому берегу, когда услышал пронзительный женский крик.

Вывхватив кинжал, молодой охотник бросился в направлении звука. На льду лежала девушка, а над ней поднимал передние лапы со страшными когтями огромный белый медведь. Белые медведи в этих краях встречались редко, и этого, видимо, загнал сюда голод.

Отвлекая на себя внимание зверя, Рори закричал, замахал руками. Завязалась борьба. Охотник поразил медведя ударом кинжала в сердце. Спасённая им девушка оказалась дочерью ярла Хьярта Даллой.

Молодые люди полюбили друг друга. Ярл Хьярт был признателен Роару за спасение единственной дочери, но об их браке не хотел и слышать.

Спесивый ярл знал от соседа Эрика Рыжего, что Роар Эйлифсон хотя и хорошего рода по отцу, но

матерью его была рабыня, пленная гречанка. Строго говоря, Евфалия, став женой викинга, сделалась свободной, но уже одно то, что она была куплена на ярмарке, наложило на её сына презрительное прозвище «рабынич».

Роар рос и воспитывался в такой обстановке, где никто и никогда не называл его этим прозвищем, и впервые ему пришлось услышать позорную кличку из уст гордого Хьярта.

Далле же было всё равно, чей сын её возлюбленный – рабыни или королевы. В тёмную весеннюю ночь она незаметно выбралась из дома, захватив с собой в корзинке лишь самые необходимые вещи. В фиорде её ждал Роар Эйлифсон с парусной лодкой. Молодая пара направила путь в Исландию, куда и прибыла после опасного плавания по бурному морю.

Там Роар и Далла обвенчались и прожили несколько лет в уединённом посёлке. После же смерти старого Хьярта они вернулись в Гренландию и вступили во владение его поместьем. Они жили в тесной дружбе с Лейфом Эриксоном и Торунной, которые наконец-то соединились после долгой разлуки.

Роар и Лейф совершили ещё немало дальних плаваний и много испытали опасных приключений, но уже никогда больше не побывали они в Доброй Винландии.

Заключение

Странная история произошла с открытиями норвежских викингов в западном полушарии нашей планеты. Как могло получиться, что о них забыли на целые столетия и Христофор Колумб несправедливо заслужил славу первооткрывателя Америки?

Всё объясняется тем, что в глухую пору средневековья вести о том, что происходило в мире, распространялись очень медленно. Слушая за завтраком радио, мы узнаем о результатах футбольного матча, завершившегося три часа назад в Бразилии. А ведь в те времена не было ни печатных книг, ни газет и о возможности разговаривать «по воздуху» через тридевять земель не подозревали самые изощрённые умы.

В Северной Европе в XI и последующих веках нашей эры не придавали большого значения открытиям норманнов. Предполагалось, что речь идёт о каких-то новых, европейских же землях, только пустынных и малопригодных для заселения. Подумать о том, что на земле найден новый материк, никто не мог по той причине, что в те времена понятие «материк» просто-напросто отсутствовало. Была суша, был один обтекавший её всемирный океан. Сушу составляли Европа, Азия, Африка, расположенные вокруг Средиземного моря. И чем дальше находилась страна от средоточия культуры, тем меньше знали о ней географы.

Исландия, Гренландия, и прочие «ландии» служили приютом для беглецов, гонимых из Скандинавии жизненными неурядицами. И если Исландии и Гренландии до некоторой степени повезло, и они в свои лучшие времена были довольно многочисленными странами,¹⁰⁸ то Винландия оказалась неудачницей, и нехоти Лейф Эриксон назвал её Доброй.

Как видно, Винландия была слишком удалена от Европы и даже от Исландии и Гренландии, чтобы можно было поддерживать с ней регулярные сношения. Тогдашние неуклюжие корабли с их малым тоннажем, с единственным парусом являлись скорее игрушкой ветров, чем надёжным транспортным средством: они не всегда попадали туда, куда направлялись.

Через несколько лет после плаваний, совершённых в 1002–1005 годах братьями Лейфом и Торвальдом, в тех краях побывал их родственник Тóрфинн Кáрлсефни, что означало Торфинн Удалой молодец. Его экспедиция была самой многочисленной из всех: 160 человек на трёх кораблях. Они даже везли с собой рогатый скот – коров и быков, которые, кстати, страшно перепугали туземцев, никогда не видавших таких зверей.

Интересно, что, отправляясь в плавание, Торфинн снял в аренду владения Лейфа Эриксона в Доброй Винландии: луга, леса, постройки. Это означало, что земли, открываемые викингами, закреплялись за ними по праву собственности.

Побывав в Винландии, Торфинн спустился юго-западнее и открыл страну Хоп, где мореходы нашли виноград и целые поля самосейного хлеба. Здесь норманны торговали с туземцами, выменивая у них на полоски красного сукна лисьи и соболя мех – обычная история, когда белые колонизаторы обманывали простодушных аборигенов, подсовывали им дешёвые безделушки за ценный товар.

Весной 1013 года Торфинн покинул эту страну со всеми своими людьми и вернулся в Гренландию. О его путешествии подробно рассказывают саги.

А потом случилось, что Винландия и прилегавшие к ней страны были забыты и упоминания о них остались только в рассказах летописцев и на старинных картах.

¹⁰⁸ В Исландии уже в X веке жило 25 тысяч человек, а гренландские поселения в период расцвета насчитывали 300 ферм, 16 монастырей, 2 церкви, и проживало там 4 тысячи человек.

Незавидной оказалась и участь гренландских поселений; в XIII–XIV веках они были покинуты людьми. Когда в 1350 году епископ Ивар Бóрдсон отправился навестить паству в западном поселении Вестербюгде, он нашёл там пустые дома, брошенные людьми. Куда девались поселенцы, неизвестно.

Историки связывают благополучие Гренландии с веками независимости Ледовой страны. Пока Исландия была сильной независимой державой, она вела оживлённую торговлю с гренландскими колонистами, покупала у них сырьё, продавала промышленные товары. А когда скандинавы наложили на Ледовую страну свою тяжёлую руку, захирела и сама Исландия.

Века забвения медленно проплывали над затерянной могилой Лейфа Эриксона, а потом... потом пришла посмертная слава. Найдены и прочитаны старинные летописи и саги, настойчивые, археологи раскопали древние поселения на берегах таинственной Винландии.

И Лейф Эриксон был объявлен первооткрывателем Америки. 29 октября 1887 года в Бостоне был установлен памятник первому европейскому поселенцу в Западном полушарии. В 1930 году в Рейкьявике, столице Исландской республики, на главной площади поднялась огромная фигура Лейфа. В Соединённых Штатах Америки ежегодно 9 октября справляется национальный праздник – День Лейфа Эриксона.

Торфинн Карлсефни также признан одним из первооткрывателей Америки: ему воздвигнут памятник в Филадельфии.

Скромное имя Роара Эйлифсона ускользнуло от внимания историков, но, быть может, когда-нибудь кропотливый исследователь, роясь в куче мусора, оставшейся от поместья Хьярта Турдарсона, найдёт там костяную фигурку медведя или дельфина, которая тысячу лет назад принесла Рори свободу.